

ИЗСЛѢДОВАНІЯ РУССКОЙ ПРАВДѢ

П. МРОЧЕКЪ-ДРОЗДОВСКАГО.

Выпускъ I.

Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ
Русской Правды.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

Сканирование и обработка

Bewerr

Издание Императорского Московского Университета.

О П Ы Т Ъ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ИСТОЧНИКОВЪ ПО ВОПРОСУ О ДЕНЬГАХЪ

РУССКОЙ ПРАВДЫ.

П. Мрочекъ-Дроздовскаго.

В В Е Д Е Н І Е.

Прошло около полутораста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитый въ нашей исторіографіи *В. Н. Татищевъ* открылъ въ одномъ изъ списковъ Новгородской лѣтописи *Русскую Правду*.

Въ теченіе этого долгаго времени найдены еще многіе списки этого драгоцѣннаго памятника древнерусской письменности и права; появилось нѣсколько изданій того или другаго списка или сводовъ изъ нѣсколькихъ списковъ; возникъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, или исключительно посвященныхъ объясненію и разработкѣ нашего памятника, или же касающихся его по связи съ другимъ предметомъ изслѣдованія. Но, не смотря на обширную литературу о Русской Правдѣ, не смотря, далѣе, на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ изслѣдованій о ней,—дѣлу объясненія и разработки нашего памятника еще далеко до желаннаго конца, наши ученые еще не сказали о Русской Правдѣ послѣдняго слова, и—скоро-ли оно будетъ сказано?

Относительно ученой разработки особенно посчастливилось, такъ сказать, *внѣшней сторонѣ* Правды: вопросамъ объ ея происхожденіи, составѣ, времени дѣйствія, о спискахъ, ихъ сходствахъ и различіяхъ; относительно послѣдняго вопроса не только самымъ замѣчательнымъ, но до сихъ поръ и, какъ кажется, еще надолго впредь единственнымъ является трудъ *Н. В. Калачева*: *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объ-*

исненія Русской Правды (М. 1846 г.). Калачевъ собралъ, описалъ всѣ доселѣ извѣстные списки Правды и представилъ на основаніи этого богатаго матеріала *сводный списокъ*, предваривъ свое описаніе обстоятельнымъ обзоромъ и критикою предшествующей литературы предмета.

По отношенію къ вопросамъ о происхожденіи, составѣ, времени дѣйствія нашего памятника должно сказать, что этихъ вопросовъ касались многіе писатели, не только изучавшіе Русскую Правду, какъ исключительный предметъ изслѣдованія, какъ, напр., Э. С. Тобинъ (E. S. Tobien.) ¹⁾, но и писатели, касавшіеся лишь стороною и болѣе или менѣе подробно вопроса о Русской Правдѣ въ связи съ главнымъ предметомъ своего изслѣдованія. Въ ряду послѣднихъ особенно подробно и поучительно изслѣдовали эти вопросы профессоръ Н. Л. Дювернуа въ своемъ почтенномъ трудѣ: *«Источники права и судъ въ древней Россіи»* (М. 1869 г. стр. 44—155). Въ этой книгѣ даровитому изслѣдователю удалось выработать теорію происхожденія и состава Русской Правды настолько убѣдительную, что при нынѣшнемъ состояніи вопроса о нашемъ памятникѣ и его разработки—предположенія г. Дювернуа могутъ быть приняты, по крайней мѣрѣ, за наилучшія.

Я говорю, *предположенія*... Въ самомъ дѣлѣ: вопросы о происхожденіи, составѣ и времени дѣйствія Правды Русской не могутъ быть окончательно рѣшены, пока, съ одной стороны, не будутъ разысканы и изслѣдованы всѣ наличные списки памятника, ибо кто можетъ ручаться за то, что всѣ они въ существенныхъ чертахъ совершенно подобны доселѣ найденнымъ? Быть можетъ, въ нихъ отыщутся такіе варіанты или такая разница въ размѣщеніи отдѣльныхъ статей, которые сразу измѣнятъ всѣ до сихъ поръ ходячія мнѣнія относительно того или другаго вопроса и, быть можетъ, продиктуютъ намъ единственно вѣрное его рѣшеніе. Но гораздо важнѣе, съ другой стороны, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію означенныхъ *важныхъ* вопросовъ, изслѣ-

довать нашъ памятникъ съ *внутренней стороны*, т.-е. прежде всего объяснить, истолковать его, указать на слѣды его институтовъ и отдѣльных постановленій въ позднѣйшихъ памятникахъ права, пока эти слѣды не исчезаютъ совершенно въ новыхъ формахъ, въ новыхъ институтахъ, явившихся во времена болѣе широкаго праворазвитія. Наконецъ вопросъ о происхожденіи *Правды Русской*, а равно и объ ея составѣ и постепенномъ сложении долженъ окончательно разрѣшиться на почвѣ ея сравненія съ древними законами (*правами*) славянскими, германскими, сѣверными, а для того, чтобы уяснить послѣдующее вліяніе Христіанства на первобытное грубое правосознаніе Славяноруссовъ—язычниковъ, вліяніе образующее, какое всюду оказывала Христова Вѣра и Церковь на человѣческія общества и право: чтобы уяснить, говорю, это вліяніе и на Правду Русскую, необходимо обратиться къ розысканіямъ въ Византійскомъ Правѣ *гражданскомъ и церковномъ* ²⁾.

Таковы широкіе предѣлы задачи того кто задумаетъ окончательно порѣшить съ Русской Правдой, сказать о ней *последнее слово*. Но несомнѣнно (и для насъ весьма важно) то, что въ дѣлѣ полного изслѣдованія нашего драгоценнаго памятника рѣшенію вышепоставленныхъ вопросовъ долженъ предшествовать цѣлый рядъ изслѣдованій по содержанію его, причемъ началомъ этихъ изслѣдованій является объясненіе памятника съ филологической и историко-юридической точекъ зрѣнія.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, покойный *М. И. Погодинъ*, которому принадлежит незабвенная въ нашей исторической наукѣ честь полного собранія и всесторонняго освѣщенія источниковъ нашей домонгольской исторіи и которому мы обязаны многими цѣнными совѣтами и указаніями, обильно разсѣянными въ его «*Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской Исторіи*»,—Погодинъ, касаясь вполнѣ, впрочемъ, почтеннаго труда Калачева о Русской Правдѣ, сказалъ слѣдующія полныя значенія слова:

«Г. Калачевъ вздумалъ самую Русскую Правду раздѣлить по категоріямъ новой науки, и Правда у него, разумѣется, пропала... Спрашивается,—не достиглась-ли бы цѣль трудолюбиваго автора, еслибъ онъ, объяснивъ свой памятникъ въ цѣломъ его видѣ, представивъ намъ полную картину, предложилъ бы въ заключеніе результаты настоящихъ своихъ изслѣдованій, и сказалъ-бы: такія то статьи (sic) принадлежатъ къ народному праву, такія то статьи принадлежатъ къ государственному, уголовному праву и т. п.»³⁾. Эти слова одного изъ трудолюбивѣйшихъ и ученѣйшихъ нашихъ писателей заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, ту вѣрную мысль, что толкованіе древнеправоваго памятника должно предшествовать всякому другому дѣлу по его изслѣдованію; имъ должны открыться изслѣдованія и о Русской Правдѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: изученіе памятниковъ права, лежащее въ основѣ всякаго серьезнаго изслѣдованія какого-бы то ни было историко-правоваго вопроса, всякаго дѣльнаго и плодотворнаго разсужденія о томъ или другомъ предметѣ историко-правоваго вѣдѣнія, невозможно безъ толкованія. Прежде всего древній правовой памятникъ долженъ говорить понятнымъ изслѣдователю языкомъ, а равномѣрно долженъ въ глазахъ его являться неразрывною частью того юридическаго быта, при которомъ онъ жилъ, дѣйствовалъ и который его создалъ. Истина простая: чтобы *знать*, надобно *понимать*, но тѣмъ не менѣе я считаю себя въ полномъ правѣ напомнить эту истину, приступая къ изслѣдованіямъ о Русской Правдѣ. Всякій, кто хоть бѣгло просматривалъ обширную литературу о нашемъ памятникѣ, знаетъ какъ мало согласія между отдѣльными писателями относительно пониманія различныхъ статей этого памятника, откуда проистекаютъ различныя и даже противоположныя сужденія о тѣхъ или другихъ институтахъ нашего древняго права, различныя теоріи, касающіяся права, процесса, строя управленія нашихъ предковъ. Въ этихъ теоріяхъ или, по крайней мѣрѣ, во многихъ изъ нихъ мысли основательныя,

плодъ близкаго знакомства съ историческими данными, перемѣшаются съ неосновательными предположеніями, а иногда и прямо съ увлеченіями и вымыслами слишкомъ воспримчиваго воображенія... Есть и попытки толкованій, но эти попытки большею частью ограничиваются объясненіемъ устарѣвшихъ и трудно понимаемыхъ словъ памятника, причемъ нерѣдко случайное сходство звуковъ, а иногда и просто предубѣжденіе и неразлучная съ нимъ натяжка рѣшаютъ норманское, германское, греческое, славянское или какое-либо иное происхожденіе того или другаго слова. Въ послѣдующихъ выпускахъ своихъ *Изслѣдованій* я оправдаю сказанное здѣсь фактами; теперь же достаточно однихъ безыменныхъ указаній.

Въ концѣ концовъ нельзя не сознаться что, не смотря на всѣ усилія цѣлаго ряда знатоковъ и изслѣдователей нашихъ древностей, мы до сихъ поръ стоимъ предъ Русской Правдой, какъ предъ загадкой, теряемся въ объясненіи ея языка, ея понятій и постановленій; вмѣстѣ съ этимъ, не понимая Русской Правды, мы плохо знаемъ и ту давно угасшую жизнь, въ строѣ которой Правда была основнымъ тономъ, основною мыслию. Причина этого—въ отсутствіи *правильнаго объясненія*, или *толкованія*, древней русской Правды, давно умолкшей, умершей и погребенной подъ тяжелыми слоями позднѣйшаго, петербургскаго законодательства.

Но на чемъ-же должно основываться такое *правильное объясненіе*? Гдѣ источники для него?

Безъ сомнѣнія, въ памятникахъ письменности и права, пока въ нихъ встрѣчаются указанія на то или другое понятіе, на то или другое выраженіе или институтъ, которые находятся и въ Правдѣ или же которые носятъ на себѣ слѣды болѣе или менѣе близкой связи съ Правдой. При этомъ, однако, нельзя довольствоваться лишь однѣми *избранными мѣстами*,—для этого необходимо, по возможности и смотря по дѣлу, не пропускать ни единой іоты, ни черты единой при чтеніи и изученіи памятниковъ

письменности и права: подобно тому, какъ дѣлалъ Погодинъ съ лѣтописями и какъ дѣлали другіе изслѣдователи по частнымъ вопросамъ нашихъ древностей. Повременный сводъ лѣтописныхъ и иныхъ данныхъ долженъ предшествовать толкованію и сопровождать его, причемъ объясненіе памятника въ цѣломъ должно предшествовать разсмотрѣнію частей его. Погодинъ, которому принадлежитъ и приведенное сейчасъ правило толкованія ⁴⁾, въ одномъ изъ болѣе раннихъ выпусковъ или томовъ своихъ *Изслѣдованій* предлагаетъ цѣлую программу тѣхъ *отдѣльныхъ операций*, которыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ произвести надъ Русской Правдой. Эта программа сходна съ тою, какую я предлагаю выше; разница только въ хронологическомъ порядкѣ *операций*: такъ, Погодинъ ставитъ изслѣдованіе и объясненіе языка памятника послѣ тѣхъ *операций*, которыя можно произвести только на основаніи такого изслѣдованія и объясненія, какъ то: послѣ доказательства подлинности Правды, нахожденія и отдѣленія въ ней началъ скандинавскаго, славянскаго, христіанскаго и т. п. ⁵⁾ Кромѣ того, однимъ объясненіемъ языка, по моему, дѣло ни въ какомъ случаѣ не должно ограничиваться: необходимо толкованіе не только филологическое, но и историко-юридическое, состоящее въ изслѣдованіи и разъясненіи связи правовыхъ понятій и институтовъ Правды съ тогдашнею жизнью, какъ намъ рисуютъ ее лѣтописи, памятники права и иные памятники нашей древней письменности. Впрочемъ, по всей вѣроятности, это требованіе выставляется и Погодинымъ въ словахъ: «показать отношенія ея (Правды Русской) къ Русской Исторіи».

Разсматривая литературу нашего памятника, нахожу то же, что нашелъ и Погодинъ въ 1846 году относительно тогдашней научной постановки вопроса: по всѣмъ отдѣламъ устанавливаемой программы произведены опыты, болѣе или менѣе широко охватывающіе вопросъ, значительно увеличившіеся въ числѣ сравнительно съ погодинскимъ временемъ (о качествахъ я здѣсь не говорю).

Къ этимъ опытамъ я, какъ тогда Погодинъ къ бывшимъ до него, присоединяю и свой.

Цѣль моихъ *Изслѣдованій о Русской Правдѣ* состоитъ въ томъ, чтобы, отпечатавъ текстъ двухъ первыхъ древнѣйшихъ *фамилій* памятника съ необходимыми дополненіями третьей *фамиліи* и съ вариантами по печатнымъ спискамъ, объяснить его съ указанныхъ точекъ зрѣнія на основаніи также указаннаго матеріала и, затѣмъ,—представить содержаніе Русской Правды въ систематическомъ видѣ, раздѣляя статьи ея по категоріямъ науки права. При этомъ въ первомъ отдѣлѣ моего труда будутъ сосредоточены главнымъ образомъ толкованія грамматическія и данныя исторіи, служащія къ разъясненію того или другаго слова и его употребленія въ нашемъ древнемъ языкѣ; во второмъ же отдѣлѣ будутъ *сосредоточены толкованія историко-юридическія*; эти послѣднія должны представить намъ Правду, такъ сказать, въ движеніи, въ дѣйствіи и указать на ея связь со всей послѣдующей исторіей нашего права и законодательства, пока такая связь существовала, пока голосъ старой Правды не умолкъ окончательно предъ явленіями новой жизни, выработавшей инныя болѣе сложныя понятія, иной бытъ, иной строй правосознанія. Какъ и въ какихъ границахъ будетъ выполненъ мною этотъ трудъ, постараюсь объяснить въ предисловіи къ слѣдующему выпуску *Изслѣдованій*, который не замедлитъ выйти въ свѣтъ; тамъ же будутъ представлены и основанія тѣхъ пріемовъ, которые употреблялись мною при этомъ, теперь считаю достаточнымъ указать на свою программу лишь въ общихъ чертахъ и перехожу къ предмету настоящаго выпуска.

Приступая къ толкованію Правды Русской, изслѣдователь немедленно наталкивается на вопросъ о денежной системѣ этого памятника. Уклониться отъ посильнаго рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣнія этого вопроса нѣтъ никакой возможности: иначе многое въ нашемъ памятникѣ останется непонятнымъ, а

иное—понятнымъ не съ надлежащей полнотой и опредѣленностью. Размѣры взысканій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оцѣнки домашнихъ животныхъ, хозяйственныхъ продуктовъ, нѣкоторыя статьи права гражданскаго (напр., постановленія о *рѣзахъ*, или процен-тахъ): все это будетъ намъ мало понятно, если мы предваритель-но не заручимся свѣдѣнiami о *уригни* и ея частяхъ; а нѣкоторыя весьма важныя постановленія Правды безъ такихъ свѣдѣнiй пред-ставятся какъ-бы сплошною ошибкою писца.

Если оцѣнки домашнихъ животныхъ выражены въ *уризнахъ*, *рѣ-занахъ*, то, очевидно, для ихъ пониманiя необходимо знать, что такое *уригна* и *рѣзана* и какое отношенiе этихъ единицъ между собою; если, далѣе, въ позднѣйшей редакцiи этихъ оцѣнокъ мы видимъ измѣненiя какъ въ единицахъ—вмѣсто *рѣзанъ* встрѣчают-ся *куны*—, такъ и въ цифрахъ: вмѣсто 60 *рѣзанъ* 7 *кунъ* ⁶⁾, то изъ этого можно сдѣлать тотъ или другой выводъ только уз-навъ, что такое *куна* и каково ея отношенiе къ *уригни*, *рѣзанъ*; стало-быть, только въ такомъ случаѣ можно понять смыслъ этихъ измѣненiй: не говорю уже о томъ, что лишь при этомъ условiи можно отвѣтить на вопросъ объ измѣненiи цѣнъ на данныя иму-щественныя объекты въ разныя времена жизни древней Руси.

Статьи о содержанiи нѣкоторыхъ княжескихъ чиновниковъ, какъ-то: *поклонъ*, или *уроки вирный*, *уроки городнику*, *мостнику*, статьи имѣющiя не маловажное значенiе по вопросу о древнерус-скомъ управленiи, могутъ быть разъяснены только при условiи обладанiя свѣдѣнiami о денежной системѣ Правды: безъ этого онѣ представляются простымъ наборомъ непонятныхъ словъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствii тѣхъ же свѣдѣнiй останутся необъяснен-ными нѣкоторыя отношенiя между старшими и младшими члена-ми древнерусской служилой iерархiи, тогда какъ въ противномъ случаѣ эти отношенiя могутъ быть до нѣкоторой степени уясне-ны. То же должно сказать и о позднѣйшихъ инвентаряхъ, смыслъ и значенiе которыхъ находятся въ тѣсной связи съ денежной си-

стемой даннаго времени. Кромѣ того, сущность древняго воззрѣнія на различныя преступленія и соотвѣтствующія имъ наказанія, на различныя сдѣлки гражданскаго оборота, словомъ: содержаніе большей части памятника уяснится намъ только при условіи знакомства съ разсматриваемымъ здѣсь вопросомъ; наконецъ, иногда самая связь отдѣльныхъ статей Правды между собою можетъ быть восстановлена, несмотря на раздѣляющія *надписанія* большей части списковъ, то же при помощи этихъ свѣдѣній.

Такъ важенъ вопросъ о древней *гривенной* или *кунной* системѣ для пониманія Русской Правды; его значеніе велико не только въ археологическомъ, но и въ историко-юридическомъ смыслѣ. Понятно послѣ этого, что рѣшеніе даннаго вопроса является ключемъ для толкованія нашего памятника.

Въ нашей исторической литературѣ этотъ вопросъ былъ неразъ возбуждаемъ, и древнерусскія деньги вообще разсматривались и съ нумизматической, и съ исторической точекъ зрѣнія; равномѣрно, и относительно денежной системы древнѣйшей, до XIV вѣка, нѣтъ недостатка ни въ критикѣ источниковъ, ни въ историческихъ изысканіяхъ, ни въ догадкахъ и предположеніяхъ. Труды по этой части украшаются именами заслуженныхъ нашихъ историковъ и историковъ-юристовъ,—именами Круга, Карамзина, Соловьева, Бѣляева, Лешкова и др. Но за всѣмъ тѣмъ вопросъ о деньгахъ Русской Правды до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно и безспорно, и если въ настоящее время можно считать въ достаточной степени выясненными вопросы о *матеріалѣ* денегъ того времени,—были-ли онѣ металлическія или какія либо иныя; о первоначальной величинѣ главной единицы этой системы, *гривны*; даже объ отношеніи этой послѣдней къ позднѣйшему рублю, то все-таки цѣлый рядъ другихъ вопросовъ остается еще невыясненнымъ; таковы, напр., весьма важныя вопросы—о взаимномъ отношеніи единицъ этой древней денежной системы между собою, о срав-

нительной величины гривны въ разное время и ин. Эти вопросы получаютъ и до сихъ поръ разнообразныя рѣшенія, какъ это видно изъ прилагаемаго очерка. Въ виду такого состоянія вопроса, толкователь Правды Русской и теперь, какъ во времена Карамзина и Каченовскаго, не имѣетъ никакого права уклоняться отъ изслѣдованія гривенной системы; ему необходимо это изслѣдованіе для того, чтобы на основаніи его высказаться такъ или иначе самому объ этомъ предметѣ и тѣмъ, устранивъ разнообразіе мнѣній писателей, открыть себѣ путь къ пониманію своего памятника; ему необходимо предпослать толкованію новый пересмотръ того матеріала, тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно и должно рѣшать вопросъ о деньгахъ Русской Правды. Посильный опытъ такого пересмотра я нынѣ и представляю на судъ знатокъ дѣла.

Но вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще и о деньгахъ Русской Правды въ частности есть вопросъ сложный, многосторонній, и потому изслѣдователю, касающемуся этого вопроса ради другой цѣли, слѣдуетъ ограничиться какою либо одною или нѣсколькими сторонами его,—именно тѣми, которыя необходимы для его цѣли, если конечно такое сбереженіе времени и труда возможно по самому существу дѣла. Какія же стороны представляетъ вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще и о деньгахъ Русской Правды въ частности? Изъ какихъ частей состоитъ эта сложная задача? Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о деньгахъ Русской Правды, изслѣдователь, посвятившій себя исключительно этой задачѣ, долженъ на основаніи источниковъ освѣтить сношенія Славяно-руссовъ съ иноземными народами въ данное время и именно сношенія торговыя, прослѣдить и представить ихъ развитіе, обогащающее цѣнностями внутренній оборотъ, оживляющее и, такъ сказать, ускоряющее его ¹⁾. Далѣе изслѣдователь долженъ перейти къ вопросу, какія деньги могли обращаться на Руси въ данное время: могли-ли обращаться только такія единицы, кото-

рыя сами по себѣ представляютъ цѣнности, или же и такія, которыя, не имѣя внутренней цѣнности, имѣютъ лишь номинальную цѣну. Когда торговля находится еще въ неразвитомъ состояніи, то орудіемъ обмѣна является главнымъ образомъ или исключительно, цѣнность наиболѣе употребительная, наиболѣе цѣнимая въ данномъ обществѣ; такою цѣнностью являются, на примѣръ, мѣха цѣлыя или ихъ части, идущія на одежду, и т. под. Съ развитіемъ торговли, съ ея оживленіемъ дѣлается все болѣе и болѣе ощутительнымъ неудобство такихъ орудій обмѣна, а съ другой стороны развивается знакомство съ благородными металлами—преимущественно съ развитіемъ торговыхъ и иныхъ сношеній съ иноземцами, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ своихъ рудниковъ или ихъ разработки, развитіе такихъ сношеній является единственнымъ источникомъ полученія благородныхъ металловъ.

Безъ сомнѣнія, первичною формою обращенія металловъ является ихъ вѣсъ. Будучи орудіемъ оборота, металлъ является въ то же время и въ качествѣ товара; такъ, нѣмецкая *марка* ⁸⁾ первоначально означала вѣсъ 8 унцій или 16 лотовъ; между-тѣмъ уже въ половинѣ XI вѣка марка является, какъ основная единица денежной системы—въ Германіи, Франціи, Богеміи: при этомъ, она и въ качествѣ оборотной цѣнности продолжаетъ употребляться по вѣсу, и это вѣсовое значеніе марка утрачиваетъ лишь мало по малу,—лишь въ послѣдствіи становится *числительною* (*Zahlenmark*) и только въ этомъ качествѣ уже разнообразится въ вѣсѣ въ разныхъ странахъ и вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ ⁹⁾. Само собою разумѣется, что подобныя измѣненія первоначальной вѣсовой единицы въ числительную (счетную) обуславливаются успѣхами торговли: вслѣдствіе большаго развитія торговыхъ оборотовъ и, такъ сказать, самой *идеи* денегъ вѣсъ какъ денежнымъ расчетамъ перестаетъ примѣняться, и появляется счетная денежная единица прежде въ формѣ слитковъ изъ благородныхъ металловъ, а въ послѣдствіи и въ видѣ обыкновенной медальной монеты.

ты. Въ монетномъ дѣлѣ вообще литье предшествуетъ чеканкѣ, т.-е. выдѣлкѣ, такъ сказать, медальной монеты ¹⁰⁾.

Какъ кажется, развитіе монетнаго дѣла также зависитъ отъ развитія внутренняго и внѣшняго рынка, и монеты наиболѣе правильной формы, съ наиболѣе опредѣленными легендами и изображеніями принадлежать ко временамъ большаго историческаго развитія народовъ; напротивъ, во времена болѣе отдаленныя, на сравнительно низшей ступени историческаго роста, медальная монета или вовсе не существуетъ, или же является главнымъ образомъ въ видѣ неправильныхъ кусковъ благороднаго металла съ неясными признаками принадлежности къ извѣстному времени или вовсе безъ такихъ признаковъ.

Баронъ Герберштейнъ, собравшій изустныя свѣдѣнія о монетномъ дѣлѣ въ Россіи, слышалъ объ употребленіи металлическихъ слитковъ до введенія медальной монеты, но, не видавъ самъ этихъ слитковъ и, очевидно, не понявъ дѣла, полагалъ, что до введенія той монеты, которая обращалась въ его время, въ Россіи, была въ употребленіи грубая, первобытная медальная-же монета; онъ говоритъ: «... *Initio, cum argentum in provinciam inferebatur, fundebantur portiunculae oblongae argenteae sine imagine et scriptura, estimatione unius rubli; quarum nulla nunc apparet*» ¹¹⁾. Почти дословно то же извѣстіе находимъ и у Гваньина: «... *Primum etenim, cum argentum ab externis ad eos (Russos) importari coeptum est, tum fundebantur portunculae oblongae argenteae sine imagine et scriptura valoris unius rubli*» ¹²⁾. Употребленіе слова *portiunculae* указываетъ на то, что Герберштейнъ и Гваньинъ думали не о слиткахъ *цѣною въ рубль*, а именно о медальной монетѣ рублевого достоинства, но тѣмъ не менѣе эти *portiunculae oblongae estimatione unius rubli* суть, очевидно, ничто иное, какъ *привычныя серебра*, которыя еще въ XIV вѣкѣ, со времени введенія рублевой системы, были замѣнены *рублями*, какъ то будетъ видно изъ моего *Опыта*; объ этихъ продолговатыхъ слиткахъ и говорили

Герберштейну, но онъ, привыкши къ монетѣ медальной, понялъ, что ему говорятъ о первичной, грубой формѣ ея, о продолговатыхъ мелкихъ кускахъ серебра безъ означеній. Такъ, полагаю, можно объяснить слова обоихъ названныхъ писателей, ибо о такихъ монеткахъ, о какихъ говорятъ они, нѣтъ никакого свѣдѣнія въ русской нумизматикѣ, которая напротивъ, обладаетъ данными въ подтвержденіе мысли о знакомствѣ нашемъ съ монетнымъ дѣломъ въ болѣе древнія времена ¹³).

Свидѣтельство Герберштейна, какъ и Гваньина, есть не болѣе, какъ краткій очеркъ преемственности различныхъ денежныхъ системъ въ древней Руси; въ этомъ очеркѣ говорится и о мѣхахъ, какъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ предшествовавшихъ слиткамъ ¹⁴), но если въ немъ обозначено время введенія медальной монеты ¹⁵), то на смѣну мѣховъ слитками указано безъ опредѣленія времени, когда это случилось.

Исслѣдователь чешскихъ монетъ, *Фойгтъ*, описывая нумизматическія древности Богеміи, старается доказать, что монетное дѣло было извѣстно тамъ еще при герцогахъ-язычникахъ. Въ доказательство своей мысли онъ ссылается на находимые въ разныхъ мѣстахъ Богеміи кусочки благородныхъ металловъ неправильной, вогнутой формы, похожей на форму брактеатовъ, безъ легендъ и съ неясными, какъ-бы символическими изображеніями. Эти *кусочки* извѣстны въ народѣ подъ названіемъ *Regenbogenschüslein*, или *Regenbogenschüsselchen*, а у нумизматовъ подъ различными наименованіями: *Scutellae Iridis*, *Asterisci*, *Guttæ Apollinis*. Считая эти загадочные металлическіе кусочки ничѣмъ инымъ, какъ монетами древнихъ герцоговъ-язычниковъ, *Фойгтъ* даже описываетъ способъ ихъ производства монетчиками ¹⁶). Впрочемъ, какъ кажется, въ виду всего того, что говоритъ тотъ-же писатель объ употребленіи въ Богеміи ранѣе XII вѣка,—когда началась тамъ разработка собственныхъ рудниковъ,—исключительно монеты иностранной или монеты по иностранному образцу, и что дѣйстви-

тельно видно изъ торговыхъ уставовъ IX вѣка, приводимыхъ также Фойгтомъ и въ которыхъ нѣтъ упоминанія ни о какихъ туземныхъ монетахъ; равномѣрно, въ виду того, что говоритъ этотъ писатель о предполагаемой монетѣ Любуши (VIII вѣка),—его теорія о Regenbogenschüsselchen сомнительна, тѣмъ болѣе, что происхожденіе и значеніе этихъ находокъ скрывается въ такой незапамятной древности, что самъ народъ утратилъ о нихъ всякое разумное представленіе и полагаетъ, что они падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождевыми каплями.

Быть можетъ, это были также монеты чужестранныя, неизвѣстно, когда употребившіяся и откуда занесенныя въ Богемію ¹⁷⁾.

Здѣсь кстати нѣсколько словъ объ употребленіи чужихъ монетъ, на что также долженъ обратить вниманіе изслѣдователь древнихъ денежныхъ системъ.

Употребленіе чужихъ монетъ у различныхъ народовъ—фактъ несомнѣнный, но изслѣдователю необходимо строго различать тѣ историческія условія, при которыхъ у разныхъ народовъ является такое заимствованіе, такъ какъ его нельзя объяснить а priori предположеніемъ одной и той же ступени историческаго развитія. Если, напр., Славянорусы X-го вѣка употребляли у себя арабскіе диргеми на ряду съ монетами греческими ¹⁸⁾, то изъ этого, очевидно, никакъ не слѣдуетъ, чтобы ихъ политической и общественный бытъ стоялъ на той же ступени развитія, на какой онъ стоялъ въ Византіи VIII вѣка, когда императоры ввели въ употребленіе тѣ же арабскіе диргеми ¹⁹⁾: ибо если у Славяноруссовъ это заимствованіе обуславливалась недостаткомъ своего металла, неумѣlostью въ монетномъ дѣлѣ, то у Грековъ VIII вѣка это объясняется ухудшеніемъ достоинства благороднаго металла въ монетѣ, уменьшеніемъ *блага серебра*: причины различныя, хотя слѣдствія одни и тѣ же; младенецъ сходится со старикомъ: народъ младенецъ, новичекъ въ торговлѣ и обращеніи съ драгоценными металлами, пользуется чужой монетой такъ же, какъ и на-

родъ старый, опытный въ этомъ дѣлѣ и путемъ своего многолѣтняго опыта и широкаго развитія оборотовъ своей торговли дошедшій до обезцѣненія своей монеты. Наконецъ, сами Арабы X—XI вѣковъ употребляютъ византійскіе монеты; такъ на одной мѣдной монетѣ, приписываемой императору Іоанну Цимисхію (969—976), значатся двѣ арабскія монограммы, что очевидно было, такъ сказать, санкціею этой монеты у Арабовъ; то же видимъ на одной мѣдной монетѣ императора Алексѣя Комнина (1081—1118) ²⁰⁾, а само собою разумѣется, что самый фактъ употребленія мѣдной монеты указываетъ на высшую ступень денежнаго обращенія у Арабовъ X—XI вѣковъ сравнительно съ современными имъ Славяноруссами.

Покойный И. Д. Бѣляевъ въ своей статьѣ: *«Били ли на Руси монету до XIV столѣтія?»* выразилъ ту вѣрную мысль, что обращеніе иностранной монеты, да еще и разныхъ странъ, на Руси должно было зародить мысль о собственной монетѣ ²¹⁾; то же сказалъ въ послѣдствіи А. А. Куникъ. ²²⁾ Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что разнообразіе чужестранныхъ монетъ, издавна обращавшихся на Руси, должно было вызвать потребность въ какомъ-нибудь собственномъ мѣрилѣ, по сравненію съ которымъ эти разнородныя монеты могли бы имѣть болѣе или менѣе опредѣленную оцѣнку. Само собою разумѣется, что древніе наши ковачи начали съ подражанія монетамъ византійскимъ, наиболѣе обращавшимся среди ихъ соотечественниковъ, и это сразу опредѣлило типъ нашихъ древнихъ монетъ. Подражаніе иностранной монетѣ и именно монетѣ того народа, съ которымъ велись наиболѣе оживленныя торговыя отношенія, есть явленіе повсемѣстное; такъ въ Богеміи до XII столѣтія мастера подражали франкской монетной системѣ, почему богемскія туземныя монеты не имѣли тамъ туземныхъ названій, а назывались франко-римскими именами *денаріевъ, питті, оболовъ* ²³⁾, но всего распространеннѣе въ средневѣковой нумизматикѣ подражаніе монетамъ

византійскимъ, имѣвшимъ тогда наиболѣе распространенное обращеніе между различными народами; его мы встрѣчаемъ у народовъ отдаленныхъ другъ отъ друга значительными пространствами; такъ, если Греки, какъ видно было выше, заимствовали у Арабовъ ихъ диргемы, если даже въ то же время, т. е. отъ VIII до половины X вѣка, византійскіе милліарезіи копируются съ арабскихъ диргемовъ, то и Арабы, начиная съ VIII вѣка, подражаютъ византійской мѣдной и золотой монетѣ; византійской монетѣ подражаютъ Грузины, Скандинавы ²⁴); въ Венеціи и Сициліи—рабское подражаніе все той же византійской монетѣ ²⁵). На Руси, хотя постоянное и твердое обращеніе медальной монеты было явленіемъ сравнительно позднѣйшимъ, выдѣлка собственной монеты по образцу византійскому, съ изображеніями этого типа и легендами,—началась весьма рано; такихъ монетъ, впрочемъ, было мало, о нихъ не говорятъ ни лѣтописи, ни иные памятники древней русской письменности.

Въ концѣ прошедшаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи было найдено у насъ нѣсколько медальныхъ монетъ съ славянскими легендами и болѣе или менѣе грубыми изображеніями на лицевыхъ и оборотныхъ сторонахъ; эти монеты, исключительно серебряныя и золотыя, въ настоящее время, послѣ капитальнаго о нихъ изслѣдованія А. А. Куника, должно считать принадлежащими домонгольскому періоду Русской Исторіи. Я разумѣю золотыя и серебряныя монеты съ именами Владиміра и Ярослава ²⁶). Типъ этихъ монетъ несомнѣнно византійскій, что видно на лицевыхъ и отчасти оборотныхъ сторонахъ; изображеніе св. Георгія Побѣдоносца на лицевой сторонѣ *Ярослава серебра* совершенно подобно византійскимъ изображеніямъ этого святаго, гдѣ онъ представляется обыкновенно до пояса, съ копьемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ; изображеніе византійскаго креста, употреблявшееся на Западѣ только до половины VII вѣка (съ подножіемъ и шариками); форма и употребленіе *нимбовъ*, т. е. не-

тлѣнныхъ вѣнцовъ; трилистники, которые встрѣчаются между прочимъ, и на шведскихъ монетахъ половины XI вѣка: все это несомнѣнные признаки византійскаго монетнаго типа; то же должно сказать и о легендѣ вокругъ изображенія св. Георгія на *Ярославѣ сребрѣ*: эта легенда безспорно греческая и сдѣланная по греческому образцу ²⁷⁾. Легенды, окружающія изображенія на лицевой и оборотной сторонахъ нашихъ монетъ, суть слѣдующія: «*Ярославе сребро*», «*Володимеръ на столѣ, а се его сребро*», «*.....а се его злато*» ²⁸⁾. Выраженія: *столъ, на столѣ*, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, означаетъ *власть княжескую*, какъ-то будетъ объяснено въ одномъ изъ будущихъ выпусковъ моихъ *Изслѣдованій о Русской Правдѣ*; на языкѣ венгерскихъ актовъ подобное же значеніе связано со словомъ *tabula*, которое употребляется въ смыслѣ *совета, засѣданія*, а также и *юрисдикціи*; въ польскомъ языкѣ тоже значать *stół (stolek), stolec*. Въ нумизматическомъ отношеніи наше выраженіе *на столѣ* напоминаетъ изображеніе на польскихъ монетахъ временъ Болеслава Кудряваго (1148—1173) и его двухъ братьевъ, Мечислава и Казимира ²⁹⁾, гдѣ всѣ три князя—въ знакъ, такъ сказать, совладѣнія, союза власти, изображаются сидящими *за однимъ столомъ*. Что же касается до выраженій: «*.... а се его сребро*», «*.... а се его злато*», то нѣчто подобное встрѣчается и на германскихъ монетахъ и выражаетъ принадлежность ихъ извѣстному царствованію; такъ на пфеннигѣ (*солидъ, денарій*) Императора Людовика Благочестиваго (814—840) на лицевой сторонѣ имѣется легенда: *HLVD OVVICUS IMP.*, а на оборотной: *METALLUM* ³⁰⁾.

Таковы нѣкоторые данныя, представляющіяся изслѣдователю по вопросу о слиткахъ и монетахъ, ихъ обращеніи и преемственности на Руси. Ему предстоитъ собрать и разъяснить много отдѣльныхъ чертъ, разбѣянныхъ по различнымъ памятникамъ письменности отечественной и иностранной, и, не ограничиваясь одними соб-

ственно историческими изысканіями, занятія и изслѣдованіями нумизматическими.

Благородные металлы сами по себѣ суть цѣнности, и, какъ таковыя, повторяю, могутъ быть и бываютъ не только орудіемъ, но и объектомъ гражданскаго оборота; выше сказано, что первоначально, какъ только эти металлы входятъ въ употребленіе въ качествѣ цѣнности оборотной, употребляется вѣсовая единица.

Это было и у насъ на Руси: то же чистое серебро, которое продавалось и покупалось какъ товаръ, служило и въ качествѣ денегъ; затѣмъ качество оборотнаго серебра, степень его чистоты, ухудшается, — появилась смѣсь, которая все болѣе и болѣе обезцѣнивается, и номинальная цѣна все менѣе дѣлается соотвѣтственной дѣйствительной. Такимъ образомъ, появленіе благородныхъ металловъ въ качествѣ оборотныхъ цѣнностей въ послѣдствіи сопровождается появленіемъ *кредита* съ которымъ связано колебаніе въ отношеніи цѣны металлической денежной единицы къ вѣсу заключающагося въ ней чистаго металла; дальнѣйшее развитіе кредита проявляется наконецъ въ томъ, что возникаютъ *цѣнности номинальныя*, имѣющія свое основаніе только въ кредитѣ и имъ поддерживающіяся. Такими номинальными цѣнностями являются такъ называемыя *размѣнныя, билонныя монеты*, дѣлающіяся изъ различныхъ низшихъ металловъ, а преимущественно изъ мѣди. Билонъ замѣняютъ собою такую незначительную денежную мелочь, которая не можетъ быть отчеканена изъ серебра въ видѣ монеты; слѣдственно, какъ таковая замѣна, билонъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *единицею кредитною* ³¹⁾.

Тамъ, гдѣ кредитъ еще не развитъ, въ подобныхъ случаяхъ употребляютъ *отломки* серебра, по всей вѣроятности, на глазъ и на примѣрный вѣсъ (*de lamina argentea aliquid abscissum*); таковъ былъ обычай въ Польшѣ съ конца XII и до начала XIV столѣтія ³²⁾; такими *отломками*, вѣроятно, были первоначально наши *рѣзаны*; подобные же *отломки*, вслѣдствіе недостатка въ

билонѣ, условно обращались въ нашихъ областяхъ, какъ увидимъ далѣе, даже въ концѣ XVII столѣтія.

Такіе кредитные знаки, *monnaies de confiance*, появляются, безъ сомнѣнія, при наибольшемъ развитіи экономическаго быта, когда не только преобладающею, но и исключительно оборотною цѣнностью бываетъ медальная, чеканная монета, которая вытѣснила слитки и исключительное обращеніе которой является результатомъ исключительнаго же господства счетной денежной единицы, замѣнявшей *древнюю, вѣсовую*.

Въ сказанномъ, думаю, заключается причина того, что на Руси мѣдная монета поздняго происхожденія, на что указываетъ и самое ея названіе *пуло*, признаваемое татарскимъ такъ же, какъ и *деньга*. Въ нашихъ милицъ-кабинетахъ, какъ кажется, нѣтъ *пул* раньше конца XIV вѣка. Кредитъ не прививался у насъ весьма долгое время, и хотя кредитные знаки и появились со введеніемъ рублевой денежной системы, но они имѣли весьма ограниченный кругъ приложенія; такъ иностранные писатели о Россіи XVI вѣка удостовѣряютъ ³³⁾, что въ это время пулы не употреблялись въ торговлѣ, а имѣли обращеніе только между чернью; ими же оплачивался иногда трудъ работника (батрака) или же подавалась милостыня ³⁴⁾. Хотя нельзя безусловно принять эти слова, ибо, не будучи употребляема въ оптовой и вообще крупной торговлѣ, мѣдная монета не могла не быть въ употребленіи въ мелочномъ торгу; иначе она не имѣла бы смысла и какъ заработная плата или какъ милостыня; но тѣмъ не менѣе справедливо то, что кредитные знаки у насъ до позднѣйшаго времени были выпускаемы правительствомъ въ весьма ограниченномъ количествѣ и даже къ концу XVII вѣка по мѣстамъ вовсе исчезли изъ употребленія и были, какъ увидимъ далѣе, замѣняемы разными *жеребьями* деревянными, кожаными, равномѣрно потребность кредита въ мелочномъ торгу вызвала употребленіе первобытныхъ кредитныхъ знаковъ въ видѣ отломковъ серебрянныхъ денегъ. Эта потребность

кредита была удовлетворена введеніемъ въ 1700 году мѣдной размѣнной монеты, замѣнившей и уничтожившей всѣ эти первобытные и неофіціальныя жеребьи.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что на основаніи изслѣдованія о богатствѣ народномъ въ данное время, насколько то сдѣлать позволяютъ источники, можно и должно рѣшить вопросъ: какія деньги *могли обращаться* при данныхъ условіяхъ времени и мѣста? Но прежде всего, это общій вопросъ, для всесторонняго рѣшенія котораго историку народа и его права долженъ помочь экономистъ. Затѣмъ начинается опять дѣятельная роль историка: общія начала необходимо провѣрить по источникамъ данной эпохи, или другими словами рѣшить вопросъ: какія цѣнности *дѣйствительно обращались* въ данное время и въ средѣ даннаго народа въ значеніи денегъ и какое было ихъ общее наименованіе?

Если этими путями будетъ доказано, что металлы уже были въ употребленіи на ряду хоть съ мѣхами, то необходимо на основаніи источниковъ же показать, какое было отношеніе между этими двумя видами цѣнностей; при этомъ уяснится постепенный ходъ паденія [и затѣмъ полной замѣны древней, первичной системы болѣе новою, соотвѣтствующею высшей ступени развитія экономическаго и общественнаго; если, далѣе, окажется, что въ данное время металлы обращались не исключительно по вѣсу, то слѣдуетъ найти отношеніе единицы счетной къ единицѣ вѣсовой, для чего свидетельства письменныхъ источниковъ должны пополняться средствами нумизматики, минцъ-кабинетовъ ³⁵).

Вотъ цѣлый рядъ тѣхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ должно быть предпослано полному рѣшенію вопроса о нашей древней *гражданской* системѣ. Изслѣдованіе отношенія единицы вѣсовой къ единицѣ счетной покажетъ, какова была эта послѣдняя; потомъ, заручившись этими свѣдѣніями, изслѣдователь долженъ сдѣлать сводъ всѣхъ частей этой счетной единицы и показать ихъ отношенія къ ней; все это дастъ возможность сравнить монеты того

времени съ современными намъ, перевести, такимъ образомъ, древнюю *гривенную* систему на нашъ счетъ и тѣмъ выразить тогдашнее экономическое состояніе общества на понятномъ намъ языкѣ. Конецъ концовъ всѣхъ этихъ изысканій есть рѣшеніе чисто-историческаго вопроса—о предѣлахъ дѣйствія гривенной системы во времени, о постепенной ея замѣнѣ позднѣйшей—рублевой.

Безъ сомнѣнія, изслѣдователь этого вопроса во всей его цѣлости въ ходѣ своей работы натолкнется на множество вопросовъ частныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ или интересныхъ; здѣсь устанавливаются предѣлы программы лишь въ общихъ чертахъ, указаны главные, основные вопросы. Всѣ эти вопросы затронуты въ нашей исторической литературѣ,—существуютъ болѣе или менѣе удачныя попытки ихъ разрѣшенія. Попытки эти, каковы бы онѣ ни были по своимъ результатамъ,—во всякомъ случаѣ въ значительной степени облегчаютъ трудъ будущаго изслѣдователя.

Предметомъ настоящаго очерка будетъ разсмотрѣніе и посильное разрѣшеніе лишь тѣхъ частныхъ вопросовъ о древнерусскихъ деньгахъ, отъ которыхъ непосредственно зависитъ пониманіе толкуемаго памятника.

Въ Правдѣ Русской, упоминаются слѣдующія денежныя единицы: *гривны* (золота, серебра и просто *гривны*), *ногаты*, *куны*, *ръзаны* и *вѣшки*, или *всверицы*.

Были ли это мѣха или металлическія цѣнности? Каковы отношенія этихъ упоминаемыхъ въ Правдѣ цѣнностей между собою? Что такое *куна*? Каковы отношенія *ногаты*, *кунъ*, *ръзанъ* къ *гривнѣ*?

Вотъ тѣ вопросы, которые необходимо разрѣшить для пониманія смысла Русской Правды; остальныхъ я касаться не буду въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя.

Вопросъ о *кунахъ* я потому выдѣляю изъ общаго—о частяхъ *гривны*, что, какъ будетъ видно далѣе, это слово употреблялось

не только въ значеніи названія извѣстной части гривны, но и въ смыслѣ общемъ.

Подлежащій изслѣдованію матеріалъ распредѣляю по слѣдующимъ отдѣламъ, которые составляютъ содержаніе всѣхъ четырехъ главъ моего *опыта*:

I *Куны*, какъ деньги вообще (другое общее названіе *скотъ*, также упоминаемое *Правдой*).

II Свидѣтельства:

а) о металлическихъ цѣнностяхъ,

б) о мѣхахъ,

в) о кожаныхъ деньгахъ (есть ли таковыя?)

III *Гривна* золота, серебра, кунъ.

IV Части гривны: *ногаты*, *куны*, *ръзаны*, *векии* (*веверицы*).

Ихъ соотношенія и отношенія къ цѣлому, т.-е. къ гривнѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Объ общихъ наименованіяхъ денегъ въ эпоху Русской Правды (*куны, скотъ*).

Названія денегъ на языкѣ древней, до-московской Руси существенно отличаются отъ современныхъ намъ, и если имя *гривны* удержалось еще и доселѣ, то имена *кунъ, ногатъ, рязаней* не только не сохранились до нашихъ дней, но и самая память о нихъ исчезла въ народѣ: они звучатъ чѣмъ-то чуждымъ для народнаго слуха, а между тѣмъ это все родные звуки, слова родной рѣчи.... Одному изъ этихъ словъ суждено было получить, подобно позднѣйшей *деньгъ*, значеніе общаго, родоваго названія всей денежной системы того времени. Мы говоримъ о *кунахъ* и въ настоящей главѣ рассмотримъ свидѣтельства источниковъ объ употребленіи этого слова въ древнерусскомъ языкѣ.

Не говоря о томъ, что вопросъ о *кунахъ* служить, такъ сказать, естественнымъ началомъ изслѣдованія о *кунной денежной системѣ*,—такое предварительное объясненіе слова «куны» необходимо для облегченія и направленія дальнѣйшихъ изысканій о деньгахъ древней Руси.

Слово «куны», какъ извѣстно, весьма часто встрѣчается и въ Русской Правдѣ, и въ иныхъ древнерусскихъ памятникахъ, при чемъ слово это употребляется въ двоякомъ видѣ: или съ числовымъ показателемъ ¹⁾, или безъ него ²⁾.

О *кунахъ* перваго вида мы будемъ говорить также и при рѣшеніи вопроса о частяхъ высшей денежной единицы, *гривны*; здѣсь

же обращаемъ вниманіе читателя главнымъ образомъ на вторую форму употребленія этого слова.

Приступая къ разсмотрѣнію слова «*куны*», употребляемаго безъ опредѣленія количества, мы прежде всего находимъ, что это слово допускаетъ двойное толкованіе: подъ «*кунами*» можно разумѣть или *куны мѣха, шкурки*, или же общее названіе всѣхъ тѣхъ цѣнностей, которыя служатъ орудіями гражданскаго оборота, — *деньги* въ нашемъ смыслѣ; при этомъ все равно, что бы ни обращалось въ данное время на Руси въ качествѣ денегъ: были-ли то мѣха, металлическіе слитки или монеты, или же, наконецъ, *кожаные деньги*. Всѣ эти денежныя единицы въ общемъ, родовомъ смыслѣ могутъ быть названы однимъ этимъ именемъ.

Таковы два возможные рѣшенія вопроса о *кунахъ* во второй формѣ употребленія этого слова въ памятникахъ древности. Какое изъ нихъ мы можемъ принять?

Памятники права, современные Русской Правдѣ, уполномочиваютъ насъ принять второе, а не первое: подъ именемъ *кунъ* въ нихъ разумѣются различныя денежныя единицы, каковы бы ни были видовыя названія послѣднихъ; при этомъ, если вмѣстѣ съ Карамзинымъ и другими признать, что рѣзаны, ногаты и иныя денежныя единицы были кожаными лоскутками, то надобно замѣтить, что въ языкѣ памятниковъ подъ *кунами* разумѣются не одиѣ эти кожаные деньги, но и цѣнности металлическія, — серебро. Такъ, въ уставной грамотѣ, данной Новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ³⁾, именемъ *кунъ* названа сумма вѣсовыхъ пошлинъ съ торговцевъ воскомъ, а пошлины эти были слѣдующія: съ Низовскаго гостя отъ двухъ берковцевъ *полтрины серебра*, съ Полоцкаго и Смоленскаго отъ берковца *по двѣ трины кунъ*, съ Новоторжца *полторы трины*, съ Новгорода *шесть мордокъ*. — О всѣхъ этихъ пошлинныхъ сборахъ въ грамотѣ постановлено: «... А *куны* имѣ класти святаго великаго Івана въ домъ, что вывѣсятъ по правому слову». — Отсюда ясно, что грамота называетъ *кунами* и *полтрины серебра* на ряду съ *тринами кунъ* и *мордками*. Совершенно въ томъ же смыслѣ *куны* упоминаются въ одной древней новгородской духовной грамотѣ, а именно въ *рукописаніи* Климента, относимомъ къ XIII вѣку. Въ началѣ *рукописанія* завѣ-

щатель упоминаетъ о своемъ долгѣ Юрьеву монастырю: «... что възалъ ѿсмь. к. гривнъ серебра на свои роуки стго Гергья. было же бы ми чимъ заплатитъ (и)», а въ концѣ назначаетъ на уплату этого долга въ *двадцать гривенъ серебра* свои деньги, находившіяся въ разныхъ рукахъ; эта часть завѣщанія начинается словами: «... а про кунъ чимъ то ми ся было вамъ платити» и состоитъ въ перечнѣ должниковъ завѣщателя и суммъ ихъ долговъ, выраженныхъ въ гривнахъ, погатахъ, рѣзанахъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, и эта грамота относитъ слово *кунъ* въ смыслѣ общаго названія какъ къ тѣмъ 20-ти гривнамъ *серебра*, которыя были заняты завѣщателемъ у Юрьева монастыря, такъ и къ его собственнымъ деньгамъ независимо отъ ихъ видовыхъ именъ, которыя мы находимъ въ перечнѣ, включенномъ въ *рукописаніе*.

Слово *кунъ* безъ количественнаго обозначенія на языкѣ древней Руси употребляется во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ мы употребляемъ слово *деньги* въ томъ же общемъ смыслѣ, а это несомнѣнно доказываетъ полное соотвѣтствіе этихъ двухъ разновременныхъ терминовъ. Древнерусскіе памятники, говоря о *чистыхъ деньгахъ* (*чистый доходъ*), выражаютъ это понятіе словами: *истыя кунъ*; такъ, въ Ростиславовой грамотѣ 1150 года сказано: «... И се даю Святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ *истыхъ кунъ*» ⁵⁾. Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ выпусковъ *Изслѣдованій* будетъ объяснено, что въ Русской Правдѣ подъ словомъ *исто*, *истое*, разумѣется *капиталъ* въ отличіе отъ *процентовъ* (*рѣза*); съ другой стороны, тамъ же будетъ видно, что при сборѣ доходовъ въ княжескую казну сборщики получали извѣстное вознагражденіе, которое въ данномъ случаѣ и отдѣляется отъ *чистой* суммы дани, основанія десятиннаго сбора; эта послѣдняя сумма выражена въ грамотѣ словами: *истыя кунъ*.—Итакъ, *истыя кунъ* означали встарь то, что мы называемъ *чистыми деньгами*. Также точно, *братъ деньги*, *взимать плату* на языкѣ нашихъ древнихъ актовъ передавалось выраженіемъ: «*кунъ имати*»; напр. въ грамотѣ, посланной Новгородцами Великому Князю Ярославу Ярославичу Тверскому въ 1270 году, въ числѣ правъ князя Новгородскаго упоминается взиманіе какой-то наемной платы съ нѣкоторыхъ погостовъ; это право выражено въ слѣдующемъ опредѣленіи: «... а

наймо въ Олозскомъ погостѣ *куны ти имати* и на Вожанскомъ» ⁶⁾). Это выраженіе въ указанномъ случаѣ удержано и въ позднѣйшихъ новгородскихъ договорныхъ съ князьями грамотахъ, относящихся уже ко времени господства рублевой системы; такъ, въ договорной грамотѣ Новгорода съ Великимъ княземъ Іоанномъ III-мъ, написанной въ 1471 году, находится почти дословное повтореніе приведенной статьи договора 1270 года: «... а на Имоложскомъ погостѣ *куны (ти) имати*» ⁷⁾).

Въ Житіи преп. Θεодосія Печерскаго разсказывается, какъ подобный наградилъ однажды княжескаго отрока, провожавшаго его отъ князя: онъ не только велѣлъ накормить и напоить проводника въ монастырской трапезѣ, но въ добавокъ наградилъ его и деньгами: «повелѣ ѿмоу дати ѣсти и пити ѿлико хощеть» сказано въ Житіи, «*еще же и коунами томоу давъ отпусти и*» ⁸⁾). Отсюда слѣдуетъ, что сообразно съ приведенными выше примѣрами наше выраженіе: *дать денегъ* или *наградить кого-либо деньгами* на языкѣ памятниковъ древнерусской письменности замѣнялось словами: *кунами дати*.

Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для доказательства, что слово *куны* безъ количественнаго обозначенія въ древности замѣняли деньги въ общемъ смыслѣ. Но мы на томъ не остановимся и разсмотримъ еще нѣсколько данныхъ для рѣшенія вопроса о кунахъ въ этомъ смыслѣ: частью потому, что эти данные еще сильнѣе подкрѣпляютъ нашу мысль, а частью въ виду того, то мы до сихъ поръ еще не коснулись лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ.

Мы видѣли, что свидѣтельства памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII и XIII столѣтій, не позволяютъ сомнѣваться въ общемъ значеніи *кунъ*. Но если это такъ, если *куны* значатъ *куньи шкурки*, а деньги вообще, и этотъ смыслъ придавался имъ еще въ то отдаленное время жизни древней Руси, къ которому относятся предположенія о недостаткѣ у насъ металловъ, о преобладаніи въ оборотѣ мѣховъ, то тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ мы понимаемъ *куны*, какъ *деньги*, въ позднѣйшихъ памятникахъ, относящихся къ эпохѣ рублевой системы,—когда преобладаніе металлическихъ цѣнностей на Руси не подвержено сомнѣнію и когда, стало быть, не могло быть надобности называть деньги именемъ мѣха. А между

тѣмъ, мы находимъ именно такія позднѣйшія извѣстія, въ которыхъ слово *куны* безразлично употребляется для обозначенія какихъ-бы то ни было оборотныхъ цѣнностей. Слѣдовательно, это слово въ понятіи народа настолько сроднилось съ представленіемъ о названныхъ цѣнностяхъ, насколько въ наше время съ нимъ сроднилось слово *деньги*: подобно тому, какъ мы называя *деньгами* и рубли, и червонцы, и мѣдныя копѣйки, мало по малу утрачиваемъ представленіе о старой *денгѣ* въ смыслѣ спеціальнаго названія монеты,—наши предки давнымъ давно забыли о *кунѣмъ мѣтѣ*, какъ о *кунѣ*, и въ силу привычки называли *кунами* всякія оборотныя цѣнности.

Отъ XIV вѣка осталось много свидѣтельствъ о *кунахъ*; эти свидѣтельства находятся главнымъ образомъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями. Такъ, въ договорной грамотѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ (1305—1308 г.) слово *куны* упоминается нѣсколько разъ именно въ указанномъ значеніи. Вотъ эти упоминанія: «... Что свободѣ Дмитріевыхъ и Андреевыхъ и что сельцъ тягнуло къ тѣмъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися», предписываютъ Новгородцы Михаилу, «то все къ Новугороду *бесъ кунъ*»; или: «А что, Княже, сель твоихъ и Владычньихъ, и Княгыниныхъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской землѣ: которое село зашло *бесъ кунъ*, то *бесъ кунъ* поидеть къ Новугороду, а кто купилъ, а тыи знаеть своего истьца или дѣти его; истьца ли не будетъ, ни дѣтии его, цѣловати ему хрестъ, како истьца не свѣдаетъ, взяти ему *куны*, колико будетъ данъ по исправѣ, а земля къ Новугороду»⁹⁾. Надобно замѣтить, что въ договорныхъ грамотахъ съ князьями Новгородцы обыкновенно обезпечивали свои земли отъ окняживанія и вообще отъ обѣленія: по смыслу этихъ грамотъ ни князь, ни его приближенные, дружинники или слуги, не имѣли права ни покупать, ни инымъ образомъ освоивать земельные участки во всей Новгородской волости. Въ приведенной грамотѣ рѣчь идетъ о возстановленіи права Новгородской общины на земельные участки, освоенные князьями Дмитріемъ и Андреемъ Александровичами, а равно самимъ Михаиломъ и другими лицами; при этомъ возстановленіи принимается въ расчетъ, куплена-ли земля пріобрѣтателемъ или же досталась ему безденежно; безденежное

приобрѣтеніе уничтожается, какъ простой фактъ: земля *безъ кунъ* отходитъ къ Новгороду; напротивъ, за землю, приобретенную покупкою, прежній хозяинъ-продавецъ долженъ былъ, на основаніи грамоты, отдать купившему цѣну ея, т.-е. полученные деньги, а при ненахожденіи продавца или его наслѣдниковъ-дѣтей самъ Новгородъ принимаетъ на себя эту уплату; послѣднее условіе выражается въ грамотѣ такъ: «*взяти ему кунъ, колико будетъ далъ*, по исправѣ, а земля къ Новгороду», т.-е. владѣльцу взять цѣну, за какую купилъ, а земля отходитъ къ Новгороду, уплатившему ему эти деньги. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не о какой либо опредѣленной оборотной цѣнности, а вообще о той суммѣ какихъ-бы то ни было оборотныхъ цѣнностей, за которую данный участокъ приобретенъ, ибо въ куплѣ-продажѣ деньги есть только орудіе сдѣлки, а не объектъ ея; употребленіе же металлическихъ оборотныхъ цѣнностей засвидѣтельствовано, какъ мы видѣли, еще памятниками прежнихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе несомнѣнно существованіе ихъ въ данное время, хотя бы и наряду съ мѣхами.

Въ договорной грамотѣ князя Михаила Александровича съ Новгородцами (1375 г.) доведенный до крайности осадю своего удѣльнаго города, принужденный къ заключенію мира на всей волѣ Великаго Князя Дмитрія Донскаго и на всей волѣ *Новгородской*, Михаилъ уступаетъ всѣ земли, купленные его боярами и слугами въ Новгородской волости, безденежно Новгороду, и эта уступка выражена въ грамотѣ так. обр.: «... А што сель покунили моі Бояре и слугы въ мое Княженъе, тѣхъ сель отступилъ есмь Новгороду *бесъ кунъ*...» ¹⁰⁾. То же словоупотребленіе засвидѣтельствовано и памятниками права XV столѣтія; такъ, напримѣръ, въ докончальной грамотѣ Полоцка съ Ригю 1409 года постановлено: «... вамъ нашихъ людей всѣхъ отнустити къ намъ... и тую нашу челядь, што ваши торговцы *безъ кунъ* ихъ поимали» ¹¹⁾. Или въ *судныхъ грамотахъ* половины XV вѣка выкупные платежи и пошлинные деньги называются общимъ именемъ *кунъ*; напримѣръ, въ Псковской Судной грамотѣ, въ постановленіи о судебныхъ поединкахъ опредѣлено: «... а на троупоу *кунъ* не имати, толка ему доспѣхъ сняти или ино што, въ чемъ на поле лѣзеть» ¹²⁾. Эта статья постановляя, что побѣжденный на полѣ считается вино-

ватымъ и что побѣдитель истецъ беретъ на немъ то, «*чего со-чилъ*», предусматриваетъ случай смерти одного изъ бойцевъ и запрещаетъ другому бойцу требовать съ родственниковъ убитаго за трупъ выкупа; такъ объясняютъ эту статью ¹³⁾, да и по самому смыслу послѣдней инаго объясненія дать ей нельзя. Такимъ образомъ, выраженіе: «*кунъ не имати*» значить здѣсь ничто иное, какъ *не брать выкупа, денегъ*. Новгородская Судная грамота, устанавливая безпощинное судопроизводство по поземельнымъ тяжбамъ, опредѣляетъ: «... а отъ земли судѣ *кунъ не взяти*» ¹⁴⁾.

Въ духовныхъ же грамотахъ Новгородцевъ и Двинянъ XIV—XV вѣковъ *кунами* въ общемъ смыслѣ называются и *рубли*; напри- мѣръ: «..... А что *куны* дѣда моего Ѳедора и отца моего Алек- сандровы... *сорокъ рублевъ да сто и осмьдесятъ гривенъ*, а въ тѣхъ *кунахъ* приказываю свою четверть дѣтемъ своимъ чисто», т.-е. часть дѣдовскихъ и отцовскихъ денегъ, приходящуюся на долю завѣщателя, послѣдній оставляетъ своимъ дѣтямъ, предупреждая всякіе споры («*чисто*») со стороны своихъ трехъ братьевъ, такъ же упоминаемыхъ въ грамотѣ: «... а животомъ есми съ братією своею, съ Иваномъ и съ Ондrejaномъ, и съ Яковомъ въ роздѣлѣ.....». Что *кунами* въ общемъ смыслѣ денегъ, денежной суммы, здѣсь названы и *рубли*, видно и изъ другаго мѣста той же грамоты. Говоря о своихъ деньгахъ, находившихся въ разныхъ рукахъ, завѣщатель приказываетъ: «А *взяти* ми у Данилѣ у Родіонова сына на Дятелицахъ рубль, а у Ѳедора у Борисова сына на Озерцахъ рубль, у Михайлѣ у Михайлова сына Мѣстилина полтина да пять гривенъ, а *иные куны мои* по жеребьему дѣтемъ моимъ чисты» ¹⁵⁾. Изъ этихъ словъ явствуетъ, что часть денегъ завѣщателя въ моментъ завѣщанія была въ долгахъ, а часть находилась на лицѣ; личные деньги могли быть раздѣлены дѣтьми-наслѣдниками между собою безъ необходимости предъявлять иски противъ постороннихъ лицъ («*чисты*»), тогда какъ относительно другихъ для наслѣдниковъ возникала необходимость вчиненія такихъ исковъ: въ этомъ главная мысль приведенныхъ словъ духовной. Ясно, что слово *куны* означаетъ здѣсь какъ наличныя деньги завѣщателя, такъ и деньги его находившіяся въ разныхъ рукахъ, у постороннихъ лицъ, т.-е. тѣ *рубли, полтины, гривны*, о которыхъ говорится въ составленномъ именномъ перечнѣ.

Насколько безразлично употреблялось въ это время слово *куны*, въ смыслѣ названія какихъ-бы то ни было оборотныхъ цѣнностей, можно видѣть изъ того, что *кунами* въ одномъ и томъ же актѣ назывались какъ рубли, такъ и цѣнности мѣховыя; напр., въ одной закладной половины XV вѣка читаемъ: «.... А изойде та пять лѣтъ, ино дати Уласью *десять рубловъ да три сорока бѣлки, своихъ кунъ* святому Николи.....». Здѣсь рѣчь идетъ о выкупѣ земли, заложенной Николаевскому Чухченемскому монастырю въ обезпеченіе долга въ 10 рублей и 3 сорока бѣлокъ. Выраженіе «*свои кунъ*» употреблено для предупрежденія возможности того, что залогодатель по наступленіи срока уплаты, не имѣя денегъ, займетъ ихъ въ другихъ рукахъ подъ обезпеченіе тою же землею. Это условіе включено въ закладную, вѣроятно, съ цѣлью пріобрѣсти заложенную землю въ собственность монастыря, если тому представится удобный случай, за сравнительно небольшую цѣну: «ино та земля», сказано въ закладной, «святому Николи и въ вѣки *въ тѣхъ кунахъ*», т.-е. въ 10 руб. и трехъ сорокахъ бѣлокъ. Такой исходъ сдѣлки стоитъ въ связи съ предположеніемъ о несостоятельности залогодателя въ срокъ уплаты ¹⁶⁾.

Таковы указанія памятниковъ права относительно употребленія въ древности слова *куны* (безъ опредѣленнаго числительнаго обозначенія). Перейдемъ къ лѣтописямъ.

Свидѣтельства лѣтописей также указываютъ на общее значеніе разсматриваемаго слова. Въ началѣ XV вѣка ¹⁷⁾ Новгородцы ввели у себя *лобцы, литовскіе гроши, и нѣмецкіе ортуги* (ортуги), «а *куны* отложиша».

Никоновская Лѣтопись и такъ называемый *Русскій Временникъ*, приводя это извѣстіе, послѣ словъ: «а *куны* отложиша» прибавляютъ «*еже ссть мортки куньи (мортъ кумей)*» ¹⁸⁾.

Само собою разумѣется, что такъ долго, до XV вѣка, мѣха не могли оставаться не только исключительною, но и преобладающею оборотною цѣнностью въ Новгородѣ: все, что намъ извѣстно о состояніи древнерусской торговли вообще, а въ особенности о торговлѣ новгородской и въ это время, доказываетъ противное ¹⁹⁾. Поэтому трудно предположить, что въ этомъ извѣстіи говорится объ отмѣнѣ въ Новгородѣ *куньихъ мѣховъ*, какъ орудія торговаго оборота: если утверждаютъ ²⁰⁾, что мѣха не могли служить до-

статочнымъ средствомъ или орудіемъ даже для такой оптовой торговли, которая велась на Руси раньше XI вѣка; если, далѣе, говорятъ, что мягкую рухлядь нельзя считать собственно деньгами, даже когда она явно была общераспространеннымъ, опредѣленнымъ средствомъ мѣны, подобно деньгамъ ²¹⁾, то тѣмъ менѣе можно допустить, чтобы въ Новгородѣ, при его значительной ви́шней торговлѣ, мѣха могли оставаться, такъ сказать, официальными деньгами до XV столѣтія, чтобы Новгородское правительство только въ это время пришло къ мысли о неудобствѣ такого орудія оборота. ²²⁾ Мало этого: такое предположеніе не согласовалось-бы и съ самимъ извѣстіемъ. Если принять во вниманіе приписки двухъ упомянутыхъ выше лѣтописныхъ сводовъ и не считать слова: «*еже естъ мортки куньи (морть куней)*» просто толкованіемъ писца или составителя старшаго изъ этихъ сводовъ, повтореннымъ и въ сводѣ позднѣйшемъ, то должно заключить, что *куны* понимались не какъ *куны мѣха*, а какъ части этихъ мѣховъ, *мортки*, что нѣкоторые изслѣдователи нашей старины называютъ *кожаннми деньгами*. Здѣсь пока не будемъ говорить о *кожаннхъ деньгахъ*, но, признавъ даже это, нельзя не увидѣть, что въ выраженіи: «*а куны отложиша*» рассматриваемое слово употреблено въ общемъ смыслѣ тѣхъ *денегъ*, которыя обращались въ Новгородѣ до этого преобразования: подобно тому, какъ мы говоримъ о *деньгахъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ не однѣ собственно *деньги*, *дснежки*, а всѣ вообще денежныя единицы.

Если мы, далѣе, буквально подчиняясь припискѣ Никоновской Лѣтописи и Временника, предположимъ, что въ 1410—11 году въ Новгородѣ отмѣнены были однѣ *куны мордки*, то окажется, что всѣ другія денежныя единицы, о которыхъ извѣстія будутъ приведены ниже, какъ-то: ногаты, рѣзаны и т. д., остались, что лобци, гроши, ортуги были призваны изъ чужихъ краевъ только для замѣны однѣхъ *куныхъ мордокъ*. Нельзя не сказать, что въ такомъ предположеніи весьма мало вѣроятія.

Лѣтописецъ заносить эту перемѣну въ свой сводъ, какъ событіе, имѣющее важное общественное значеніе: это видно изъ того, что онъ для большей точности указываетъ даже, кто тогда были новгородскими посадникомъ и тысяцкимъ. По всей вѣроятности, это было первымъ измѣненіемъ всей денежной системы новгород-

ской, почему лѣтописецъ и относится къ нему съ наибольшимъ вниманіемъ; по крайней мѣрѣ онъ такимъ образомъ не относится къ послѣдующимъ извѣстіямъ подобнаго рода. Напримѣръ черезъ 9—10 лѣтъ, подъ 1420 годомъ, читаемъ: «начаша Новгородци торговати деньги серебряными, а артугы попродаша нѣмцемъ, а торговали ими 9 лѣтъ» ²²⁾ и только... Здѣсь говорится о замѣнѣ однихъ ортуговъ, т.-е. о частномъ измѣненіи въ денежной системѣ, и лѣтописецъ заноситъ это событіе въ свой сводъ далеко не съ такимъ тщаніемъ, онъ не отличаетъ его отъ другихъ извѣстій болѣе точнымъ опредѣленіемъ, такъ сказать, той обстановки, при которой такая перемѣна совершилась; въ лѣтописномъ разсказѣ это извѣстіе даже сливается съ послѣдующимъ: «и моръ бысть въ Псковѣ великъ». Напротивъ, въ записи подъ 1410 годомъ преобразование денежной системы разсказывается какъ бы съ особою торжественностью. Послѣ замѣтки о построеніи церковей начинается: «Того же лѣта начаша торговати промежи себе лобци и гроши литовскими и артугы нѣмецкими, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорія Богдановича и при тысяцкомъ Василии Есифовичѣ», и затѣмъ послѣ точки слѣдуетъ уже другое извѣстіе: «сътворися знаменіе въ святѣй Софіи...». Такъ — въ *Первой Новгородской лѣтописи*. У насъ нѣтъ подъ руками подлинника, но что въ немъ послѣ приведеннаго извѣстія поставленъ знакъ препинанія, равносильный нашей точкѣ, объ этомъ можно судить по изданіямъ названнаго свода: Археографическая Коммиссія ставитъ здѣсь точку, хотя слѣдующее затѣмъ предложеніе издатели, вѣроятно, принимая уставную орфографію рукописи, и начинаютъ строчною буквою, а въ Визлѳоникѣ послѣ точки поставлена даже прописная буква ²³⁾. Что же касается до того, что обозначеніе именъ посадника и тысяцкаго въ этой записи относится не къ послѣдующему извѣстію о знаменіи, а именно къ предшествующему; объ измѣненіи денежной системы, то въ этомъ можно убѣдиться также изъ сравненія перваго съ другими извѣстіями о знаменіяхъ и чудесахъ, — въ нихъ обыкновенно не дѣлается подобныхъ обозначеній ²⁴⁾. Всякій, кто знакомъ съ составомъ новгородскихъ лѣтописей, знаетъ, какъ вообще рѣдки въ нихъ указанія на посадниковъ и тысяцкихъ въ записяхъ о какихъ либо событіяхъ, а потому согласиться, что, обозначивъ ихъ въ данномъ

случаѣ, лѣтописецъ сдѣлалъ это не по чему иному, какъ вслѣдствіе особой важности записаннаго здѣсь событія; коснувшись постановленія вѣча, имѣвшаго такое серьезное значеніе для торговли и вообще для благоустройства жизни Новгорода, лѣтописецъ счелъ полезнымъ увѣковѣчить и имена тѣхъ излюбленныхъ представителей новгородскаго общества, которые руководили въ данномъ случаѣ державною волею Великаго Новгорода.

Такимъ образомъ, рассматривая интересующее насъ извѣстіе въ наиболѣе компетентныхъ лѣтописныхъ сводахъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ этомъ извѣстіи говорится о *кунахъ* въ смыслѣ общаго названія денегъ, денежной системы, существовавшей въ Новгородѣ до преобразованія 1410—11 г. Этого мало. Слѣдуя Никоновской лѣтописи, мы убѣдимся, что составитель этого послѣдняго свода самъ считалъ слово «*мортки куньи*» именемъ собирательнымъ, родовымъ, а не видовымъ: подъ этимъ именемъ онъ разумѣлъ не только *куньи*, но и *бѣличьи* мордки ³⁵). Въ самомъ дѣлѣ, въ упомянутой лѣтописи къ извѣстію подъ 1420 годомъ присоединено такое замѣчаніе: «... и прежде ортуговъ торговали лобки куньими, и прежъ лобковъ куньихъ торговали *мортками бѣлыми и куньими*» (V, 75). Итакъ, по свѣдѣніямъ составителя Никоновскаго свода, въ Новгородѣ послѣдовательно существовали три денежные системы: прежде всего въ торговлѣ обращались куньи и бѣличьи мордки; затѣмъ онѣ были смѣнены куньими лобками и, наконецъ, введены ортуги. Ортугами Новгородцы торговали, какъ было видно выше, девять лѣтъ; это вполне согласно съ извѣстіемъ объ ихъ введеніи въ 1411 году. Но въ этомъ году упоминается отмѣна не куньихъ лобковъ, а мордокъ, которыя, такимъ образомъ, дожили, по представленію лѣтописца, до введенія ортуговъ, не смотря на то, что еще ранѣе для замѣны ихъ были введены лобки. Слѣдовательно, преобразование 1411 года уничтожило старую систему, бывшую до введенія куньихъ лобковъ: такъ представляетъ дѣло составитель Никоновскаго свода, а отсюда ясно, что онъ, говоря: «*а куня отложиша, еже есть мортки куньи*», разумѣлъ подъ *кунами* не однѣ собственно куньи, но и бѣличьи мордки, такъ какъ и тѣ, и другія одновременно обращались въ новгородской торговлѣ и вмѣстѣ должны были замѣняться лобками.

Коснувшись извѣстія подъ 1410—11 годомъ, нельзя кстати не упомянуть объ одномъ толкованіи этого извѣстія-тѣмъ болѣе, что оно принадлежитъ одному изъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ изслѣдователей нашихъ древностей, имя котораго пользуется въ наукѣ вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Мы говоримъ объ о. *протоіерѣ Григоровичѣ*. На основаніи упомянутаго лѣтописнаго свидѣтельства, этотъ писатель утверждаетъ, что въ Новгородѣ въ 1410—11 году торговля была мѣновая, причемъ вещи для показанія ихъ цѣны *клеились кунными мордками*; что въ этомъ году введены были литовскіе гроши и нѣмецкіе ортуги, а для внутренняго употребленія или-вѣрнѣе-чтобы угодить простому народу, не желавшему разставаться съ своей стариной, куны были замѣнены *блѣжыми лобками* ²⁵).

Этотъ выводъ не можетъ быть принятъ уже и потому, что совершенно не согласенъ съ тѣмъ лѣтописнымъ извѣстіемъ, которымъ авторъ думалъ его обосновать. Въ самомъ дѣлѣ: въ лѣтописи прямо сказано, что Новгородцы «начаша торговати» лобцами, грошами и ортугами *«промежи себе»*; стало быть, *всѣ эти денежныя единицы*, а не *одни лобки* были введены для *внутренняго торгоу*. Далѣе, если предположить, что въ угожденіе простому народу надобно было наряду съ иноземной монетой оставить и прежнія *деньги*, то трудно понять, почему *куны мордки* должны были уступить мѣсто *лобкамъ*, да еще и *блѣжымъ*, какъ думаетъ Григоровичъ; наконецъ, если *лобки* кожаная монета, то они ужъ не то, что *мордки*, какъ клейма: въ чемъ же тутъ уступка народу, сохраненіе его старины? Словомъ, ученіе это, повторяю, рѣшительно нельзя принять, несмотря на имя его творца.

Разсмотрѣннымъ выше свидѣтельствомъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ о *куняхъ* въ общемъ значеніи *денегъ* дѣло не ограничивается; въ тѣхъ же Новгородскихъ лѣтописяхъ мы находимъ еще нѣсколько примѣровъ этого словоупотребленія. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1137 году Новгородцы преслѣдовали бояръ сторонниковъ изгнаннаго вѣчемъ князя Всеволода—Гавріила Мстиславича: они взяли на нихъ *«куны съ полуторъ (полторы) тысячи гривенъ»* ²⁷), а въ 1194 году подвергли также денежному взысканію нѣкоторыхъ преступниковъ, которые были обвинены въ выдачѣ новгородскихъ данщиковъ Югрѣ. Одни изъ этихъ преда-

телей, по свидѣтельству лѣтописей, были казнены смертью, а другіе *«кунами ся откупниша (окупниша)»* ²⁸⁾. Изъ этихъ примѣровъ и безъ особаго ихъ объясненія видно, что здѣсь слово *куны* употреблено именно въ общемъ смыслѣ денегъ, ибо когда мы говоримъ о денежныхъ штрафахъ, о денежномъ выкупѣ, то никто не подумаетъ, что слово «деньги» мы употребили въ специальномъ смыслѣ.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей древней письменности слова: *куны, кунное собраніе*, означая деньги вообще, относятся исключительно къ *золоту и серебру*. Такъ, въ одномъ Прологѣ XIII столѣтія, въ сказаніяхъ на 15 число октября, помѣщено *«Слово о дающихъ коуны въ рѣзы»*, и въ этомъ *словѣ* говорится о рѣзахъ съ серебра и золота ²⁹⁾; въ другомъ памятникѣ означенныя слова замѣняютъ слово *серебро*. Этотъ послѣдній памятникъ есть сказаніе, извѣстное подъ именемъ *«повѣсти о Щилѣ, посадникѣ новгородскомъ»*. Хотя по спискамъ, въ которыхъ дошла эта *повѣсть* до нашихъ дней, она не заходитъ далѣе XVII вѣка, но составъ ея очевидно древній. На древность этой *повѣсти* указываетъ, не говоря объ языкѣ, связь ея съ основаніемъ извѣстнаго Покровскаго Щилова монастыря въ Новгородѣ: обыкновенно преданія о событіяхъ, вызывавшихъ и сопровождавшихъ основанія монастырей, восходятъ ко времени самыхъ этихъ происшествій. Это древнее преданіе записано въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ синодикахъ, куда оно попало, вѣроятно, изъ древняго монастырскаго синодика, составленнаго вскорѣ послѣ основанія обители въ 1410 году ³⁰⁾. Другими словами: древній синодикъ, не дошедшій до насъ, въ которомъ было записано сказаніе о Щилѣ, и послужилъ, по всей вѣроятности, тѣмъ подлинникомъ, съ котораго сдѣланы всѣ позднѣйшія списки *повѣсти*.

Въ *повѣсти* читаемъ: «... купцы, не имуще кунъ, взимаху у него (у Щила) *сребро въ торговлю въ куны*.... Собра же таковаго имѣнія многое множество и восхотѣ на то *кунное собраніе* воздвигнути церковь и соградити монастырь» ³¹⁾. Здѣсь *куны, кунное собраніе, сребро* употребляются безразлично, какъ понятія тождественныя: купцы, нуждавшіеся въ *кунахъ* для торговли, брали у Щила *взаимы сребро*; при этомъ, выраженіе «взимаху у него *сребро въ куны*» несомнѣнно указываетъ на проценты, лихву, такъ

какъ объ этомъ тотчасъ же и говорится въ *повѣсти*: «имаше же лихвы на 14 гривенъ и 4 деньги точію по единой деньгѣ на годъ». *Кунное собраніе*, о которомъ упоминается ниже, очевидно, составилось изъ этой лихвы, или рѣзоимства, по одной деньгѣ на 14 гривенъ 4 деньги, и въ слѣдствіе своего происхожденія оно почиталось грѣховнымъ, а Щиль, какъ рѣзоимецъ, получилъ страшное возмездіе. Основная мысль *повѣсти* та, что богатство, приобрѣтенное лихою, хотя бы и умѣренною, ведетъ къ пагубѣ и недостойно того высокаго назначенія, которое далъ ему Щиль: на него не можетъ быть *воздвигнута церковь* или *согражденъ монастырь*, даже благочестивая цѣль, на служеніе которой рѣзоимецъ посвящаетъ свое достояніе, не можетъ оправдать тѣхъ путей и средствъ, которыми это достояніе приобрѣтено. Изъ всего сказаннаго ясно, что *кунное собраніе*, упоминаемое въ повѣсти, есть не что иное, какъ совокупность металлическихъ цѣнностей, названное *куннымъ* въ общемъ, давно установившемся смыслѣ денегъ, и иного значенія придавать ему нельзя.

Заручившись свидѣтельствами намятниковъ права и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ относительно кунъ-денегъ, мы считаемъ правильнымъ толкованіе этого слова въ указанномъ смыслѣ и въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. Такъ, въ Лаврентіевской лѣтописи подъ 980 годомъ описанъ поступокъ Владиміра съ Варягами, помогавшими ему въ добываніи Кіева. Варяги требуютъ за свою службу окупа *по 2 гривны отъ человека*, т.-е. по 2 гривны поголовной дани съ Кіевлянъ. Владиміръ отвѣчаетъ на это требованіе: «пождете, да вы куны сберутъ, за мѣсяць» (77). Это извѣстіе одного изъ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ важно и по отношенію къ другому вопросу о деньгахъ Правды Русской, къ вопросу о матеріалѣ, изъ котораго эти деньги дѣлались, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого же извѣстія явствуется то общее значеніе слова *куны*, которое указано въ предшествующемъ очеркѣ.

Для полноты укажемъ еще на одно лѣтописное свидѣтельство, подтверждающее то же употребленіе разсматриваемаго слова. Въ 1196 году въ слѣдствіе извѣстной распри о приднѣпровскихъ волостяхъ между великими князьями Кіевскимъ, Рюрикомъ Ростиславичемъ, и Владимірскимъ, Всеволодомъ Юрьевичемъ, зять Рю-

риковъ, Романъ Мстиславичъ, не желая быть причиною вражды между старшими, отступается отъ данной ему тестемъ волости, соглашаясь взять или другую вмѣсто нея, или цѣну прежней деньгами: «... Всеволодъ же», сказано въ лѣтописи, «просяше у него (у Рюрика) Торческа, Треполя, Корсуня, Богуславля и Канева, еже бѣ далъ зятю своему, Романови, и крестъ къ нему цѣловаль, яко не отдати подѣ нимъ никому же... Романъ же Рурикови рече: «то мене ли дѣля, отче, тебѣ со сватомъ своимъ брань имѣти и не въ любви жити? и ты, отче, иную волость въ тоя мѣсто дай *или кунами за ню дай, во что будетъ была*» ³²⁾.

Таковы основанія, по которымъ мы считаемъ необходимымъ понимать слово *куны* безъ числозого показателя въ смыслѣ *денегъ* вообще. Позднѣе *куны* въ этомъ смыслѣ и замѣняются *деньгами*. Общее значеніе слова *деньги* создалось уже на памяти исторіи. Было время, когда на Руси слитки исчезли изъ употребленія: ихъ уже не видалъ Герберштейнъ, посѣтившій наше отечество въ началѣ XVI вѣка, а медальныя рубли еще не были введены. Въ это время, продолжавшееся не менѣе полутора вѣка *деньга* (и ея части) была, по всей вѣроятности, единственною *реальною* денежною единицею, другія были только *счетными*. При такой системѣ рубль былъ совокупностью извѣстнаго количества серебряныхъ *денегъ*, а не слиткомъ, какъ то было прежде, и не медальной монетой рублевого достоинства, которая еще не была введена.—Всѣ извѣстія о деньгахъ позднѣе государстванія Великаго Князя Іоанна III, во время котораго рубли-слитки еще не вывелись на Руси, и до половины XVII вѣка, когда введены были медальныя рублевики, слѣдуетъ понимать именно въ этомъ смыслѣ, а потому если лѣтопись считаетъ новыя *копейныя деньги* 1535 года въ *Московское дѣло*, или *въ московское число*, на рубли, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ это время рубли *назывались* деньгами въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ встарь подѣ именемъ *кунъ* разумѣли всякія денежныя единицы независимо отъ ихъ величины. Рубли въ это время только *считались*, но еще не *назывались* деньгами ³³⁾. Весьма вѣроятно, что именно это полуторовѣковое значеніе *денегъ* породило въ народѣ привычку называть всякія оборотныя цѣнности этимъ именемъ, получившимъ, такимъ образомъ, смыслъ общаго родового названія. Немудрено, что такъ было и съ стары-

ми кунами, но происхождение этого имени кроется въ той незапамятной древности, отъ которой не сохранилось и преданія.

Въ этой главѣ мы говоримъ о *кунахъ*, какъ о *деньгахъ* вообще; куны въ смыслѣ частей гривны будутъ представлены въ другомъ мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ полезнымъ сдѣлать и здѣсь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о кунахъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Подобно позднѣйшей *деньгѣ*, *куна* есть извѣстная, опредѣленная денежная единица. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что *куна* въ этомъ частномъ значеніи встрѣчается въ Правдѣ Русской, то же находимъ и въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ права. Въ Русской Правдѣ, напримѣръ, читаемъ: «а отъ гривне мечникоу *коуна*» или «Аже кто емлетъ по 10 *кунъ* отъ лѣта на *гривну*, то того не отметати» ³⁴⁾ и т. д.; отсюда видно, что *куна*, какъ таковая, есть часть гривны. Далѣе. Въ Мстиславовомъ договорѣ 1229 года съ Ригю и Готландомъ читаемъ: «Латинескому (гостю) дати отъ двою каплю воска весцю *куни Смоленская*» или: «Аже Латынскіи дасть серебро пожигати, дати ему отъ гривны серебра *куна Смоленская*». ³⁵⁾ То же въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами 1257 года «...А Нѣмцѣмъ и Гѣмъ и всему Латинскому языку платити по двѣ *кунѣ* отъ капи и отъ всякого вѣснаго товару, что кладутъ на скалви и продавшѣ, и купившѣ» ³⁶⁾. При существованіи отдѣльныхъ княжествъ каждое изъ нихъ имѣло свои деньги, различавшіяся по вѣсу, а равно и по штемпелю; это различіе уцѣлѣло до позднѣйшихъ временъ нашей исторіи и по утвержденіи единовластія Великаго Князя московскаго является, какъ остатокъ старинной самостоятельности княжескихъ удѣловъ и вольныхъ русскихъ волостей, уже уничтоженныхъ Москвою. Иностранные писатели о Россіи XVI вѣка, Сигизмундъ Герберштейнъ и Александръ Гваньинъ, упоминаютъ о различіи денегъ московскихъ, новгородскихъ, тверскихъ и псковскихъ ³⁷⁾. Слѣды этаго изстариннаго порядка вещей, засвидѣтельствованнаго указанными писателями, еще не изгладились и въ XVII вѣкѣ ³⁸⁾. Кромѣ того, извѣстно, что различіе между деньгами новгородскими и московскими долго сохранялось въ нашей монетной системѣ.

Различіе въ вѣсѣ несомнѣнно и было причиною упоминанія въ Мстиславовомъ договорѣ о *смоленской кунѣ*, но если Мстиславовъ

договоръ упоминаетъ о *смоленской кунѣ* въ смыслѣ опредѣленной денежной единицы, то есть, съ другой стороны, указаніе на *куны* въ общемъ смыслѣ денегъ и притомъ съ означеніемъ имени княжества. Такъ въ одной жалованной грамотѣ XV столѣтія читаемъ: «придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а немочно будетъ его опровадити: ино тогда архимандритъ... пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку *Тверскими кунами*» ³⁹⁾.

Нѣкоторые ⁴⁰⁾ несправедливо думаютъ, что на ряду съ кунами *смоленскими*, *тверскими*, т. е. съ деньгами того или другаго княжества, можно поставить куны, означаемыя именемъ какого-либо монастыря; на основаніи такого мнѣнія готовы утверждать, что куны выпускались также монастырями и означались монастырскимъ клеймомъ. Доводъ, представляемый въ пользу такого мнѣнія, не можетъ считаться убѣдительнымъ; онъ заключатся въ указаніи на *михайловскія куны*. Въ одной новгородской купчей XIV—XV вѣка, читаемъ, что игумень монастыря Святаго Михаила съ старостою монастырскимъ купили участокъ земли съ пожнями: «а дали на тое земли и на тѣхъ пожняхъ полчетверта сорока бѣлки *Михайловскихъ кунъ* да овцу пополонка, а *купиши святому Михаилу одерень*» ⁴¹⁾. Очевидно здѣсь *михайловскія куны* означаютъ *деньги изъ михайловской монастырской казны* и въ этомъ смыслѣ *монастырскія*, которыя упоминаются въ купчей, какъ юридическое основаніе пріобрѣтенія даннаго участка земли и пожней въ собственность монастыря, а не инаго лица, напр. игумена. ⁴²⁾

Если считать эти *михайловскія куны* деньгами, выпускаемыми монастыремъ Святаго Михаила, то и выраженія: «*его куны*», «*свои куны*» ⁴³⁾, относящіяся къ частнымъ лицамъ, также должно понимать, какъ указанія на деньги, выпускаемыя въ обращеніе этими частными лицами, но въ такомъ случаѣ мы въ концѣ концовъ придемъ къ признанію существованія въ древнерусскомъ обществѣ безграничнаго и безпримѣрнаго въ исторіи права всѣхъ и каждаго выпускать въ обращеніе свою монету ⁴⁴⁾.

Въ заключеніе настоящей главы укажемъ еще на одно общее названіе денегъ, употреблявшееся у насъ въ древности. Это названіе *скотъ*; очевидно, оно такого же происхожденія, какъ римское *ресинія* ⁴⁵⁾. Въ Русской Правдѣ читаемъ: «Аже гдѣ възъ-

щеть на друузѣ проче... да аще будетъ обидя, не вдалѣ боудеть достоино емоу *свои скотъ*, а за обиду 3 гривнѣ или въ статѣ о порчѣ чужой вещи: «А иже изломить копье любо щить, любо портѣ; а начнетъ хотѣти его дерѣжати оу себе, *то приати скота оу него*, а иже естъ изломилъ аще ли начнетъ примѣтати, *то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ*» ⁴⁶).

Слово «*скотъ*» въ смыслѣ денегъ скоро исчезаетъ въ языкѣ памятниковъ нашей древности и замѣняется живучимъ словомъ «*куны*,» пережившимъ даже ту старинную денежную систему, въ которой куны занимали столь видное мѣсто и которая по праву можетъ быть названа *кунною* въ отличіе отъ позднѣйшей, *рублевой*. Но, несмотря на то, что слово *скотъ* существовало недолго, слѣды его употребленія сохранились въ старѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, какъ равно и въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ права. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1018 годомъ находится извѣстіе о сборѣ въ Новгородѣ денегъ на наемъ варяжской помощи Ярославу; это извѣстіе читается такъ: «Начаша *скотъ* собирать *отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ* и приведоша Варяги, вѣдша имъ *скотъ*, и совокупи Ярославъ воя многы» (Лавр. 140). Отсюда ясно, что *скотомъ* назывались *деньги вообще*: здѣсь лѣтописецъ употребляетъ это слово для обозначенія той суммы *кунъ и гривенъ*, которую новгородская земщина пожертвовала Ярославу для извѣстной цѣли ⁴⁷). Въ томъ же смыслѣ слово *скотъ* упоминается въ *поученіи* Мономаховомъ: «И мировъ есмь створилъ съ Половечьскими князи», говоритъ Мономахъ, «безъ одного 20 и при отци, и кромѣ отца, а дая *скота* много и многы порты своѣ» (ibid. 241). Чтобы удержать кочевниковъ отъ нападеній на русскіе предѣлы, Мономахъ покупалъ у нихъ миръ. Само собою разумѣется, что Половцы, занимаясь сами скотоводствомъ въ своихъ привольныхъ придѣпровскихъ и подонскихъ стѣняхъ, не имѣли надобности въ приобрѣтеніи рогатаго скота или овецъ отъ своихъ сосѣдей: напротивъ, одно древнее историческое свидѣтельство увѣряетъ насъ, что Русскіе заимствовались у нихъ скотомъ, котораго на Руси было сравнительно мало ⁴⁸). Мономаху приходилось склонять этихъ кочевниковъ къ миру тѣмъ, чего у нихъ не было и что они приобрѣтали только посредствомъ наѣздовъ и грабежей. Въ самомъ

дѣлѣ: изъ словъ великаго князя видно, что Половцы охотно брали его наряды (порты), бывшіе для нихъ обновою; также безъ сомнѣнія падки они были и на русскія деньги, съ которыми познакомились при своихъ частыхъ впаденіяхъ въ сосѣдственныя русскія области и которыя въ приведенномъ мѣстѣ *поученія* и называются *скотомъ* ⁴⁹⁾.

Въ памятникахъ права встрѣчаются также указанія на *скоть* въ смыслѣ денегъ; въ этомъ отношеніи особенно любопытно то, что такое указаніе находится въ одномъ памятникѣ конца XII столѣтія, а именно въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами 1182—1184 году. Въ этой грамотѣ, въ статѣ о взысканіи по займамъ, читаемъ: «...Оже емати *скоть* Варягу на Русинѣ или Русину на Варязѣ, а ся его заприть, то ѿ. мужъ послухы: и деть ротѣ, възметь свое» ⁵⁰⁾. Полное соотвѣтствіе этого постановленія съ статьею Правды, озаглавленной: «*Оже кто кунѣ взищеть*» ⁵¹⁾, указываетъ на то, что здѣсь рѣчь идетъ о *кунахъ*, т.-е. о деньгахъ. Наконецъ, это древнее слово, *скоть-деньги*, несомнѣнно слышится въ названіи одной старинной западно-русской монеты. Мы разумѣемъ монету называвшуюся *скотцомъ* ⁵²⁾. Всѣ эти данныя доказываютъ, что рассматриваемое слово вполне замѣняло собою сравнительно позднее *куны* въ общемъ значеніи денегъ.

Соотвѣтственно этому древнѣйшимъ названіемъ княжеской казны было *скотница*; такъ въ посланіи митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху говорится о *скотницѣ*, какъ о казнохранилицѣ, откуда князь производилъ свои расходы: «... Но *скотница* твоя» пишетъ митрополитъ, «по Божіи благодати неоскудна есть и неистощима, раздаваема и неоскоудѣема» ⁵³⁾, а въ лѣтописномъ разсказѣ о благотворительности Св. Владиміра казнохранители названы *скотниками*: Лаврентьевская лѣтопись говоритъ, что этотъ Св. Князь, помня завѣтъ Священнаго Писанія о нищелюбіи и милостынѣ, «повелѣ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и *отъ скотницъ кунами*» (Лавр. 123) ⁵⁴⁾.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что названіе денегъ словомъ «*скоть*» относится къ тому отдаленному времени жизни нашихъ предковъ, когда они, еще полудикіе кочевники, главнымъ своимъ богатствомъ почитали стада рогатаго и инаго скота, и

когда штуки этого скота, а можетъ быть и шкуры, были у нихъ единственными оборотными цѣнностями. Такое состояніе является одною изъ необходимыхъ историческихъ ступеней въ жизни многихъ народовъ, и относительно происхожденія слова «*скотъ*» намъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо иномъ случаѣ, не слѣдуетъ *искать въ Нѣмцахъ правды* ⁵⁵).

Вопросы, которые были разсматриваемы въ настоящей главѣ, давно уже рѣшены въ нашей исторической литературѣ и, при томъ, рѣшены такъ же, какъ рѣшаемъ ихъ и мы; слова: *куны* безъ опредѣленія количества и *скотъ* признаются всѣми изслѣдователями нашихъ древностей за общія наименованія *денегъ* въ нашемъ смыслѣ. Мы представили, такъ сказать, повѣрку этого общепринятаго мнѣнія, разсмотрѣвъ тѣ указанія памятниковъ нашей древней письменности и права, которыми оно можетъ и должно быть обосновано. Такую повѣрку необходимо было произвести въ виду того важнаго значенія, какое имѣютъ эти термины для Русской Правды, въ особенности *куны*. Для изучавшихъ этотъ важный памятникъ *Правда* и *куны* суть понятія, тѣсно связанные между собою; *Правду* нельзя объяснять безъ всесторонняго изслѣдованія о *кунахъ*. Кромѣ того, нѣкоторые свидѣтельства источниковъ о первомъ изъ разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ терминовъ, прежде чѣмъ ихъ можно привести въ подтвержденіе данной мысли, сами требуютъ разъясненія, отъ котораго изслѣдователь вопроса о *кунахъ* не имѣетъ права уклоняться.

Вотъ тѣ причины, которыя заставили насъ остановиться на разсмотрѣніи того, въ какомъ смыслѣ употреблялись въ языкѣ нашихъ памятниковъ древности слова: *скотъ* и *куны*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О различных оборотных цѣнностяхъ древней Руси, носившихъ общее названіе кунъ.

Въ качествѣ денегъ могутъ употребляться различные предметы. Эти предметы могутъ быть цѣнны сами по себѣ или же имъ можетъ быть придана та или другая цѣна, то или другое *достоинство*, условно. Равномѣрно цѣнности, употребляемыя для оборота, бываютъ металлическія или неметаллическія, и это послѣднее различіе зависитъ главнымъ образомъ отъ степени развитія торговли данной страны въ данное время. Чѣмъ ниже это развитіе, чѣмъ медленнѣе движутся торговые обороты, тѣмъ возможнѣе употребленіе товара, объекта торговли, и въ качествѣ орудія ея, причемъ, очевидно, въ этомъ смыслѣ употребляется преимущественно такой товаръ, который находитъ себѣ наиболѣе выгодный сбытъ. Обращаясь къ древней Руси, мы должны признать, что такимъ товаромъ на древнерусскомъ рынкѣ были мѣха, какъ главный предметъ торгова Русскихъ съ иноземцами. Что касается до благородныхъ металловъ, то они, появившись въ началѣ также главнымъ образомъ въ качествѣ товара, съ ходомъ времени и развитія торговли все болѣе и болѣе получаютъ значеніе орудія оборота по преимуществу: вѣсовая единица замѣняется счетною и съ тѣмъ вмѣстѣ появляется и получаетъ развитіе идея кредита.

Таковы разнообразныя оборотныя цѣнности, которыя по древнерусски могли называться общимъ именемъ *кунъ*. Слѣдуя ста-

ринной терминологіи, подъ словомъ «*куны*» можно разумѣть и мѣха, и металлическіе слитки или монеты, и, наконецъ, *кожанья денги*, получившія столь громкую извѣстность въ нашей исторической литературѣ. Но спрашивается: всѣ ли эти *денги* употреблялись въ то время, отъ котораго дошли до насъ извѣстія о *кунахъ*? Значеніе этого вопроса очевидно само собою: съ даннымъ словомъ должно соединять именно то понятіе, которое соединяется съ нимъ, такъ сказать, въ эпоху его употребленія въ языкѣ и въ средѣ общества, говорящаго этимъ языкомъ; *кунами* могли называться и назывались лишь *тѣ денги*, которыя существовали и признавались таковыми въ древней Руси.

Изъ первой главы мы уже знаемъ, что въ памятникахъ есть указанія на деньги металлическія, *гривны серебра, рубли*; знаемъ также, что при металлическихъ деньгахъ обращались и мѣха (*со-роки бѣлы*), но, вмѣстѣ съ этимъ, не находимъ рѣшительно никакихъ ясныхъ указаній на какія либо иныя *денги*; такихъ указаній нѣтъ, кромѣ сомнительныхъ *мордокъ* и *лобцовъ*, или *лобковъ*.

Все это намъ извѣстно въ общихъ чертахъ настолько, насколько можно знать объ этомъ лишь изъ тѣхъ свидѣтельствъ памятниковъ, которыя необходимы для разсмотрѣнія слова «*куны*» въ общемъ смыслѣ денегъ. Теперь для того, чтобы рѣшить поставленный выше вопросъ о *древнерусскихъ кунѣхъ*, мы должны пополнить и развить свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Начнемъ съ извѣстій и свидѣтельствъ о *кунахъ металлическихъ*.

Выше было упомянуто извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи подъ 980 годомъ о требованіи Варяговъ и отвѣтѣ Владиміра. Остановимся на этомъ извѣстіи и разсмотримъ его повнимательнѣе.

Варяги требуютъ окупа съ Кіевлянъ по 2 *гривны* съ человѣка; Владиміръ, какъ бы соглашаясь на это требованіе, уговариваетъ ихъ подождать, пока соберутъ *куны* для уплаты этой суммы: такъ свидѣтельствуется лѣтописью.

Гривна первоначально была единицею вѣса, соотвѣтствующею византійской *литрѣ* или римской *либрѣ* ¹⁾. Вѣсъ начинается прилагаться къ денежнымъ расчетамъ только съ тѣхъ поръ, когда металлическія цѣнности становятся оборотными, ходячими: это, полагаемъ, не требуетъ доказательства. Поэтому предположеніе о

мѣхахъ; какъ о преобладающемъ орудіи торговаго оборота, не можетъ имѣть мѣста при выраженіи *кунъ въ гривенѣхъ*; металлическія цѣнности, какъ наиболѣе удобныя для оборота, должны были своимъ появленіемъ если не упразднить, то въ значительной степени ослабить оборотное значеніе такой цѣнности, какъ мѣха. Съ другой стороны, врядъ ли можно предположить, чтобы Норманны потребовали окупа мѣхами: въ это время, въ половинѣ X вѣка, они уже пріучились цѣнить благородные металлы, какъ самую выгодную добычу ²⁾; къ тому же связи, въ которыхъ находились они съ Славяноруссами, заставляютъ думать, что имъ было извѣстно богатство послѣднихъ этими металлами ³⁾. Въ виду этихъ соображеній кунъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ являются въ этомъ извѣстіи, весьма затруднительно считать мѣхами; тѣмъ менѣе возможно считать ихъ какими нибудь мордками, лобцами или иными *кожаными* деньгами: такія деньги, если можно предположить ихъ существованіе на Руси въ это время, имѣли значеніе только для внутренняго торга, но, очевидно, Варяги не взяли бы ихъ въ видѣ вознагражденія за свою помощь.

Весьма вѣроятно, что эти *гривны*, которыя въ этомъ извѣстіи названы общимъ именемъ *кунъ*, были ни что иное, какъ слитки металлическіе, изъ цѣннаго и наиболѣе употребительнаго въ то время металла, какимъ, по всей вѣроятности, было серебро. Такое предположеніе можно подкрѣпить другимъ древнимъ свидѣтельствомъ. Это свидѣтельство находится въ житіи преп. Антонія Римлянина, или въ *повѣсти объ Антоніи Римлянинѣ*.

Какъ кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что житіе принадлежитъ перу современника преподобнаго Антонія, т.-е. что оно по составу относится къ XII столѣтію, такъ какъ составитель въ началѣ упоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ преподобнымъ: «... и ина многа о отпаденіи римскомъ *повѣда ми* и о богомерской ереси ихъ», въ другомъ же мѣстѣ прямо говоритъ о себѣ слѣдующее: «... Мнѣ же, священноиноку Андрею, Богъ сподобилъ воспріяти ангельскій образъ во обители сей, *быхъ въ послушаніи и поученіи преподобнаго*».

Но по списку, намъ извѣстному, *повѣсть* значительно позднѣе: оно находится въ одномъ сборникѣ конца XVI или начала XVII вѣка, принадлежащемъ Румянцевскому Музею ⁴⁾. Отсюда ясно, что

новыя слова въ этомъ древнемъ Житіи и объяснительныя приписки принадлежать позднѣйшему писцу.

Въ житіи, между прочимъ, говорится, что преп. Антоній на-
нялъ рыбаковъ достать изъ моря свою *делзю* съ священными со-
судами и далъ за это *гривну-слитокъ*. Къ этому извѣстію при-
бавлено: «*Понеже въ то время оу новгородскихъ людей не бысть
денегъ, но мяша слитки серебряные ово гривну, ово полтину, ово
рубль и тѣмъ куплю дѣяху*». Здѣсь съ древнимъ свидѣтельствомъ
о *гривнѣ* соединено позднѣйшее *толкованіе*; въ этомъ толкованіи
мы видимъ свѣдѣніе о древностяхъ новгородскихъ, дошедшее до
позднѣйшаго писца или изъ лѣтописей, или какъ изустное пре-
даніе, и попытку истолковать это свѣдѣніе, переведа его, такъ
сказать, на современныя толкователю понятія.

*Были слитки изъ серебра, замѣняшіе собою деньги XVI—XVII
столѣтій*: вотъ то ядро, вокругъ котораго образуется все толко-
ваніе; денегъ не было въ то время, слитки же были разные по
цѣнѣ, въ гривну, въ полтину, въ рубль. Но для насъ важно са-
мое ядро, то свѣдѣніе, которое писецъ XVI—XVII вѣка, очевидно,
не выдумалъ, а только переложилъ на современныя ему понятія:
изъ этого свѣдѣнія мы знаемъ, что *серебряные слитки* были у
насъ древнѣйшими металлическими деньгами. Нѣтъ сомнѣнія, что
они, эти слитки, обращались и въ X вѣкѣ, когда Русь не была
бѣднѣ серебромъ, чѣмъ въ послѣдствіи.

Въ Новгородской Первой лѣтописи подъ 1224 годомъ сказано
что князь Юрій Всеволодовичъ взялъ съ Торжка въ дань «7000
новую» ⁵⁾. Это «*новую*» обращаетъ наше вниманіе на древній
Святославовъ Церковный Уставъ 1137 года: тамъ опредѣлена де-
сятина Церкви отъ виръ и продажъ во «*сто гривенъ новыхъ
кунъ*» ⁶⁾.

Само собою разумѣется, что говорить здѣсь о *мѣхахъ кунныхъ*
нельзя, хотя бы ужъ потому, что мѣха не считаются *на вѣсъ*;
также точно нельзя говорить и о кожаныхъ деньгахъ, ибо ста-
рѣя кожаные деньги при новыхъ не могли бы имѣть никакого
значенія, а потому опредѣленіе «*новыя*» было бы излишне. Впро-
чемъ, мы еще обратимся къ этому извѣстію, когда будемъ гово-
рить о кожаныхъ деньгахъ и разсматривать ученіе о нихъ, воз-
никшее въ нашей исторической литературѣ, но повторяемъ: ко-

жаныя деньги, какъ таковыя, т.-е. какъ имѣющія одну номинальную цѣну, могутъ имѣть значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока эта номинальная цѣна не отнята у нихъ, т.-е. пока онѣ или вовсе не уничтожены, или не замѣнены *новыми*. Это понятно само собою. Давая Церкви десятину, князь, очевидно, не могъ уплачивать ее негодными лоскутками кожи: для чего же были бы въ уставѣ указаны именно новыя куны? Такое опредѣленіе, повторяемъ, было бы излишнимъ, не имѣло бы смысла. Тѣмъ менѣе можно было бы говорить о *старыхъ кунахъ*, а между тѣмъ, въ договорной грамотѣ Новгорода съ Нѣмцами 1189—1199 года постановлено: «А оже мужа свяжють безъ вины, *то ѿ иривенъ за соромъ старыхъ кунъ*. Оже ударять мужа оружіемъ любо коломъ, *то ѿ иривенъ за рану старые*» и т. д., и т. д. ⁷⁾.

Но ни то, ни другое не суть празныя или безмысленныя слова. *Новыя куны*, очевидно, ничто иное, какъ вновь отлитые, вновь выпущенные слитки, качество которыхъ разнилось отъ прежнихъ, *старыхъ*. Безъ сомнѣнія, новыя куны не всегда были лучше старыхъ: иногда могло быть и наоборотъ, въ чемъ удостовѣряетъ насъ приведенная выше договорная грамота конца XII столѣтія. Но въ эпоху Святославова Устава, какъ и во время осады Торжка Юріемъ Всеволодовичемъ *новыя куны* были, очевидно, лучшаго качества, почему онѣ и отмѣчаются какъ въ Уставѣ такъ и въ лѣтописи.

Намъ могутъ возразить, что Уставъ Святославовъ данъ безсрочно, а отношеніе кунъ новыхъ къ старымъ могло по времени измениться въ ущербъ достоинству первыхъ.

Что касается до безсрочности Устава, то на это указываетъ и самое *заклятіе* въ концѣ этого акта: «*ожели кто въ которое время а то рюшитъ или отиметь, что я урюдилъ, Князь Никола Святславъ, съ владыкою Нифонтомъ, князь ли или инъ кто сильныхъ Новгородецъ, а будетъ Богу противенъ и святый Софійи*». Но отъ устава первой половины XII столѣтія нельзя требовать ни точности въ выраженіяхъ, ни старанія предотвратить возможные уловки и правовѣдныя тонкости, имѣющія цѣлью искаженія смысла грамоты или инаго акта. Устанавливая десятину св. Церкви, по благочестивому преданію своихъ предковъ, князь Святославъ Ольговичъ имѣлъ въ виду не обсчитывать церковную казну,

а по возможности увеличить доходъ ея почему мы и думаемъ, что *новыя куны* Устава были качествомъ выше *старыхъ*. Что же касается до указанія на *данный случай*, то эта черта свойственна всѣмъ древнимъ законамъ и уставамъ; такъ, напримѣръ, древнѣйшее постановленіе Русской Правды о кражѣ скопомъ формулируется, какъ постановленіе о кражѣ, совершенной 18-ю злоумышленниками: «... или ихъ будетъ 18» сказано въ *краткой Правдѣ*, «то по трѣ гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужевѣ» (Акад. 29). Законъ этотъ составленъ, очевидно, въ виду конкретного случая, отчего и произошло указаніе на число татей. Въ послѣдствіи этотъ недостатокъ былъ исправленъ согласно основной мысли закона, цифра соумышленниковъ-татей была замѣнена выраженіемъ: «... будетъ ли ихъ много...» (Тр. 37).

То же и въ Святославовой грамотѣ: мысль, что если въ обращеніи находятся деньги разнаго качества, то церковная десятина должна выдаваться лучшими, эта мысль формулируется просто въ видѣ указанія на лучшія деньги даннаго времени, эпохи изданія грамоты. Отъ такой неправильности формулы устава въ то время нельзя было ожидать нежелательныхъ послѣдствій въ примѣненіи этого устава: обезпеченіе достоянія церковнаго въ древней Руси не нуждалось въ ясно сформулированномъ письменномъ актѣ, оно основывалось на благочестіи нашихъ предковъ, князей и не князей, утверждалось ихъ преданностью Церкви и любовью къ благолѣпному дому Господня. Это общее настроеніе того времени, между прочимъ, прекрасно выражено и въ разсматриваемомъ Уставѣ; князь Святославъ Ольговичъ говоритъ, что церковная десятина представляетъ собою не только интересъ первостоятеля Церкви и блюстителя ея добытковъ, но и интересъ князя: «.... *Нужа же баше*», сказано въ Уставѣ, «*пискоупоу, ноужа же князю въ томъ въ десятой части Божии*».

Но если Святославъ Ольговичъ, устанавливая десятину Церкви, не могъ имѣть въ виду обсчитывать казну церковную, то и Юрій Всеволодовичъ, вынуждая дань у осажденныхъ Новоторжцевъ, также не думалъ обсчитывать самого себя, и «7000 *новая*» лѣтотониси были несомнѣнно качествомъ выше, чѣмъ «7000 *стѣрая*». Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выше извѣстіяхъ мы не можемъ видѣть ни мѣховъ, ни, тѣмъ болѣе, кожаныхъ денегъ:

упоминаемыя тамъ цѣнности суть цѣнности металлическія, по всей вѣроятности, серебряные слитки.

Указываемъ теперь на одно мѣсто *Лаврентіевской лѣтописи*, подавшее поводъ къ литературнымъ разнотолкамъ. Это извѣстіе подъ 1068 годомъ, о разграбленія Кіевлянами во время бунта княжескаго двора.

Кіевляне самовольно освободили изъ поруба Всеслава Полоцкаго, «дворъ же князь разграбиша, безчисленное множество *злата и серебра кунами и бѣлю*» (Лавр. 97).

Думаютъ это извѣстіе истолковать такъ: Кіевляне разграбили безчисленное множество золота и серебра, *безчисленное множество кунами и бѣлю* ⁸⁾. Но послѣ слова *множество* по смыслу слѣдуетъ вопросъ «чего?» а не «чѣмъ?» Такимъ образомъ здѣсь самая грамматическая форма подчиняетъ слова: *кунами и бѣлю*, не слову *множество*, а словамъ: *злата и серебра* или, быть можетъ, одному послѣднему ⁹⁾.

Говорятъ ¹⁰⁾, что лѣтописецъ употребляетъ весьма вольную конструкцію рѣчи, вслѣдствіе чего «*кунами и бѣлю*» можетъ стоять совершенно независимо отъ *злата и серебра*. На это можно отвѣтить, что лѣтописецъ не всегда употребляетъ такую вольную конструкцію ¹¹⁾, она не составляетъ исключительной или даже преобладающей формы его рѣчи, а потому мы можемъ признавать ее, какъ фактъ, но не подкладывать, какъ основаніе, при объясненіи тѣхъ мѣстъ лѣтописи, которыя понятны по самому грамматическому смыслу. Грамматическій смыслъ всегда считается самымъ лучшимъ, самымъ вѣрнымъ источникомъ толкованія, и отъ него обыкновенно исходятъ всѣ толкователи.

Что такое *бѣль*, рѣшить нелегко. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей нашей древней денежной системы считаетъ *бѣль* названіемъ *серебра*: это было, по его мнѣнію, *бѣлое, чистое серебро*; отъ *бѣли* въ этомъ смыслѣ отличается *серебро черное* (*argentum nigrum*), т.-е. серебро съ примѣсью мѣди: это черное серебро у насъ *куны* (деньги) ¹²⁾.

Полагаютъ, что кунами, т.-е. кунными мѣхами, обыкновенно бралась подать, что это былъ мѣхъ *податной*, а мѣхами векошь подать не бралась, почему этотъ мѣхъ, какъ *неподатной*, назывался *бѣлымъ, обѣленнымъ, бѣлою*. Въ соотвѣтствіе этому домыс-

лу, которымъ думаютъ объяснить лѣтописное «*бѣль*», указываютъ на позднѣйшіе юридическіе термины: *черныя слободы, бѣльные крестьяне* ¹³⁾.

Всякому извѣстно, что въ старинномъ нашемъ языкѣ слова: *черный* и *бѣлый* употребляются въ указанномъ смыслѣ; также понимаются слова: *чернокунны, черный боръ* ¹⁴⁾. Но, при этомъ, нельзя упускать изъ виду, что самое слово «*черные люди*», «*чернь*» появляются въ памятникахъ старины значительно позже, чѣмъ слово «*черная куна*». Ни въ Правдѣ Русской, ни въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ не встрѣчается слово *черные люди*, мѣсто его замѣняютъ: *людіе*, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ *смерды, чадь*. Слѣдовательно, если понимать слово *черный* даже исключительно въ этомъ смыслѣ, то его никакъ нельзя примѣнить къ *черной кунѣ*, какъ причину къ слѣдствію. *Черная куна* въ смыслѣ дани встрѣчается, напримѣръ, въ Несторовой лѣтописи подъ 883 годомъ: Олегъ, *примутивъ* Древлянъ, «имаше на нихъ дань *по чернѣ кунѣ*» (Лавр. 23); но та же лѣтопись свидѣтельствуетъ, что и мѣха *веверицъ, векошь* также взимались въ дань: по извѣстію подъ 859 годомъ, Хозары брали съ подчиненныхъ имъ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей *по бѣлой вѣверицѣ отъ дыма* (ibid. 18). Все это относится къ тому отдаленному времени, когда наши предки, Славяне, знали только мѣха, какъ цѣнности, или по крайней мѣрѣ не были столь же богаты металлами, годными для дани. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о цвѣтѣ шерсти, а не о томъ, что куна черна по своему податному значенію. Итакъ, куна называется *черною*, а векша *бѣлою* по цвѣту; въ томъ же смыслѣ мы понимаемъ и лѣтописную «*бѣль*» 1068 года. Но, обращаясь къ извѣстію подъ этимъ годомъ, снова утверждаемъ, что по грамматическому смыслу, который здѣсь не представляетъ никакихъ сомнѣній, слова *куны* и *бѣль* относится къ *злату и серебру*, а слѣдовательно ихъ должно понимать не какъ кунцы и бѣличы мѣха, а какъ *цѣнности металлическія* ¹⁵⁾.

Если такъ, то, далѣе, даже не принимая соображеній Каченовскаго о *черной кунѣ* 883 года ¹⁶⁾, можно видѣть, что *куна* 1068 года была чѣмъ то отличнымъ отъ *бѣлы*, а слово *бѣль*, очевидно есть опредѣленіе металла качественное: *бѣлый*. Слѣдовательно, *куна*

не называлась *бѣлымъ металломъ*, а какимъ либо другимъ. Но какимъ же?

Прежде всего по тому же грамматическому смыслу извѣстія ясно, что *кунами* и *бѣлю* означаются разные виды, въ какихъ у насъ обращался въ то время цѣнный металлъ, оба—золото, и серебро, т. е. цѣнный металлъ вообще, или же какой либо одинъ изъ нихъ.

Само собою разумѣется, далѣе, что металлъ наименѣе употребительный обращается въ меньшемъ числѣ видовъ и формъ сравнительно съ металломъ болѣе употребительнымъ. Какой же изъ упомянутыхъ двухъ цѣнныхъ металловъ былъ у насъ въ болѣшемъ употребленіи? Безъ сомнѣнія, серебро. На языкѣ памятниковъ нашего древняго права и письменности словомъ «серебро» обозначаются вообще *деньги*, какъ и словомъ «*куны*»; разница во времени: «*куны*» въ этомъ отношеніи старше «серебра». Кромѣ того, что было приведено выше о *серебрѣ*, какъ о *кунномъ собраніи*, здѣсь достаточно указать на Псковскую Судную грамоту, въ которой *серебро* часто упоминается въ смыслѣ *денегъ*, *кунъ*; напримѣръ: «А кто на комъ иметь сочисти *съсуднаго серебра* по доскамъ...» или «А кто иметь *давати серебро въ заимъ*» ¹⁷⁾. Напротивъ, золото не имѣло такого общаго значенія. Если же серебро было наиболѣе употребительнымъ благороднымъ металломъ древней Руси, то, очевидно, виды металла, *куны* и *бѣль*, упомянутые въ извѣстіи 1068 года, должно отнести не къ *злату*, а къ *сребру*.

Серебро *бѣлаго цвѣта*: отсюда *бѣль* и, очевидно, производное отъ «*бѣли*» прилагательное «*бѣлчатый*», т. е. серебряный. Это прилагательное употребляется въ Волинской лѣтописи при перечисленіи престольныхъ одѣяній, пожертвованныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ построенную имъ Георгіевскую Любомльскую церковь: «...и индѣться золотомъ шита вся а другая *паволоки бѣлчатое*, а въ малою олтару обѣ индѣтьи *бѣлчатое же паволоки*» ¹⁸⁾. Говоря о паволочныхъ престольныхъ облаченіяхъ и отличая ихъ отъ облаченія золотого, пожертвованнаго благочестивымъ княземъ на главный Престолъ храма, лѣтописецъ подъ словами: *бѣлчатая паволока* несомнѣнно разумѣетъ серебряную парчу въ отличие отъ золотой, ибо паволока и есть парча, какъ то будетъ видно далѣе.

Названіе серебра, а затѣмъ и вообще *денегъ*, *бѣлю* обще многимъ, если не всѣмъ, народамъ; въ основѣ этого лежитъ все тотъ же бѣлый цвѣтъ серебра, какъ равно и то, что серебро преимущественно передъ золотомъ употребляется въ качествѣ орудія гражданскаго оборота ¹⁹⁾. То же было и у насъ. Но слова: *бѣлый* и *чистый* въ нашемъ языкѣ такъ близки одно къ другому, что могутъ считаться синонимами; въ томъ смыслѣ, въ какомъ древняя лѣтопись говоритъ «*бѣль*», въ послѣдствіи и въ наше время говорятъ: *чистое серебро*, *чисто серебро*, а въ противоположность ему есть *серебро нечистое*, *небѣлое*, *черное*. Если куна была *небѣлымъ* серебромъ, то она была *серебромъ чернымъ*, нечистымъ, серебромъ съ примѣсью, которая при неискуствѣ смѣсителя могла измѣнить и самый цвѣтъ металла, *почернить бѣлое серебро*, сдѣлать его чернымъ и въ смыслѣ цвѣта.

Подобно тому какъ слово «*смердѣ*» въ послѣдствіи стало браннымъ, презрительнымъ названіемъ ²⁰⁾, слово *черный* въ переносномъ смыслѣ обозначаетъ также *низость*, *подлость*: *черные люди*, *чернь*, какъ низшій классъ, *подлый народъ*; всѣ, лежащіе на этомъ классѣ обязанности, тягости, работы получаютъ названіе *черныхъ*, а такъ какъ въ черноту облекается вся масса народа *неблагороднаго*, всѣ тѣ, которые зовутся общимъ, неопредѣленнымъ именемъ *людей* (*людіе*, *люди*), *хрестіанъ*, *крестьянъ*, то слово *черный* получаетъ въ концѣ концовъ смыслъ чего-то *общаго*, *поголовнаго*, *подушнаго*, а то, что выдѣляется изъ этой общей, безразличной массы, *объясняется*, освобождаясь отъ общей, *черной* страды. Такимъ образомъ, *податная чернота* и *неподатная обьяленность* коренятся ни на чемъ иномъ, какъ на самомъ первобытномъ, естественномъ различіи *чернаго* и *бѣлаго*, съ теченіемъ времени получившемъ переносный смыслъ ²¹⁾. Изъ всего сказаннаго здѣсь ясно, почему серебро низкое, униженное примѣсью мѣди, называли *чернымъ*; такимъ оно могло быть и по цвѣту сравнительно съ серебромъ чистымъ: слѣдовательно, эпитетъ «*черное*» придавался такому *низкому* серебру не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ.

Мы видѣли, что куны суть деньги вообще; такъ должно понимать это слово, если оно употреблено во множественномъ числѣ безъ количественнаго опредѣленія. Если же такъ, то «*множество*

серебра кунами и бѣлю» будетъ значить: множество серебра *чернаго, низкаго, употребляемаго въ качествѣ денегъ, и чистаго, слитковъ безъ примѣси.*

Но дѣйствительно-ли въ качествѣ денегъ употреблялось *низкое, нечистое серебро*? Дѣйствительно-ли *куны*, въ этомъ смыслѣ могли быть *черными* и противопоставляться *бѣли, бѣлому серебру*?

Какъ кажется, лѣтописи даютъ намъ право отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. *Куны* въ общемъ смыслѣ денегъ могли быть и, повидимому, до XV вѣка были изъ *нечистаго, чернаго* серебра. Основанія такого отвѣта слѣдующія: Псковскія лѣтописи подъ 1424 годомъ помѣщаютъ извѣстіе о томъ, что въ этомъ году «Псковичи отложиша пѣязми артугы торговати и приставиша мастеровъ деньги ковати въ *чистомъ сребрѣ*» ²²⁾. Это событіе, описанное менѣе подробно, въ Псковской Первой лѣтописи отнесено къ 1420 году, подъ которымъ тамъ помѣщено: «...Тогожь лѣта начаша Псковичи денгами торговати *чистымъ серебромъ*» ²³⁾. Еще сокращеннѣе объ этомъ говоритъ Новгородская Первая лѣтопись, относя это событіе, какъ и Псковская Вторая, къ 1424 году; при этомъ, Новгородская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что съ 1424 года такія денги были введены и по всей Русской землѣ: «Того же лѣта въ Псковѣ денги коваша и *начаша по всей Русской земли торговати денгами*» ²⁴⁾.

Послѣ доводовъ знаменитаго Каченовскаго ²⁵⁾, доводовъ, которые, насколько намъ извѣстно, доселѣ никѣмъ не только не опровергнуты, но даже не заподозрѣны, считаемъ себя въ правѣ утверждать, что и гроши литовскіе, и ортуги нѣмецкіе (*шведскіе*), о которыхъ была рѣчь выше, были *серебрянными кунами*, а не *мѣдными*. Но кромѣ того, и изъ самаго текста этаго извѣстія Псковской Второй лѣтописи ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о замѣнѣ *серебрянными деньгами* не *мѣдныхъ*, а денегъ изъ *нечистаго серебра*: сказано, что псковскіе мастера были приставлены ковать деньги не *въ сребрѣ*, а въ *чистомъ сребрѣ*, чѣмъ, очевидно, эти новыя деньги и должны были отличаться отъ прежнихъ, *кованныхъ въ нечистомъ, черномъ сребрѣ* ²⁶⁾.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ мы сочли себя въ правѣ сказать, что *куны* могли быть изъ *нечистаго, чернаго серебра*; при этомъ свидѣтельство Первой Новгородской лѣтописи, какъ

кажется, указывает на то, что въ 1424 году или около этого времени *деньги чистаго серебра* въ первый разъ были введены на Руси повсемѣстно: «...и почаша по всей Русской земли торговати деньгами». Если нѣтъ никакихъ важныхъ основаній не принять нашего толкованія лѣтописныхъ извѣстій объ измѣненіяхъ въ нашей денежной системѣ XV вѣка, начиная съ 1410 года, то общій ходъ этихъ измѣненій былъ слѣдующій: прежде всего древнія *куны*, т.-е. старыя деньги, бывшія повсемѣстно въ употребленіи, въ 1410 году въ Новгородѣ замѣняются иноземными грошами, ортугами, которые, по всей вѣроятности, были или лучшаго качества, или же удобнѣе въ обращеніи, хотя качества одинаковаго. Затѣмъ, преслѣдуя цѣль улучшенія внутренней стоимости денегъ, Новгородское вѣче вводитъ деньги *чистаго серебра* взамѣнъ ортуговъ; введеніе этихъ *чисто-серебряныхъ денегъ* черезъ четыре года продолжалось во Псковѣ и повсемѣстно на Руси.

Но изъ того, что мы сказали объ общемъ ходѣ денежнаго преобразования въ XV вѣкѣ на Руси, также ясно, что древнія *куны* были по качеству если не ниже шведскихъ ортуговъ, то одинаковы съ ними; ортуги же также не были изъ *чистаго серебра*: тѣмъ болѣе оправданія получаетъ признанное нами объясненіе *кунъ* и *блн* 1068 года ²⁷⁾.

Разница между серебромъ *чистымъ*, *блнью*, и серебромъ *чернымъ*, *кунами*, обозначена, между прочимъ, въ свидѣтельствѣ одного памятника конца XIII или начала XIV вѣка; это посланіе рижскихъ ратмановъ Витебскому князю Михаилу Константиновичу о различныхъ обидахъ, нанесенныхъ рижскимъ купцамъ во владѣніяхъ этого князя. Въ посланіи, между прочимъ, различаются *иривны серебра корнаго* отъ *иривенъ серебра*: ратманы жалуются, что рижскіе купцы, ѣдучи изъ Витебска въ Смоленскъ, на пути были ограблены литовцами, что «товара взяли ту на *ѡ иривенъ серебра корнаго* и на *ѣ серебра*» ²⁸⁾. *Корное серебро* есть, безъ всякаго сомнѣнія, *серебро скорное*, или *кунное* ²⁹⁾, которое здѣсь, очевидно, упомянуто въ томъ же общемъ смыслѣ денегъ, въ какомъ, какъ мы видѣли, употреблялось слово «*куны*». Въ другихъ памятникахъ также точно различается *иривна кунъ* отъ *иривны серебра*.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что наши памятники древности ясно говорятъ о *кунахъ*, какъ о *металлическихъ цѣнностяхъ*, а памятникъ ближайшій къ Правдѣ Русской, извѣстный Мстиславовъ договоръ съ Ригею и Готландомъ, прямо уравниваетъ *куны* съ *пенязями*: «а за гривною серебра» сказано въ этомъ договорѣ, по дъ гривны *коунами*, или *пъязи*» ³⁰⁾. При этомъ достойно вниманія, что этого *перезода на пенязи* нѣтъ въ окончательной, *готландской*, редакціи договора: такой переводъ находится въ первоначальной, *смоленской*, и затѣмъ, очевидно, повторенный въ *рижской* редакціи. Отсюда съ одной стороны ясно, что смоленскія куны были несомнѣнно металлическія, а не кожаные лоскутки, потому что въ противномъ случаѣ онѣ не могли бы имѣть мѣста въ международномъ договорѣ и тѣмъ болѣе не могли быть повторены въ одной изъ иноземныхъ его редакцій, при чемъ самое сравненіе ихъ съ пенязями указываетъ ни на что другое, какъ на монету, а съ другой стороны, отсюда же можно заключить, что на Готландѣ этотъ переводъ не былъ принятъ, вѣроятно, не по чему иному, какъ по сравнительно-дурному качеству смоленскихъ кунъ: въ убыткѣ отъ такого перевода были-бы, очевидно, нѣмцы. При такомъ качествѣ древняго нашего *куннаго*, или *чернаго*, серебра и въ слѣдствіе развитія сношеній Русскихъ съ Нѣмцами предприимчивые Новгородцы ³¹⁾, а за ними и вся Русская земля въ концѣ концовъ обратились прежде всего къ иноземнымъ монетамъ, изъ которыхъ, судя по лѣтописямъ, главное оборотное значеніе принадлежало ортугамъ, а потомъ сами стали *чеканить монету изъ чистаго серебра*. Если взвѣсить все указанныя обстоятельства, то въ этомъ не найдемъ ничего удивительнаго или невѣроятнаго.

Приведенныя выше свидѣтельства доказываютъ, что древнерусскія *куны* въ смыслѣ денегъ были вообще металлическія, а именно серебряныя ³²⁾; отсюда: о мѣхахъ, а тѣмъ болѣе о кожаныхъ деньгахъ мы можемъ говорить лишь тамъ, гдѣ о нихъ именно говорится въ памятникахъ или если указаніе на нихъ несомнѣнно. Мѣста сомнительныя должны быть толкуемы въ смыслѣ господствующаго понятія.

Такимъ образомъ, если князь Романъ Мстиславичъ предлагаетъ тестю своему, великому князю Рюрику Ростиславичу, заплатить *кунами* за данную ему послѣднимъ волость, то мы не имѣемъ

никакихъ основаній видѣть въ этихъ кунахъ мѣха или куньи мордки, какъ части мѣха, имѣющія номинальную цѣну: мы видимъ въ нихъ *кунное серебро, серебряныя куны* ³²⁾. То же должно сказать и о тѣхъ *50 гривенъ кунъ*, которыя упомянуты въ духовной грамотѣ князя Владиміра Васильковича Волынскаго (1286—1287 г.), какъ часть (по всей вѣроятности, бѣлая) цѣны купленного имъ села: «... А село есмь коупилъ Березовичѣ оу Рьевича (Урьевича) оу Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немъ *50 гривенъ коунъ*, а 5 локоть скорлата да бронѣ дощатые» ³³⁾, или о *4 гривенъ кунъ*, которыя въ 1289 году князь Мстиславъ Даниловичъ взялъ на Берестынахъ *за крамолу*, стало быть, какъ пеню ³⁴⁾ и т. д.

Въ заключеніе отмѣчаемъ два лѣтописныя извѣстія, могущія дать поводъ къ недоразумѣнію относительно значенія *кунъ* и *бѣли*.

Въ 1213 году князь Мстиславъ Храбрый съ Новгородцами овладѣлъ чудскимъ городомъ *Воробьевымъ носомъ* и взялъ съ Чуди дань «*серебра, злата и коунъ* бесчисленное множество» ³⁵⁾.

Повидимому, странно, что наши *куны* могли попасть къ Чуди, но разсмотримъ дѣло повнимательнѣе. Изъ приведеннаго извѣстія несомнѣнно видно, что Чудь не только была знакома съ серебромъ и золотомъ, но и обладала этими металлами въ такомъ значительномъ количествѣ, что ими можно было взять дань и, при томъ, какъ видно изъ того же извѣстія, дань крупную: «*серебра, злата бесчисленное множество*». Само собою разумѣется, нельзя предполагать чтобы при такомъ богатствѣ Чудь не знала металлическихъ денегъ, а давняя связь этого народа съ Новгородцами, связь, засвидѣтельствованная на первыхъ же страницахъ нашей Начальной Лѣтописи, въ извѣстіи объ основаніи Русскаго государства, представляетъ довольно сильное ручательство въ томъ, что Чудь могла знать и знала не только металлическія деньги, но и наше *кунное, черное серебро*. Если же это такъ, то *серебро* и *куны* этого извѣстія совершенно подобны *бѣли* и *кунамъ* 1068 года ³⁷⁾.

Другое извѣстіе, на которое мы считаемъ полезнымъ указать, есть извѣстіе о второмъ перенесеніи Мощей Св. Князей Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь въ Вышегородѣ. Это событіе произошло въ 1115 году, при Великомъ Князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ:

Лѣтописи повѣствуютъ, что при этомъ торжественномъ перенесеніи Св. Мощей было великое стеченіе народа, и Великій Князь, чтобы расчистить путь шествію, повелѣлъ «метати паволоки, фофудью и орничѣ, *бѣль* людямъ силно налегшимъ, а быша легко дошли церкви» ³⁸). Въ Ипатьевской лѣтописи это извѣстіе читается такъ: «... и повелѣ Володимеръ рѣжючи паволоки, орници, бѣль розметати народу, *ово же сребренники* метати людямъ силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь» ³⁹).

Итакъ, толпа не давала прохода шествію со Св. Мощами. Какъ всегда, къ благочестивому желанію присутствовать при такомъ священномъ торжествѣ и помолиться Св. Угодникамъ Божиимъ здѣсь присоединилось и простое любопытство. Умный Мономахъ и придумалъ разбрасывать цѣнныя вещи, чтобъ такимъ образомъ отвлечь толпу въ сторону. Насколько цѣнны были паволоки, матеріи изъ золотыхъ и шелковыхъ нитей, мы знаемъ по изслѣдованію Круга ⁴⁰); по всей вѣроятности, и *фофудьи, орницы, бѣль* также принадлежали къ числу цѣнныхъ вещей. Щедрая милостыня народу была необходима и по самому значенію и великолѣпному описываемаго торжества: вѣроятно, здѣсь не могло быть мѣста простымъ бѣличьимъ шкуркамъ.

Тотъ же безсмертный знатокъ русскихъ древностей, академикъ Кругъ, полагаетъ, что *бѣли, бѣлки*, какъ *бѣлыя* векши, или веверицы, суть *горностаи* ⁴¹). Нѣтъ сомнѣнія, что горностаевые мѣха здѣсь болѣе у мѣста, разбрасываніе этихъ мѣховъ народу вполне соответствуетъ щедрости князя, который, по свидѣтельству лѣтописей, не пожалѣлъ даже драгоценныхъ и трудно добываемыхъ паволокъ. Но одно странно: неужто Мономахъ, бросая народу дорогія матеріи, мѣха, не велѣлъ бросать и денегъ, серебра? Неужто у него было больше паволокъ, чѣмъ серебра? Разсмотримъ поподробнѣе обѣ редакціи приведеннаго извѣстія, *лаверентьевскую* и *ипатьевскую*.

Въ чтеніи *лаверентьевской* редакціи слово «*бѣль*» можно принять за приложеніе къ слову *орничѣ*: «... паволоки, фофудью и *орничѣ, бѣль*»; другими словами, по этому чтенію можно понять это мѣсто такъ: «паволоки, фофудью и *орницы, то-есть бѣль*».

Паволоки суть матеріи въ кускахъ, не сшитыя въ одежды, отъ нихъ отличаются *фофудьи*, которыя объясняютъ какъ одежды изъ

золотой восточной, именно *вавилонской*, ткани ⁴²⁾, а такъ какъ *паволока* есть искаженное *babylonica*, т.-е. *вавилонская ткань* ⁴³⁾, то *фюфуды* могутъ и должны быть объяснены, какъ *паволоки сшитыя, паволочныя одежды*, въ отличіе отъ паволокъ кусками, несшитыхъ. Что касается до *орницъ*, то ихъ объясняютъ, какъ *мѣховыя украшенія на одежду* ⁴⁴⁾. Теперь понятны всѣ слова этого извѣстія: Мономахъ повелѣлъ разбрасывать драгоценныя златотканныя матеріи, называвшіяся паволоками, или вавилонскими тканями, въ кускахъ и въ видѣ сшитыхъ одеждъ; для опушки этихъ паволочныхъ одѣяній разбрасывались полосы изъ мѣха, *орницы*, и, быть можетъ, именно изъ мѣха горностаеваго, болѣе другихъ приличнаго паволочнымъ одеждамъ, которыя издавна носили названіе *vestes imperiales, царственныхъ облачений*.

Ипатъевская редакція, описывающая это событіе съ большими подробностями, говоритъ о *серебреникахъ*: «... ово же серебреники метати (повелѣ)». Легко можетъ быть, что это «*ово же серебреники*» есть не болѣе какъ дополнительная вставка позднѣйшаго писца, въ другомъ мѣстѣ прибавившаго къ краткому извѣстію подлинника слово «*рѣжюще*» и опутившаго непонятную ему *фюфудю*. Нѣкоторые писатели ⁴⁵⁾ видятъ въ этомъ «*ово же...*» объясненіе *бѣли*. Но съ этимъ врядъ ли можно согласиться, такъ какъ *ово* нельзя передавать реченіемъ *то есть*, а также объяснительнымъ *или*; *овъ*-иной, нѣкоторый; напр.: «... и видѣвше Его, поклонившася Ему, *ови же* усумнѣшася...», откуда *ово*—*ино*, *то*, а также *и*. Слѣдственно, «*ово же серебреники метати (повелѣ)*» можно перевести такъ: «а также и серебреники повелѣлъ бросать (въ толпу)»; но здѣсь *серебреники*, очевидно, никакъ не могутъ считаться объясненіемъ *бѣли*. Скорѣе можно признать *бѣль* и *серебреники* этой редакціи также за *бѣлое* и *черное* серебро. Но, повторяемъ, можетъ быть, эта приписка принадлежитъ писцу XIV—XV вѣка и, притомъ, весьма можетъ быть, что словомъ *серебреники* этотъ писецъ означилъ именно недостающее въ древнемъ текстѣ слово *куны* и сопоставилъ его съ указаніемъ на драгоценныя ткани и мѣха, которые Мономахъ разбрасывалъ народу щедрою рукой.

Такимъ образомъ, слѣдуя чтенію лучшей редакціи, мы должны признать *бѣль* въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи за мѣхъ ⁴⁶⁾, и именно за мѣхъ горностаея, какъ о томъ было сказано выше ⁴⁷⁾.

Объясненіе извѣстія о *бѣли* въ лѣтописномъ разсказѣ о второмъ перенесеніи Мощей Св. Бориса и Глѣба подвинуло насъ, между прочимъ, къ разсмотрѣнію показаній памятниковъ о мѣхахъ.

Объясняя *бѣль* горностаемъ, въ *черной кунѣ* Кругъ видитъ *соболя*. Такимъ образомъ, дань, которую брали Хозары съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей въ 859 году и Олегъ съ Древлянъ въ 883 году, получаетъ въ нашихъ глазахъ полную опредѣленность: эта дань состояла изъ весьма цѣнныхъ мѣховъ, горностаевыхъ и соболей; эти мѣха составляли, по всей вѣроятности, главное, даже единственное богатство названныхъ племенъ въ то отдаленное время, при чемъ весьма возможно, что горностаи наиболѣе водились въ Кіевскихъ *горахъ* и въ земляхъ Сѣверянъ и Вятичей, а соболи, въ Древлянскихъ *мѣсахъ* ⁴⁸⁾.

Мы имѣемъ достаточно извѣстій, доказывающихъ, что въ старину у насъ и мѣха употреблялись, какъ *куны*, несмотря на существованіе металлическихъ цѣнностей. Какъ кажется, въ этомъ смыслѣ употреблялись преимущественно мѣха *бѣличьи*: можетъ быть, первоначально горностаевые, а въ послѣдствіи, когда горностаи повывелись ⁴⁹⁾, и простые бѣличьи. Иногда же обращались мѣха куньи, лисьи, а также овчинныя шкуры.

Впрочемъ, лисьи мѣха и овчины, употребляясь въ дань, кажется, не были собственно ходячею монетою. Такъ, лисьи мѣха упоминаются въ числѣ иныхъ даней Смоленской епископіи въ Ростиславовомъ Уставѣ 1150 года. Изъ этого устава можно заключить, что лисьи мѣха не вездѣ было легко доставать въ требуемомъ количествѣ, почему уставъ иногда и переводитъ эту дань натурою на деньги, вѣроятно, по мѣстнымъ цѣнамъ ⁵⁰⁾. Въ одной уставной грамотѣ конца XVI вѣка встрѣчается подать овчинами: власти Кириллова Бѣлозерскаго монастыря опредѣляютъ со всѣхъ сель монастырской отчины, гдѣ бы таковыя ни находились, взимать «съ выти *по овчинѣ* да *по яратинѣ*» ⁵¹⁾. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣха были, очевидно, просто поборами натурой, похожими на поборы къ извѣстнымъ праздникамъ, Пасхѣ, Рождеству Христову, Петрову дню, какъ эти поборы опредѣляются вообще въ уставныхъ грамотахъ ⁵²⁾.

Что касается до *куньихъ мѣховъ*, то упоминаніе о нихъ находимъ въ Двинской Уставной грамотѣ 1398 года, гдѣ въ извѣ-

стномъ случаѣ пеня намѣстнику опредѣляется *куницею шерстью* ⁵³⁾, и въ другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, въ которыхъ куньи мѣха являются, какъ *подать* ⁵⁴⁾, или какъ *расходныя деньги* ⁵⁵⁾. *Бѣлки, бѣличьи мѣха (бѣлы)* въ огромномъ большинствѣ случаевъ встрѣчаются именно, какъ ходячая монета, употреблявшаяся какъ въ смыслѣ дани, такъ и въ разнообразныхъ гражданскихъ сдѣлкахъ; какъ таковыя, бѣличьи мѣха, наравнѣ съ металлическими деньгами, носятъ общее названіе *кунъ*.

Употребляемые въ смыслѣ *кунъ*, мѣха считались преимущественно *четыредесатками*, или *сороками* ⁵⁶⁾, и хотя нѣкоторые полагаютъ, что такой счетъ не могъ быть у насъ извѣстенъ до тѣхъ поръ, пока не начались торговыя сношенія съ Нѣмцами, а *сороки* будто подобны нѣмецкимъ *циммерамъ* ⁵⁷⁾, но мы, не имѣя никакихъ основаній сомнѣваться въ подлинности уже упомянутаго выше Святославова Устава 1137 года ⁵⁸⁾, полагаемъ, что счетъ на *сороки* былъ въ употребленіи уже въ первой половинѣ XII вѣка: въ этомъ уставѣ церковная дань съ разныхъ погостовъ высчитывается *сорочками*, хотя безъ опредѣленія рода рухляди.

Счетъ сороками общепринятый и встрѣчается въ большинствѣ тѣхъ грамотъ, въ которыхъ находятся свидѣтельства о *кунахъ-мѣхахъ*, хотя иногда встрѣчается при этомъ и счетъ не на *сороки*, а просто, по количеству: столько то кунецъ или бѣлъ; само собою разумѣется что послѣдній счетъ употреблялся для количествъ меньшихъ сорока ⁵⁹⁾.

Правда Русская не представляетъ ни одного примѣра того счета, который употреблялся для мѣховъ ⁶⁰⁾, и вообще надобно замѣтить, что этотъ счетъ, по памятникамъ, развивается главнымъ образомъ съ XIV вѣка. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что мѣха, какъ деньги, употреблялись преимущественно въ частныхъ сдѣлкахъ, которыхъ отъ болѣе древняго времени до насъ почти не дошло и которыхъ, напротивъ, много осталось отъ XIV и послѣдующихъ столѣтій. Что касается до употребленія счета мѣхами преимущественно въ частныхъ сдѣлкахъ, то это, по всей вѣроятности, можетъ быть объяснено тѣмъ, что официальными кунами изстари были куны металлическія: ими обыкновенно и опредѣляется стоимость того или другаго на судѣ и въ законѣ, но въ народѣ наряду съ этими официальными кунами обращались

въ значеніи денегъ и инныя цѣнности: такъ, въ болѣе крупныхъ сдѣлкахъ вмѣсто денегъ употреблялись иные сами по себѣ цѣнные предметы, каковы мѣха; въ мелочномъ же торгу и при болѣшемъ развитіи кредита употреблялись даже извѣстные денежные знаки, предметы, имѣвшіе одну номинальную цѣну, каковы, напр. пресловутые *калужскіе жеребьи* начала XVIII столѣтія ⁶¹⁾.

Мѣха въ смыслѣ денегъ признаются и государствомъ, какъ это показываютъ приведенные выше примѣры, хотя официальное употребленіе мѣховъ въ этомъ смыслѣ далеко не такъ распространено, какъ употребленіе денегъ металлическихъ: мѣха встрѣчаются главнымъ образомъ въ сборахъ податей, въ кормахъ правителямъ, но здѣсь они являются скорѣе какъ *сборы натурой*, чѣмъ какъ деньги въ собственномъ смыслѣ; даже бѣличьи мѣха, которые главнымъ образомъ имѣли обратное значеніе, иногда бывали *сборами натурой* и, какъ таковыя, замѣнялись деньгами ⁶²⁾. Что же касается тѣхъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что мѣха предназначались иногда для расходовъ за границу и давались съ этою цѣлью посламъ, то очень можетъ быть, что правительство имѣло при этомъ заднюю мысль: кстати поторговать въ чужихъ краяхъ, продавъ остатки,—на это указываетъ, напр., наказъ послу Юрію Траханиоту, 1489 г. ⁶³⁾.

Какъ-бы то ни было, мѣха употреблялись въ древней Руси въ качествѣ денегъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ странѣ, настолько богатой пушнымъ товаромъ, какъ Россія, мѣха имѣли такое значеніе, хотя и при несомнѣнномъ преобладаніи денегъ металлическихъ. Послѣднія, такимъ образомъ, были у насъ кунами официальными и, притомъ, съ давнихъ поръ: было время, когда эту роль играли мѣха, но относительно этого отдаленнаго времени мы имѣемъ весьма скудныя извѣстія; равномѣрно, не можемъ указать того момента, съ котораго мѣха уступаютъ въ этомъ смыслѣ мѣсто металлическимъ кунамъ ⁶⁴⁾. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что древнѣйшими русскими деньгами были мѣха; въ послѣдствіи, когда именно—неизвѣстно, мѣха уступаютъ преобладаніе и, съ тѣмъ вмѣстѣ, роль официальныхъ кунъ металлическимъ слиткамъ, и, наконецъ, въ позднѣйшее время слитки замѣняются медальною монетой. Таковъ ходъ исторіи денежныхъ системъ на Руси, которая въ этомъ отношеніи представляетъ существенное сходство съ

своею соплеменной сосѣдкою Польшею: по свидѣтельству польскихъ историковъ, до начала XIV вѣка, когда были введены въ Польшѣ чешскіе гроши, въ качествѣ денегъ употреблялись тамъ куски золота и серебра, а также и мѣха ⁶⁵⁾.

Что касается упомянутыхъ выше жеребьевъ употреблявшихся въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка, то они имѣли значеніе мелкой размѣнной монеты, ходившей въ мелочномъ торгѣ и введенной мѣстными населеніями вслѣдствіе недостатка въ государственной размѣнной монетѣ, въ денежкахъ. Такой порядокъ вещей и вызвалъ указъ 11 марта 1700 года, которымъ введены мѣдныя деньги: *«чтобы въ пошлинномъ сборѣ за мелкою размѣнною лишняго ничего не переходило»*, т.-е. чтобы въ пошлинный сборъ не попадали такіе мѣстные жеребьи, имѣвшіе только условную цѣну въ нѣкоторыхъ городахъ.

Мѣдная монета была въ употребленіи и до Петра В., чему доказательствомъ служатъ *пулы* нашихъ минцкабинетовъ. Эти деньги появились у насъ весьма поздно, пожалуй, не ранѣе конца XIV вѣка; при этомъ, употребленіе пулъ было весьма ограничено ⁶⁶⁾. По всей вѣроятности, съ теченіемъ времени количество размѣнной монеты все уменьшалось и въ концѣ концовъ дошло до того *minimum'a*, на которомъ застаеть его указъ Петра В.

Скажемъ теперь о *кожаныхъ деньгахъ*. Выше было объяснено, что подъ *кунами* вообще разумѣлись металлическія цѣнности. Какое-же мѣсто должно отвести *кожанымъ деньгамъ* и что о нихъ находится въ источникахъ?

Мы видѣли въ источникахъ указанія на *лобцы* и на *куны мордки*. Что касается *лобцовъ*, то не только сторонники металлическихъ ⁶⁷⁾, но и сторонники кожаныхъ ⁶⁸⁾ денегъ считаютъ ихъ *лобцами* т.-е. *любскими пфеннигами*, что и по самому смыслу того извѣстія, гдѣ находится это слово, врядъ ли можетъ вызвать сомнѣніе. Остаются, такимъ образомъ, однѣ *куны мордки*: ихъ считаютъ несомнѣннымъ указаніемъ на часть куняго мѣха, употреблявшуюся въ значеніи монеты (*Ланге*, 45). О *ногатахъ* и въ *рязаняхъ* мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ о нихъ будетъ сказано ниже.

Приступая къ вопросу о кожаныхъ деньгахъ, прежде всего надобно замѣтить, что изслѣдователь не имѣетъ никакого права пользоваться ради своихъ цѣлей тѣми объясненіями, которыя поднѣйшіе писцы и составители сборниковъ присоединяли отъ себя къ извѣстіямъ о древностяхъ. Къ такимъ объясненіямъ несомнѣнно относится уже знакомая намъ прибавка, сдѣланная составителями Никоновской Лѣтописи и Русскаго Временника къ извѣстію подъ 1411 годомъ: *«еже есть мордки куньи (морть куней)»*. Писецъ позднѣйшаго лѣтописнаго свода, не понимая древнихъ кунъ, постарался объяснить ихъ денежными знаками своего времени, по названію подобными.

Но *мордки* не могутъ быть отвергнуты, какъ умствование позднѣйшаго *сочинителя* или писца: о нихъ упоминаетъ одинъ древній памятникъ Русскаго Права. Мы говоримъ о Всеволодовомъ Уставѣ 1134—1135 года. Въ этомъ уставѣ, въ перечнѣ вѣсовыхъ пошлинъ, какъ извѣстно, находятся слѣдующія слова: *«... у Новгородца 6 мордокъ отъ берковца воцанаго»* ⁶⁹). Значить, *мордки* употреблялись еще въ XII столѣтіи на ряду съ гривнами серебра, кунъ. Противъ этого мы не возражаемъ, но тѣмъ не менѣе, нельзя не остановиться на этомъ свидѣтельствѣ и не разсмотрѣть по поводу его теорію кожаныхъ денегъ, какъ она сложилась въ нашей исторической литературѣ.

Карамзинъ (I, 247) допускаетъ *мордки* и другіе лоскутки шутокъ, по которымъ имѣющій такой лоскутъ можетъ получить изъ казны цѣлый мѣхъ. Эти значки, по мнѣнію безсмертнаго исторіографа, употреблялись въ древней Руси, какъ *ассигнаціи, вслѣдствіе недостатка въ металлахъ* (V, 398). Этимъ недостаткомъ въ металлахъ *Карамзинъ* объясняетъ долгое, въ теченіе пяти столѣтій, обращеніе у насъ мѣховъ, которые для удобства замѣнялись частями, лоскутками. Извѣстно, что пока употребленіе металловъ не распространится среди извѣстнаго народа, этотъ народъ вмѣсто денегъ употребляетъ какой либо продуктъ своей страны, но врядъ ли при такомъ состояніи торговли можно предположить существованіе такой ходячей монеты, которая имѣла-бы одну номинальную цѣну. Впрочемъ, мы не станемъ вдаваться по этому поводу въ общія разсужденія, укажемъ лишь на то, что новѣйшіе приверженцы кожаныхъ денегъ сами отступаются отъ признанія ихъ

кредитнаго значенія и вынуждены признать за ними даже внутреннюю цѣнность, лишь-бы избѣжать необходимости признанія *государственнаго кредита* для того отдаленнаго времени ⁷⁰⁾. При этомъ однако, съ *кожаными деньгами*, конечно, нельзя смѣшивать тѣхъ частей рухляди, которыя идутъ на одежду, какъ напр., песцовыя лапки, обращающіяся у Самоѣдовъ: эти вещи сами по себѣ имѣютъ цѣнность, почему и обращаются, какъ орудія обмѣна, и даже при извѣстномъ состояніи торговли исключительно имѣютъ такое значеніе ⁷¹⁾.

Но оставимъ все это въ сторонѣ.. Допустивъ для древнѣшаго времени нашей Исторіи существованіе *кожанныхъ ассигнацій*, все таки нельзя согласиться съ Карамзинымъ относительно причины этого явленія: признаніе недостатка металловъ въ древней Руси не можетъ имѣть мѣста, пока не опровергнуты доводы Круга, на основаніи которыхъ этотъ знатокъ русскихъ древностей сказалъ: «... Руссы въ IX и X столѣтіяхъ обладали золотомъ и серебромъ въ изрядномъ количествѣ (in ziemlicher Menge). Однако, они, вѣроятно, употребляли эти металлы, *хотя бы и презращенные въ монету*, болѣею частью, какъ товаръ, по вѣсу» ⁷²⁾. Въ этихъ словахъ для насъ, между прочимъ, важно то, что Кругъ предполагаетъ даже монеты золотыя и серебряныя въ то отдаленное время: мысль, на которую мы еще укажемъ, когда будемъ говорить о частяхъ гривны.

Само собою разумѣется, мѣха были въ обращеніи при металлическихъ цѣностяхъ, но тамъ, гдѣ есть эти послѣднія да еще и въ достаточномъ количествѣ, необходимость вести торгъ *исключительно* на мѣха и вытекающее отсюда неудобство вмѣстѣ съ *кожаными ассигнаціями* упраздняются сами собою. Слова Страбона о жителяхъ древней Испаніи совершенно удовлетворительно объясняютъ, что главнымъ образомъ служить орудіемъ торговаго оборота у народовъ, ведущихъ еще мѣновой торгъ, но уже знакомыхъ съ драгоценными металлами ⁷³⁾.

Баронъ Шодуаръ такъ же, какъ и Карамзинъ, полагаетъ, что обращеніе въ древней Руси мѣховъ въ качествѣ монеты для удобства замѣняется обращеніемъ вмѣсто цѣлыхъ мѣховъ небольшихъ частей или кусочковъ кожи, на которые кладутся значки, но, при этомъ относитъ употребленіе такихъ кусочковъ кожи только къ

мелочному торгу (*pour le commerce de détail*); въ крупныхъ торговыхъ оборотахъ, по его мнѣнію, обращались или цѣлыя мѣха, или серебро на вѣсъ, т.-е. предметы цѣнные сами по себѣ и не имѣющіе ничего общаго съ *кожаными деньгами* ⁷⁴). Очевидно, это уже не карамзинскія *кожаныя ассигнаціи*, а скорѣе тѣ *жеребьи*, о которыхъ упоминаетъ указъ 1700 года; они, быть можетъ, признавались и правительствомъ, какъ размѣнная монета, на что, впрочемъ, находимъ лишь позднѣйшія указанія ⁷⁵).

Такимъ образомъ, лоскутки кожи, признаваемые Шодуаромъ, суть не болѣе какъ монета, употреблявшаяся въ мелочномъ торгу, онѣ не имѣютъ того всеобщаго приложенія, какъ кожаныя деньги Карамзина, а по времени своего существованія не могутъ быть отнесены къ древнѣйшему періоду Русской исторіи, ко времени Правды Русской; да и вообще Шодуаръ не настаиваетъ на своихъ лоскуткахъ: всѣ его доводы главнымъ образомъ имѣютъ своею цѣлю доказать, что въ древней Руси, несмотря на достаточное количество драгоцѣнныхъ металловъ, и другіе предметы употреблялись вмѣсто денегъ (*servaient de numéraire*), положеніе противъ котораго врядъ-ли можно возражать. Впрочемъ, куны, рѣзани, ногаты и иныя названія, подъ которыми извѣстны наши древнія денежныя единицы, Шодуаръ переводитъ на мѣха, но какъ увидимъ далѣе, безъ достаточныхъ основаній, т.-е. вовсе не прибѣгая къ толкованію тѣхъ мѣстъ источниковъ, гдѣ такія имена встрѣчаются. Этого мало, недостатокъ критическаго отношенія къ свидѣтельствамъ источниковъ въ изслѣдованіи Шодуара проявляется и въ томъ, что говоря о *мѣхахъ*, онъ иногда приводитъ такія свидѣтельства, изъ которыхъ менѣе всего можно вывести заключенія объ этомъ предметѣ ⁷⁶).

Названія сами по себѣ, очевидно, не уполномочиваютъ изслѣдователя дѣлать выводы въ пользу мѣховъ и тѣмъ болѣе кожаной монеты, и правило, принятое Шодуаромъ и положенное въ основаніе его книги: *понимать все по буквальному смыслу*, въ данномъ случаѣ врядъ ли можетъ имѣть то широкое приложеніе, какое ему дается почтеннымъ авторомъ ⁷⁷). Имена мѣховъ, какъ названія металлическихъ монетъ, слитковъ, безъ сомнѣнія, суть явленія послѣдующія, производныя, подобныя латинскому *rescisia*, которое произошло отъ *rescis*, но вопросъ въ томъ, когда произошелъ этотъ

переносъ названій съ мѣховъ на металлъ, и куны, рѣзани и иные денежныя знаки Русской Правды пережили-ли это время или не дожили до него. Принимая въ соображеніе обиліе металловъ на Руси не только въ XI и послѣдующихъ вѣкахъ, но даже въ вѣкѣ Олега и Игоря ⁷⁸⁾, мы должны разрѣшить этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что деньги Правды были металлическія, и имена мѣховъ укрѣпились за ними по преданію, какъ отголосокъ старины. То же обиліе металловъ, повторяемъ, должно было помочь тому неудобству, которое могло возникнуть при исключительномъ или преобладающемъ обращеніи мѣховъ въ качествѣ денегъ, а кредитныя знаки врядъ ли были возможны въ то время, когда при крупныхъ покупкахъ платили цѣлыми мѣхами или драгоцѣнными металлами, серебромъ, на вѣсъ.

Мы видѣли, что *кожаныя ассигнаціи* подвержены сильному сомнѣнію, но еще большее сомнѣніе возбуждаютъ *кожаныя деньги*, какъ *подлинныя, настоящія монеты*. Въ такихъ монетахъ, очевидно, не могло быть никакой надобности; мало этого: въ нихъ совершенно невозможно предположить никакой цѣны, кромѣ номинальной, — *мордки* не могли имѣть никакого инаго значенія: ни откуда не видать, чтобъ онѣ употреблялись на одежду или на какую либо иную потребу.

Откуда могли взятъся такіа *кожаныя деньги*?

Творецъ новой теоріи кожаныхъ денегъ древней Руси, теоріи, обоснованной различными новѣйшими соображеніями и домыслами, вызванными недостаточностью и неудовлетворительностью прежнихъ доказательствъ, *Ланге* начинаетъ свои догадки такимъ положеніемъ: существовали *мордки* двухъ видовъ, *съ ушами* и *безъ ушей*; первыя суть упоминаемыя въ актахъ (прибавимъ, *позднѣйшихъ*) *объушныя мордки*, *долгеи* тожъ ⁷⁹⁾, а вторыя *рѣзаныя* (стр. 47). Появленіе этихъ мордокъ *Ланге* объясняетъ данью: лицу, уплатившему дань, давался клейменный лоскутокъ заплаченного имъ мѣха, а именно — мордка съ ушами или безъ оныхъ, *смотря по количеству взятой дани*. Княжескіе пятенщики клали на такую квитанцію княжеское клеймо, или *пятно* (стр. 48).

Такимъ образомъ, разница во внѣшнемъ видѣ мордокъ зависѣла отъ количества дани, уплаченной известнымъ лицомъ. Но что это значить? Это можетъ значить или то, что *уплатившему дань спол-*

на выдавалась мордка съ ушами, а недоимщику безъ ушей, или же то, что ушастыя мордки выдавались болѣе богатымъ, которые по общественной раскладкѣ платили болѣе другихъ. Инаго значенія этой разницѣ въ *количествѣ дани*, кромѣ двухъ указанныхъ, подобрать нельзя. Но вѣдь какъ богатство, такъ и бѣдность имѣють степени: *чѣмъ же, какъ обозначался взносъ болѣе богатаго, а равномѣрно какъ выражалось количество недоимки?*.... Однако, эти отмѣтки и оттѣнки должны были имѣть существенно важное значеніе: отмѣтка о степени богатства того, кому выдана такая квитанція, т.-е. о количествѣ мѣховой дани, необходима для опредѣленія стоимости этой квитанціи, употребляемой въ качествѣ монеты, а отмѣтка о количествѣ недоимки нужна и для будущаго платежа дани предъавителемъ. Всего этого, разумѣется, невозможно выразить однимъ обрѣзываніемъ ушей мордки; если же это выражалось какими либо иными знаками хоть въ родѣ тѣхъ, которые видѣлъ Карамзинъ на лоскуткахъ выдѣланной кожи ⁸⁰⁾, то уши здѣсь, очевидно, не причесть, а между тѣмъ, уши являются краеугольнымъ камнемъ разсматриваемой теоріи.

Но-далѣе. По мнѣнію Ланге, сходному здѣсь съ предшествующими, эти клейменные лоскутки, или квитанціи, мало-по-малу вошли въ употребленіе, какъ деньги, по удобству обращенія ихъ вмѣсто цѣлыхъ мѣховъ и по необходимости отдавать мѣха въ дань (стр. 48). Смыслъ этихъ словъ очевидно такой: *А* продаетъ *В* какую нибудь вещь; *В* даетъ за вещь нѣсколько кунныхъ мордокъ; получивъ ихъ, *А* освобождается отъ обязанности уплатить въ дань соотвѣтствующее количество цѣлыхъ кунныхъ мѣховъ. Такимъ образомъ, предположимъ, что *А* получилъ отъ *В* за проданную вещь 10 кунныхъ мордокъ; окладное количество дани и продавца, и покупателя по 10 кунныхъ мѣховъ: слѣдственно, при платежѣ дани, первомъ по совершеніи сдѣлки, *А* предъавляетъ свои 10 мордокъ и освобождается отъ слѣдующей съ него дани; *В* долженъ платить и за него, т.-е. вмѣсто своихъ окладныхъ 10 мѣховъ отдать 20. Но такъ ли это? Можно ли сдѣлать такое предположеніе?... Весьма сомнительно: *В* потому уплачиваетъ лишніе 10 мѣховъ, что не можетъ предъавить квитанцій въ ихъ уплатѣ. Но коль скоро мордки ходятъ за монету, то у *В* могло быть и, по всей вѣроятности, бывало ихъ болѣе, чѣмъ на его окладную сумму, **почему**

сборщику дани было не только трудно, но и прямо невозможно произвести предполагаемую повѣрку; слѣдственно, въ убыткѣ оставалась казна или, говоря точнѣе, казна общинная, на которую исчезнувшіе такимъ образомъ 10 окладныхъ мѣховъ ложились тяжкимъ бременемъ. Другое предположеніе: князь бралъ мордки вмѣсто мѣховъ, ибо мордка номинально стоила то же что и цѣлый мѣхъ. Но это уже кредитъ, ассигнаціи, да кромѣ того: дѣйствуя такимъ образомъ, князь рисковалъ бы всю дань обратить въ такія мордки, которыя, имѣя его клеймо, имѣли значеніе только въ его княжествѣ. Неужто можно предположить такой порядокъ вещей? Наконецъ, предположимъ, что мордки имѣли значеніе только отъ дани до дани и при новомъ поборѣ силы уже не имѣли, тогда ихъ курсъ обусловливался бы тѣмъ, что имѣющій ихъ могъ избавиться отъ двойнаго платежа дани, но двойной поборъ есть во всякомъ случаѣ явленіе ненормальное, злоупотребленіе власти или пеня, возложенная на цѣлую общину; слѣдственно, такой двойной поборъ могъ быть, могъ и не быть: неужто кто либо при продажѣ своей вещи другому разсчитывалъ именно на такую случайность, которая, собственно говоря, могла принести ущербъ покупателю, не принося никакой пользы продавцу?

Словомъ, какія бы предположенія ни дѣлать, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобъ мордки, какъ квитанціи въ уплатѣ дани, могли замѣнить собою ходячую монету.

Подтвержденіе своей мысли о выдачѣ клейменныхъ мордокъ, какъ квитанцій въ уплатѣ дани мѣхами, Ланге находитъ въ упомянутомъ выше Святославовомъ Уставѣ 1137 года: «въ уставѣ», говоритъ онъ, «сказано: «емлетъ епископъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривень *новыхъ* кунъ, иже выдаетъ Домажиричь изъ Онега», то есть, что *новыя куны* выдавалъ какой-то Домажиричь на Онегѣ. Это наводитъ на мысль, что Домажиричь былъ посланъ за сборомъ дани на Онегу, гдѣ и выдавалъ куны по способу, выше нами объясненному» (48). Такъ разсуждаетъ Ланге. Но то ли говоритъ самъ Уставъ? Споря съ Каченовскимъ (на стр. 49) о *государственномъ кредитѣ*, Ланге съ ироніей, достойной лучшей участи, замѣчаетъ: «Каченовскій, безъ сомнѣнія, много разсчитывалъ на силу подобнаго возраженія, но и т. д.» ... Эту иронію можно съ большимъ правомъ примѣнить къ домыслу самаго Ланге.

о Домажиричѣ и о соблазнительныхъ *новыхъ кунѣхъ*, которыя тотъ выдавалъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ то, чего Ланге не сдѣлалъ: доведемъ текстъ, на которомъ онъ основывается, до конца. Въ Уставѣ Святославовомъ сказано: «... ать ѣмлетъ пискоупъ за десятиною ѿ виръ и продажъ **ѣ**. гивен новыхъ коунъ, иже выдаетъ домажиричъ изъ онѣга *ѿ не добудеть полна ста оу домажирича, а осмьдесятъ выдать а дополнокъ взметъ* **ѣ**. гивен. оу княза и съ клѣти» ⁸¹⁾. Ясно, что *новыя куны*, о которыхъ здѣсь рѣчь, не выдавались Домажиричемъ, какъ квитанціи въ уплатѣ онежской дани, а хранились у него—ну, хоть какъ у ключника княжескаго: квитанціи, которыя, по ученію Ланге, выдавались данскимъ людямъ въ уплатѣ ими дани мѣхами, отрѣзывались отъ мѣховъ и тутъ же, при самой уплатѣ вручались плательщикамъ: зачѣмъ бы онѣ хранились у данщика?

Выше мы старались уяснить значеніе *новыхъ кунъ* Святославова Устава: *новыя куны*, какъ сказано, суть ни что иное, какъ новые слитки, которые въ данномъ случаѣ были лучше прежнихъ, старыхъ. Иного объясненія этимъ словамъ дать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ: если не видѣть въ *новыхъ кунѣхъ* Устава новыхъ куцныхъ слитковъ, то придется считать ихъ *кунами новаго (последняго) сбора*. Но для чего могло-бы служить такое опредѣленіе *кунъ* въ данномъ случаѣ? Если предположить, что словами: *новыя куны* князь Святославъ Ольговичъ хотѣлъ выразить ту мысль, что впредь и навсегда десятина будетъ выдаваться только съ новаго, послѣдняго сбора виръ и продажъ, а не за прошлое время, то такая оговорка была бы совершенно излишняя, такъ какъ предпослѣдній и всѣ прежде бывшіе сборы, предполагается, были уже оплачены десятиной; если же, далѣе, признать, что этими словами князь выговариваетъ себѣ право платить десятину Церкви, начиная только со втораго года своего княженія въ Новгородѣ, съ того именно года, къ которому относится и самое изданіе Устава ⁸²⁾, то такое предположеніе будетъ противорѣчить тѣмъ словамъ этого Устава, въ которыхъ князь выражаетъ намѣреніе слѣдовать въ отношеніяхъ къ Церкви примѣрамъ своихъ предшественниковъ, а при прежнихъ князьяхъ, какъ сказано въ томъ же мѣстѣ акта, десятина съ виръ и продажъ, какъ и съ дани, шла за все то время, пока онѣ собирались въ казну того или другаго князя ⁸³⁾. Слѣд-

ственно, подражая этимъ примѣрамъ, Святославъ не могъ отказаться въ десятины со сбора вирь и продажъ 1136 года.

Епископу Новгородскому предоставляется брать десятину со всѣхъ вирь и продажъ, поступающихъ въ казну княжескую (*въ кнѣзь*); эта десятина опредѣлена въ 100 гривенъ *новыхъ кунъ*. Опредѣливъ количество этой десятины, Уставъ далѣе указываетъ, кто долженъ производить уплату: «..... *иже (яже, т.-е. 100 гривенъ новыхъ кунъ) выдаетъ Домажиричъ изъ Оныи*». Что въ этихъ словахъ говорится не объ *онежскихъ* вирахъ и продажахъ, видно изъ сказаннаго выше объ обложеніи десятиной *всѣхъ* вирь и продажъ, собираемыхъ въ казну новгородскаго князя, а не только пеней одной какой либо волости: «... *имати... десятиноу.. отъ вирь и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего*». Слѣдственно, выраженіе «*изъ Оныи*» относится къ имени Домажирича, а не къ *кунамъ*, которыя онъ долженъ былъ выдавать епископу: *Домажиричъ изъ Онеи*, или *Домажиричъ Онежанинъ*; присоединеніе къ собственному имени названія *мѣстности, откуда данное лицо родомъ, или опредѣленія*, производнаго отъ этого названія мѣстности, часто встрѣчается въ памятникахъ нашей древней письменности: *Никифоръ Кіянинъ, Кузмище Кіянинъ, Анбалъ Ясинъ* и т. под. Домажиричъ былъ, по всей вѣроятности, княжескимъ ключникомъ, который завѣдывалъ сборомъ вирь и продажъ; указавъ на него, князь опредѣляетъ, откуда должна была производиться уплата десятины съ этихъ сборовъ. Что же касается до имени Домажирича, то закономъ древности вообще нечужды указанія на лица: въ 1137 году сборами вирь и продажъ завѣдывалъ Домажиричъ, на него и дѣлается указаніе, какъ на лицо, отъ котораго владыка могъ требовать десятины: общая мысль, постоянное установленіе выражены въ видѣ указанія на извѣстное лицо или на извѣстный случай, какъ законъ Правды о *конюшемъ* (Акад. 21) и другіе законы того же памятника древности.

Изъ сказаннаго ясно, что знаменитое мѣсто Святославова Устава никоемъ образомъ не можетъ служить подкрѣпленіемъ теоріи Ланге.

Сторонники кожанныхъ денегъ обыкновенно приводятъ въ подтвержденіе своихъ словъ свидѣтельства иностранцевъ о Россіи; преимущественно же ссылаются на слова *Рубруквиса* (1253—1254),

который будто бы говорить, что русская монета состоит изъ маленькихъ кусочковъ раскрашенной кожи (*petites pièces de cuir marquetées de couleurs*). Но если читать это свидѣтельство въ связи съ предшествующими словами, то окажется, что Рубруквисъ все не говорить о *русской монетѣ*: онъ говорить о *монетѣ татарской, которая, по повелѣнiю хана, должна была имѣть курсъ въ Россiи*, и описываетъ внѣшнiй видъ ханскихъ монетъ, обязательныхъ для различныхъ странъ, находившихся подъ татарскимъ игомъ. Эти монеты были снабжены надписями, дѣлавшимися для каждаго изъ подвластныхъ народовъ на его языкѣ; для Россiи надпись замѣнялась разноцвѣтной окраской кусочковъ, которые и по величинѣ отличались отъ всякой другой монеты, ходившей въ татарскихъ владѣнiяхъ ⁸⁴). Таковъ смыслъ свидѣтельства Рубруквиса. Здѣсь дѣло въ томъ, что подданные хана, находясь въ Россiи, также хану подвластной, за все платили такими пестрыми кожаными монетами, и Русскiе были обязаны ихъ принимать вмѣсто серебра и золота.

Современникъ Рубруквиса, *Марко-Поло*, касаясь вопроса о ханской монетѣ болѣе подробно и описывая эту монету сходно съ Рубруквисомъ, увѣряетъ что выпускъ обязательной неметаллической монеты ханомъ дѣлается съ цѣлью накопленiя благородныхъ металловъ въ ханской казнѣ; онъ прибавляетъ къ этому, что ни въ одной странѣ, подвластной хану, никто подъ страхомъ смерти, не можетъ ни поддѣлывать этой монеты, ни отказываться принимать ее за деньги, ни замѣнять ее другою въ торговлѣ ⁸⁵). Это послѣднее запрещенiе, если такое и существовало, не распространялось на Россiю: мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства памятниковъ, письменныхъ и вещественныхъ, объ употребленiи металлическихъ денегъ на Руси во время татарскаго владычества; кромѣ того, врядъ ли и было въ дѣйствительности такое запрещенiе, по крайней мѣрѣ, у самаго Марко-Поло есть извѣстiя о мѣстныхъ деньгахъ, существовавшихъ наряду съ общеою ханскою монетою: такъ, въ Тибетѣ вмѣсто денегъ ходили мѣха (у *Берджерона*, 92), въ странѣ, лежащей на Югъ отъ Тибета и названной у Марко-Поло *Аркладамомъ* или *Аркандамомъ*, то же значенiе принадлежало золоту (*ibid.* 97).

Такимъ образомъ, извѣстно, что въ Монголіи обращались не металлическія деньги; эти деньги обязательно принимались во всѣхъ странахъ, подвластныхъ хану, но, само собою разумѣется, что это ничуть не мѣшало существованію мѣстныхъ денежныхъ системъ, отличныхъ отъ обще-татарской. Слѣдственно, если разноцвѣтные кожаные лоскутки были обязательно принимаемы на русскомъ рынкѣ, то изъ этого ни какъ не слѣдуетъ, чтобы они уничтожили старинныя русскія металлическія *куны*; тѣмъ менѣе можно, на основаніи свидѣтельства Рубруквиса, утверждать, что эти кожаныя монеты были *русскія*: онѣ были выдѣлываемы по повелѣнію хана для торговли на русскихъ рынкахъ съ тою цѣлью, чтобы благородные металлы не вывозились за предѣлы собственно Монголіи и Золотой Орды и не переходили-бы въ руки русскихъ купцовъ. Это изобрѣтеніе татарское, а не русское.

Но обратимся къ *мордкамъ*. Мы видѣли, что *мордки* какъ въ смыслѣ кожаныхъ ассигнацій, такъ, и даже еще болѣе, въ смыслѣ квитанцій въ уплатѣ мѣховой дани, болѣе чѣмъ сомнительны, но тѣмъ не менѣе въ XII столѣтіи *мордки*, какъ видно было выше, употреблялись, какъ деньги. Что это за мордки?

Въ проэктѣ договора Ганзы съ Новгородцами, относящемся къ XIII вѣку, слова *«caput»*, *«capita martatorum»* обозначаютъ, какъ это доказано Каченовскимъ ⁸⁶⁾, ничто иное, какъ шкурки *цѣмхъ* звѣрьковъ, т.-е. мѣха въ собственномъ смыслѣ. Въ средневѣковой латыни слово *«caput»* вообще обозначало иногда самое животное, иногда его шкуру ⁸⁷⁾, а *«идъ голова (caput, Kopf), тамъ и морда»* (Каченовскій, 75). Быть можетъ, на основаніи этихъ доводовъ и соображеній слѣдуетъ и въ *мордки* XII столѣтія видѣть шкурку, мѣхъ; можетъ быть, составители ганзейско-новгородскаго договора словомъ *«caput»* перевели нашу *мордку*.

Но слово *«мордка»* въ древности могло имѣть и иное значеніе. Встарь названія мѣховъ давалось иногда *вещамъ металлическимъ*; такъ въ этомъ смыслѣ употреблялись слова *«куна»* (польск. *kuna*) и *куница*: эти слова означали *железную цѣпь*, какъ *кривна* золотую. Такая желѣзная цѣпь, или ошейникъ, надѣвалась на шею преступника. На Украинѣ и въ Литвѣ *куницею* назывался желѣзный ошейникъ, прикрѣплявшійся къ стѣнѣ церковнаго притвора и надѣвавшійся на нѣкоторыхъ преступниковъ, подсудныхъ, по всей

вѣроятности, суду Церкви. ⁸⁸⁾). Какъ объяснить такой переносъ значеній въ словахъ, повидимому, разнородныхъ, не знаемъ, но не подлежитъ, однако, сомнѣнью, что переносы этого рода бывали: на это, между прочимъ, указываетъ и употребленіе словъ «*кунолюбіе*» и «*скотолюбіе*» въ смыслѣ *сребролюбія*.

Итакъ, именами мѣховъ иногда назывались металлическія вещи. Съ другой стороны: древность завѣщала намъ нѣсколько монетъ съ изображеніями *звѣрей*, причемъ, однако, слѣдуетъ различать изображенія обыкновенныхъ животныхъ отъ изображенія животныхъ баснословныхъ: крылатыхъ четвероногихъ, грифоновъ и под. Послѣднія появляются у насъ, какъ кажется, не ранѣе владычества Татаръ, которые принесли ихъ съ собою изъ Азіи ⁸⁹⁾, и русскіе князья стали выбивать эти изображенія на своихъ монетахъ вмѣстѣ съ арабскими надписями и татарскими тамгами, быть можетъ, тоже въ знакъ своей покорности завоевателямъ.

Изображенія пушных звѣрей встрѣчаются и на монетахъ западной Европы въ средніе вѣка; такъ, на армориканской альбѣ (бѣлѣ?) XI столѣтія изображены были *горностаи* ⁹⁰⁾. Но подобныя изображенія въ западноевропейской нумизматикѣ весьма рѣдки, ихъ почти нѣтъ, въ чемъ насъ убѣждаютъ описанія и атласы средневѣковыхъ монетъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эти рѣдкія изображенія пушных звѣрей считаются *славянскими* ⁹¹⁾. Напротивъ, на русскихъ монетахъ такія изображенія весьма нерѣдки ⁹²⁾; въ Москвѣ они продолжаютъ до времени великаго князя Іоанна III (1462—1505), который увеличилъ вѣсъ монеты, уменьшившійся при Василии Темномъ (1425—1462), до его прежней нормы, 12-ти грановъ; съ этихъ поръ на московскихъ монетахъ вмѣстѣ съ изображеніями баснословныхъ чудищ исчезаютъ и изображенія обыкновенныхъ животныхъ: все это окончательно замѣняется *пздецомъ* ⁹³⁾, занявшимъ мѣсто и въ московскомъ гербѣ.

Такъ какъ изображенія звѣрей на древнерусскихъ монетахъ суть явленія весьма обыкновенныя, то весьма возможно, что эти изображенія и послужили ближайшимъ основаніемъ обычаю называть металлическія деньги, именами мѣховъ или ихъ частей, т.-е. деньги назывались по мѣху изображаемаго на нихъ звѣря, обстоятельство, соблазнившее многихъ почтенныхъ изслѣдователей отечественныхъ

древностей ⁹⁴). Наше предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что упомянутыя изображенія въ большинствѣ случаевъ были главными монетными знаками, такъ какъ помѣщались на лицевой сторонѣ монетъ, какъ на монетахъ рязанскихъ и на многихъ другихъ.

Изображенія цѣлыхъ животныхъ могли замѣняться изображеніями ихъ *мордокъ*, *лапокъ*, причемъ монета могла называться именемъ или всего животнаго, или изображенной части мѣха. Такимъ образомъ, словомъ «мордка» могла обозначаться *металлическая монета съ изображеніемъ мордки куницы или инаго пушнаго звѣря* ⁹⁵).

Надобно, однако, замѣтить, что до насъ не дошло ни одной древнерусской монеты съ изображеніемъ головы или морды пушнаго звѣря, но тотъ кто знакомъ съ состояніемъ нумизматическаго матеріала, особенно, у насъ, въ Россіи ⁹⁶), не рѣшится отрицать возможности такихъ изображеній лишь на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ на лицо: можно отрицать только такія предположенія, которыя прямо опровергаются образцами найденными и изслѣдованными. Къ тому же есть основаніе думать, что наши древніе денежники имѣли обычай изображать на монетахъ головы животныхъ: на это, какъ видно было выше, указываютъ Герберштейнъ и Гваньинъ, свидѣтельствуя, что тверскія монеты имѣютъ изображеніе увѣнчанной головы быка (*caput bovis coronatum*); равномерно, на это указываетъ и тверское пуло съ тѣмъ же изображеніемъ ⁹⁷). Повторяемъ, очень можетъ быть, что на монетахъ, изъ которыхъ ни одна пока еще не открыта, не описана, не заняла подобающаго ей мѣста въ собраніяхъ, были и изображенія куньихъ мордокъ, замѣнявшія собою изображенія цѣлыхъ куницъ, подобно тому, какъ слово «*caput*» употреблялось и въ смыслѣ цѣлаго животнаго или его шкуры.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О денежных единицахъ эпохи Русской Правды.

а) О гривнѣ.

Въ смыслѣ отдѣльныхъ денежныхъ единицъ въ Русской Правдѣ и въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ встрѣчаются *гривна*, *ногата*, *куна*, *ръзана* (*ръзань*) и *векша* (*северица*). Въ настоящей главѣ мы рассмотримъ показанія источниковъ о *гривнѣ*, высшей денежной единицѣ изслѣдуемой эпохи.

Начнемъ съ объясненія самаго слова «*гривна*».

Существуетъ мнѣніе о норманскомъ происхожденіи слова «*гривна*», но это мнѣніе, насколько намъ извѣстно, осталось безъ основательныхъ доводовъ и подтвержденій. Академикъ *Кругъ*, извѣстный своими изслѣдованіями и въ области славянорусской филологіи, хотя и считаетъ это слово норманскимъ, освоившимся въ Славянскомъ языкѣ; хотя и причисляетъ его къ разряду такихъ словъ, которыя доказываютъ, что Русская Правда *почерпнута* (изъ) *сѣверныхъ источниковъ* (*aus Nordischen Quellen geschöpft ist*) ¹⁾, но тѣмъ не менѣе вопросъ о гривнѣ такъ и оставилъ безъ изслѣдованія, какому онъ подвергъ нѣкоторые другія славянорусскія слова. *Полодинъ* ограничивается простымъ заявленіемъ: «*мнѣ кажется гривна не славянскимъ словомъ*», а на то, что это слово употребляется неоднократно въ славянскомъ переводѣ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго Заветъ, возражаетъ, что неизвѣстно, есть ли оно въ древнѣйшихъ спискахъ славянской Библии ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, утверждаютъ, что самый старшій изъ дошедшихъ до насъ списковъ славянской Библии принадлежитъ концу XV вѣка ³⁾: древность, безъ сомнѣнiя, не слишкомъ почтенная для того, чтобы при ея руководствѣ можно было рѣшить вопросъ, поставленный Погодинымъ ⁴⁾. Но за всѣмъ тѣмъ существованiе слова *гривна* въ различныхъ славянскихъ языкахъ, самый составъ этого слова, показывающій, что оно представляетъ собою старинную форму славянскаго прилагательнаго:—*грикъна*; наконецъ, то обстоятельство, что въ языкѣ Норманновъ гривна передается такимъ словомъ (*hring*), которое съ нею не имѣетъ никакого сходства въ составѣ ⁵⁾,—все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что гривна есть слово коренное славянское, и причисленiе его къ словамъ норманно-славянскимъ есть одна изъ крайностей норманизма ⁶⁾.

Въ Священномъ Писанiи слово «*гривна*» упоминается въ смыслѣ *украшенiя* или *знака достоинства*. Въ повѣствованiи объ Иудѣ, сынѣ Иакова, и его невѣсткѣ, Тамарѣ, сказано, что Тамаръ потребовала отъ Иуды его *перстень, гривну и жезлъ* въ залогъ того, что онъ долженъ прислать ей *козлице козъ отъ овецъ своихъ* ⁷⁾. Такимъ образомъ гривна, наравнѣ съ перстнемъ и жезломъ, были принадлежностями *наряда*, и если жезлъ, посохъ, былъ въ рукахъ Иуды, какъ путника, то перстень и гривна были какъ бы обыкновенными принадлежностями его одѣянiя, и Иуда, не знавшій кому онъ оставилъ залогъ и далъ обѣщанiе, узнаетъ всѣ эти вещи тотчасъ, какъ только ихъ ему показали.

Гривна *надѣвалась на шею*, какъ украшенiе, какъ знакъ достоинства: Фараонъ, оказывая почести Иосифу, возводя его на второе по себѣ мѣсто, снялъ «перстень съ руки своей, возложи его на руку Иосифову и облече его въ ризу червлену, и *возложи гривну злату на выю его*» ⁸⁾. Изъ этого библейскаго повѣствованiя, между прочимъ, явствуетъ, что *гривна на выи* была именно знакомъ достоинства вельможи; она была внѣшнимъ выраженiемъ того, что Фараонъ «*постави его (Иосифа) надъ всею землею Египетскою*». Подобно тому, какъ толкованiе знаменательныхъ сновъ египетскаго Фараона возвело Иосифа на высочайшую степень среди вельможъ египетскихъ,—пророкъ Данилъ за толкованiе роковыхъ словъ: *Мани, Мекель, Фаресъ* былъ также облеченъ въ багряницу «и *гривну златую возложиша на выю его*, и проповѣда о немъ (царь

Валтассаръ), еже быти ему князю третіему въ царствѣ его» ⁹⁾. Царь Александръ, сынъ Антиоха Епифана, желая почтить вѣрность и подвиги Ионафана, брата и преемника Иуды Маккавея, также «*посла ему гривну златую, якоже обычай есть даяти сродникомъ царевымъ*, и даде ему Аккаронъ и вся предѣлы его во одержаніе» ¹⁰⁾.

Отсюда ясно, какое высокое значеніе имѣло пожалованіе *златой гривны* царемъ или княземъ подданному; это приближало послѣдняго къ царю до близости родства: «*якоже обычай есть даяти сродникомъ царевымъ*». Примѣръ подобнаго пожалованія представляетъ намъ и наша Начальная Лѣтопись: по ея свидѣтельству, св. князь Борисъ, въ знакъ особаго благоволенія къ своему отроку, Георгію Угрину, «*возложилъ на нь гривну злату велику*, въ ней же предѣстояше предъ нимъ» ¹¹⁾.

Въ библейскихъ иносказаніяхъ *гривна о выи*, на выи служить для выраженія какъ матеріальнаго благосостоянія и, такъ сказать, житейской высоты, такъ и высоты нравственной, духовной; напр. Соломонъ Премудрый, наставляя сына своего, говорить: «Слыши, сыне, наказаніе отца твоего и не отрини завѣтовъ матери твоея: вѣнецъ бо благодатей приимеши на твоемъ версѣ и *гривну злату о твоей выи*» ¹²⁾. Въ этихъ словахъ не только слышится предсказаніе житейскихъ благъ сыну послушному, но иносказательно изображается и нравственная высота его: всѣ эти предсказанія и изображенія ставятъ *гривну о выи* наряду съ *венцомъ*, знакомъ высшаго человѣческаго достоинства. То же видимъ и въ слѣдующихъ словахъ Пророка: «.... сія глаголетъ Адонаи Господь дщери Іерусалимстѣй..... омыхъ ты водою и ополоскахъ кровь твою отъ тебе.... и украсихъ ты утварію, и возложихъ запястіе на руцѣ твои и *гривну на выю твою*... И изыде имя твое во языки въ добротѣ твоей, зане совершенно бѣ лѣпотою въ красотѣ, юже учинихъ на тебе, глаголетъ Адонаи Господь» ¹³⁾. Очевидно, здѣсь говорится о благодѣяніяхъ, дарованныхъ Богомъ избранному народу: о прощеніи частыхъ его грѣхонаденій («омыхъ ты водою и ополоскахъ *кровь твою* отъ тебе»), а равно о той славѣ и о томъ могуществѣ, которыя содѣлали Евреевъ извѣстными среди всѣхъ народовъ. Гривна шейная, какъ часть драгоценной утвари, вмѣстѣ съ виссѣномъ, которымъ Адонаи Господь *препоясалъ дщерь Іеру-*

салимскую ¹⁴⁾, означаетъ именно эту славу и могущество, означая вмѣстѣ съ тѣмъ и ту духовную *мѣоту*, до которой возвысилась *дщерь Иерусалимская*, освободясь отъ *крови своей*, омытой Богомъ.

Какъ кажется, высокій санъ Первосвященника Іудейскаго означался также правомъ *имѣти, носити уривну злату*, при чемъ, быть можетъ, это украшеніе было также символомъ духовной *мѣоты* лица, освященнаго этимъ саномъ. Впрочемъ извѣстія, подтверждающія сказанное, мы имѣемъ лишь о *Первосвященникахъ-Вождахъ*, какими были сыновья Маттафіи Модинскаго: слѣдственно,—такимъ правомъ, по этимъ извѣстіямъ, пользовались лишь тѣ лица, которыя соединяли въ себѣ санъ первосвященническій съ достоинствомъ царя: такъ, Іудеи по смерти Іонафана признали старшаго его брата, Симона «*вождомъ и архіереемъ въ вѣкъ*, дондеже востанетъ Пророкъ Вѣренъ»; при этомъ неотъемлемость власти въ лицѣ Симона выражается, между прочимъ, въ слѣдующихъ отрицательныхъ опредѣленіяхъ: «И не лѣтъ будетъ никому же отъ *людей и отъ жрецовъ* отречи что отъ сихъ и *вопреки глаголати отъ него реченымъ или совокупити сонмъ въ странѣ безъ него* и облещися въ порфиру, и *носити уривну злату*» ¹⁵⁾. Въ этихъ отрицательныхъ опредѣленіяхъ выражается и самое существо власти Симона: права и знаки этой власти ограждаются здѣсь отъ *людей* и отъ *жрецовъ*,—слѣдственно въ лицѣ Симона совмѣщены двѣ власти: первосвященническая, которая можетъ быть нарушена или захвачена жрецами, какъ таковыми, и свѣтская, права которой могъ нарушить взбунтовавшійся народъ (*люди*). Такой Первосвященникъ-Вождь былъ законодателемъ, судьей и правителемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова: ему принадлежало *радѣть надъ дѣлами, надъ странюю, надъ оружіемъ и надъ твердынями*; его именемъ должны были издаваться *вся писанія въ странѣ* ¹⁶⁾. Вслѣдствіе этого всѣ должны были повиноваться его предписаніямъ и приговорамъ, т. е. никто не имѣлъ права *вопреки глаголати отъ него реченымъ*; вслѣдствіе того же, даѣе, за нимъ только и признается право говорить съ народомъ, допускать обсужденіе того или другаго на *сонмѣ, снемѣ, вѣчѣ*. Такова власть Первосвященника-Вожды, и однимъ изъ внѣшнихъ знаковъ этой власти является все та же *уривна о выи* наряду съ

порфирю: вотъ почему юный внукъ Антиоха Епифана, признавъ Ионафана Первосвященникомъ, прислалъ ему «сосуды златые и служеніе, и даде ему власть пити изъ злата и быти въ порфирѣ и имѣти гривну злату» ¹⁾).

Изъ сказаннаго ясно, каково почти повсемѣстное значеніе слова «*гривна*» въ славянской Библии: это шейное украшеніе, знакъ достоинства, а въ иносказаніяхъ это слово равнозначительно съ *вѣнцомъ*, *виссономъ*, *багрянницею*, знаками царскаго сана, царскою утварью; весьма рѣдко *гривна* упоминается въ смыслѣ *тяжести*, надѣвавшейся на шею преступника и составлявшей часть оковъ, какъ то будетъ видно далѣе.

Почетное значеніе разсматриваемаго слова встрѣчается и въ другихъ памятникахъ древне-славянской письменности. Мы уже видѣли, что въ этомъ значеніи гривна упоминается въ нашей Начальной Лѣтописи; въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго она упоминается въ этомъ же значеніи дважды, въ *словахъ* перваго и шестаго дней. Въ *словѣ* перваго дня Іоаннъ уподобляетъ человѣка, созерцающаго красоту мірозданія и, такъ сказать, *творенми помышляющаго* о Творцѣ, простолюдину, пораженному изображеніемъ князя, одѣтаго въ княжескія одежды и никогда имъ невиданнаго: «... якоже бо и смрдаа чедь виѣщнѣя, якоже не соутъ видѣла кнеза въ срацѣ златами нитьми шьвена и на выи *гривну злату носеща*, и поясомъ вѣльрьмитомъ прѣпоясана, и по плещьма бисромъ поkyдана, и мечъ носеща златъ: ти да бише и на стѣнѣ видѣли въпсанъ и шаромъ оукрашенъ такоюжде оутварію, то колма се бише дивили, помышлѣюще и рекоуще: како тѣ си самъ боудеть истовъ и красенъ, ꙗли то ообразъ сиць ꙗго ꙗе чюдень» ¹⁸⁾).

Изъ этихъ словъ явствуетъ, что царскую утварь нельзя было себѣ представать безъ *гривны*; изъ другаго мѣста того же памятника мы видимъ, что гривны предполагаются и у *боляръ*, какъ знакъ ихъ сана и достоинства: въ *словѣ шестаго дне* повторяется то же уподобленіе только нѣсколько измѣненное: «Ако же смръдъ и нищъ члвкъ, пришедъ изъдалече къ прѣворамъ кнежю двору и видивъ ꙗе дивит се.... нѣ аще се прилоучитъ ꙗмоу и кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ, бисромъ поkyданѣ, *гривною цетавоу на выи носеща* и оброучи на рукоу.... и оба полы ꙗго болѣры сѣдеще въ

златахъ гривнахъ и поясахъ и оброучьхъ...» ¹⁹⁾. Въ томъ же значеніи (украшенія шейнаго) гривна упоминается и въ позднѣйшихъ нашихъ памятникахъ, а именно, какъ видно будетъ далѣе, въ духовныхъ княжескихъ грамотахъ.

Въ виду того, что наши памятники, какъ и вообще памятники славянскіе упоминаютъ о гривнѣ именно въ томъ смыслѣ, какъ и славянская Библія, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Казанскаго, что гривна у насъ не имѣла того значенія, въ какомъ она встрѣчается въ переводѣ Священнаго Писанія ²⁰⁾: если въ лѣтописяхъ гривна въ смыслѣ украшенія упоминается рѣдко, то это объясняется, по всей вѣроятности, общимъ характеромъ нашихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и извѣстій, въ которыхъ почти не сохранилось никакихъ бытовыхъ чертъ изъ жизни нашихъ предковъ.

Что касается до вопроса о томъ, какое именно было это украшеніе, то, намъ кажется, слѣдуетъ при рѣшеніи этого вопроса исходить отъ этимологіи слова, «*гривна*», *грикьна*.

Это *прилагательное женскаго рода въ усеченной формѣ*; полная форма есть несомнѣнно *грикьнаа*, *грикьнаа*, *грикьнаа*, а такъ-какъ прилагательныя мужскаго рода на *ьнъ* (*ьнѣи*) принимаютъ нарастающій суффиксъ, вслѣдствіе чего имѣютъ форму *ьн-ьн-ъ* (*ьн*), то и понятно, что въ полной формѣ нашего слова согласная *и* удваивается: *грикьннаа*. Образование этого слова совершенно тождественно, напр., съ образованіемъ слова *бездонная* (*ьн*),—*бездна*: *кѣздьнаа*, *кѣздьнаа*, *кѣздьна* ²¹⁾. Итакъ, *гривна* есть имя *прилагательное* и, притомъ, *притяжательное*, а по своему образованію *производное*; кореннымъ словомъ признается существительное *грива*, вышедшее изъ употребленія названіе *шеи*, *затылка*, попольски *kark*, *tylna częśc szyi* ²²⁾. Это прилагат., образованное такимъ образомъ, слышится, между прочимъ, въ старинномъ словѣ *пригивникъ*, которое вмѣстѣ съ словомъ *кологивъ* было стариннымъ названіемъ княжескаго конюшаго ²³⁾.

Какъ прилагательное и-слѣдовательно-*опредѣленіе*, гривна, или *шейная*, что, между прочимъ, совершенно согласно съ вышеприведенными свидѣтельствами о *гривнѣ* какъ о *шейномъ украшеніи*, требуетъ *опредѣляемаго* существительнаго, а это существительное, судя по формѣ *опредѣленія*, должно быть непременно *женскаго рода*.

Изъ украшеній, или утварей, носимыхъ на шеѣ, только одно *женскаго рода*: это *цѣпъ*, *цѣпъ гривная*, или *гривенная* ²⁴⁾. Въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, при великомъ князѣ Іоаннѣ III, въ Переяславѣ Залѣсскомъ были открыты св. Мощи Благовѣрнаго Князя Андрея, память о которомъ осталась только въ преданіи; въ гробѣ этого Угодника Божія найдены вмѣстѣ съ веригами подвижника и знаки княжескаго достоинства: золотой перстень и такая же цѣпь ²⁵⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что эта цѣпь есть ни что иное, какъ *цѣпъ гривенная*; такія же *гривенныя* цѣпи находятся въ описяхъ нашей старинной утвари: этимъ именемъ въ послѣдствіи, когда слово «*гривна*» получило исключительное значеніе денежной единицы, и стали преимущественно называть шейныя гривны ²⁶⁾.

Цѣпъ гривенная есть ни что иное, какъ *монисто*, почему въ чешскихъ глоссахъ, присоединенныхъ въ разное время къ извѣстному средневѣковому латинскому словарю *Mater Verborum*, или *Glossae Salomonis*, словомъ *hrivna* объясняются слова: *torques, ornatum colli*, т.-е. *цѣпъ*, какъ *шейное украшеніе, монисто* ²⁷⁾; вслѣдствіе того же, далѣе, можно считать *гривною* и тотъ *annulus*, который носила княжна Елисавета Ярославна и который упоминается въ Гаральдовой пѣснѣ:

« puella, Gardis quae est,
annulo aureo ornata, me fastidit » ²⁸⁾.

Мы видѣли, что въ славянской Библии употребляется выраженіе «*гривна о выи*», т.-е. *о шеѣ*; это выраженіе сближаетъ *гривну* съ *ошейникомъ*. Соотвѣтственно съ этимъ мы встрѣчаемъ тамъ же *гривну* именно въ смыслѣ *ошейника*; такъ, Сирахъ, убѣждая сына своего быть мудрымъ, употребляетъ такое иносказаніе: «... введи возѣ твои во оковы ея (Премудрости) и *въ гривну ея выю твою*. И будутъ ти пута ея на покой крѣпости и *гривны ея на одѣяніе славы* » ²⁹⁾. Самое выраженіе «*вести выю въ гривну*» указываетъ, что здѣсь подъ *гривною* разумѣется именно ошейникъ, *охватывающій шею*, или болѣе или менѣе плотно прилегающій къ ней. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библии то почетное шейное украшеніе, которое пославянски передается словомъ «*гривна*», названо цѣпью (Kette), но еслибы въ нѣмецкую Библию была включена *Книга Сираховой Премудрости*, то, слѣдуя Кенпену ³⁰⁾, можно предположить, что въ приведенномъ мѣстѣ гривнѣ соотвѣтствовало бы слово

Halseisen: «... Und ihre *Ha'seisen* (werden dir) ein herrliches Kleid werden».

Ошейникъ, *охватывающій* шею, имѣетъ одно и то же значеніе, какъ и *ожерелье*, т.-е. то, что *охватываетъ* *горло*. Последнюю утварь опредѣляютъ, какъ *воротникъ*, *унизанный жемчугомъ и камнями* ³¹⁾: очевидно, это то же монисто или нашитое на воротникъ, или пристяжное, такъ что въ концѣ концовъ совершенно послѣдовательно всякое круглое шейное украшеніе считать *гривной*: въ этомъ заключается причина распространенія имени *гривна* на такія шейныя утвари, которыя въ сущности не имѣютъ формы первоначальной *гривенной цѣпи* и которыя въ болѣе отдаленной древности не употреблялись въ качествѣ шейныхъ украшеній.

Такими утварями мы считаемъ *обручи*, *оброуѣне*, самое названіе которыхъ указываетъ на украшеніе *рукъ*, а не *шеи*: то, что *охватываетъ* *руку*; но, помимо этого этимологическаго основанія, въ языкѣ Шестоднева мы находимъ слѣдъ изстариннаго отличія *гривны* отъ *обруча* именно въ этомъ смыслѣ—въ словахъ: «... гривноу цетавоу на выи носеща и оброучи на роукоу». Изъ этихъ словъ ясно, что *обручи* понимались главнымъ образомъ, какъ браслеты, запястья. То же различіе находимъ и въ другихъ памятникахъ древней славянской письменности, какъ то будетъ видно изъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Сближеніе *гривны о выи* и *ошейника* даетъ право предположить, что въ послѣдствіи *обручи*, т. е. металлическія кольца, по всей вѣроятности, стали употребляться въ качествѣ шейныхъ украшеній; они, такимъ образомъ, замѣнили собою первоначальную *гривенную цѣпь*. Получивъ одинаковое употребленіе, такіе обручи, или кольца, должны были и носить названіе *гривны* тѣмъ болѣе, что это названіе, какъ и иныя подобныя, съ теченіемъ времени изъ *опредѣленія* обратились въ *опредѣляемое*, въ названіе самаго предмета; поэтому мы вполне согласны съ тѣмъ, что гривнами могутъ считаться какъ тѣ золотыя кольца, или ошейники, о которыхъ упоминають греческія надписи, находимыя въ черноморскихъ греческихъ колоніяхъ ³²⁾, такъ и обручи, отрываемые въ Скандинавіи ³³⁾.

Утверждаютъ, что между *монистомъ* и *гривною* была та разница, что первое было утварью женскаго наряда, а вторая мужскаго, что для женщинъ *монисто замѣняло гривну* ³⁴). Въ самомъ дѣлѣ, далѣе будетъ видно, что памятники иногда дѣлаютъ различіе между этими обѣими утварями, но причину такого различія слѣдуетъ искать въ чемъ либо иномъ, потому что гривны, какъ мы видѣли изъ предшествующаго и увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, носили и женщины: значить гривны вовсе не были исключительно принадлежностью мужскаго наряда. Духовныя грамоты нашихъ князей показываютъ, что драгоценности, называемыя въ нихъ собирательнымъ именемъ *золота*, безразлично завѣщались и мужчинамъ, и женщинамъ, а въ составъ этого *золота* также безразлично переходили и мониста, и гривны. Вообще, какъ кажется, можно сказать, что вещи, входившія въ составъ *золота*, были носимы одинаково лицами обоего пола; даже въ наше время иногда встрѣчаются мужчины носящіе такіа драгоценныя украшенія, которыя обыкновенно считаются принадлежностью женскаго наряда, серьги, запястья. Только тѣ украшенія, съ которыми соединялось особое для женщинъ значеніе, по всей вѣроятности, не бывали принадлежностями мужскаго наряда; таковы головные женскіе уборы, которые, безъ сомнѣнія, для женщинъ имѣютъ или, лучше сказать, *имѣли* символическое значеніе *власти на главѣ* ³⁵); вслѣдствіе этого головные уборы были постояннымъ одѣяніемъ женщинъ, и тотъ, кто *опростоволосилъ* женщину, подвергался отвѣтственности; напр. въ упомянутомъ выше договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами (конца XII вѣка) постановляется: «Оже съгрѣнеть чужее женѣ повои с главы или дщѣри *явится простоволоса*, $\frac{7}{2}$ гривны старые за соромъ» ³⁶). Само собою разумѣется, что украшенія на кикахъ, каковы *чела* ³⁷), *расы*, не могли быть въ числѣ мужскихъ уборовъ; но мы не имѣемъ никакого права сказать того же о *монистахъ*, такъ какъ не находимъ этому подтвержденія въ памятникахъ и даже видимъ несогласіе послѣднихъ съ такимъ предположеніемъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія читатель найдетъ подтвержденіе здѣсь сказанному; тамъ же мы постараемся объяснить и упомянутое различіе между монистомъ и гривною, встрѣчающееся иногда въ источникахъ.

Теперь остановимся на разсмотрѣніи одного обстоятельства, которое, по первому взгляду, какъ будто противорѣчитъ тому, что сказано нами выше о гривнѣ. Языкъ славянской Библии даетъ намъ случай убѣдиться, что *гривна*, *сдѣланная изъ известнаго металла*, отличалась отъ *цѣпи*, *сдѣланной изъ того же металла*. Такъ въ Пятюкнижіи находимъ слѣд. мѣсто: «...принесохомъ даръ Господу, мужъ еже обрѣте, сосудъ златъ и обручїе, и перстень, и *гривну*, и усерязи, и *цѣпь златую* умолиши о насъ предъ Господемъ. И взя Моисей и Елеазаръ жрецъ *злато* отъ нихъ» ³⁸⁾. Не говоря уже о томъ, что самое сопоставленіе въ этихъ словахъ гривны со всякимъ другимъ *златымъ сосудомъ сдѣланнымъ* доказываетъ, что здѣсь говорится именно о *гривнѣ золотой*: это явствуетъ изъ общаго наименованія всѣхъ перечисленныхъ даровъ *златомъ*, а если это такъ, то *гривна золотая* въ этихъ словахъ ясно различается не только отъ обручей, но и отъ *цѣпи златой*.

Полагаемъ, что *гривна*, или *гривенная*, *шейная цѣпь*, чѣмъ либо отличалась отъ всякой другой цѣпи. Въ самомъ дѣлѣ, та же славянская Библия наводитъ на подобную мысль. Въ книгѣ Пророка Исаіи находимъ не *гривну*, которую мы привыкли считать именемъ существительнымъ, а прилагательное *гривенныя* къ существительному *лунницы*: «...И смиритъ Господь начальныя дщери Сіони... и отъиметъ Господь славу ризъ ихъ и красоты ихъ, и вплетенія *златая* на главѣ, и тресны ризныя, и *лунницы гривенныя*» ³⁹⁾. *Лунница* есть серповидное украшеніе, висящее на груди и своею формою напоминающее *полумѣсяцъ* ⁴⁰⁾: такая *лунница* надѣвалась на *цѣпи* на шею и, думаемъ, вмѣстѣ съ цѣпью составляла то, что называлось *гривною*, *гривенною цѣпью*, *гривенною лунницею*. Слѣдственно *лунница* есть собственно *привѣска* въ родѣ *тѣхъ привѣсокъ*, которыя бывають на св. иконахъ и прикрѣпляются къ обоимъ концамъ *вѣнцовъ*. Въ соотвѣтствіи съ этимъ памятники свидѣтельствуютъ, что *гривны*, въ самомъ дѣлѣ, употреблялись на иконное украшеніе: Ипатьевская лѣтопись говоритъ о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ Владиміро-Волынскомъ, что онъ «икону... списа на золотѣ *намѣстную* святаго Георгіа и *гривну златую* возложи на нѣ съ *женщююмъ*...» Такъ князь украсилъ *намѣстную* икону праздника въ построенной имъ Георгіевской церкви въ Любомлѣ; другую *намѣстную* икону Богоматери онъ украсилъ *монистомъ*.

золотымъ съ каменіемъ дорогимъ ⁴¹⁾. Новгородскія лѣтописи говорятъ объ архіепископѣ Θεодосіи (1548 г.), что онъ украсилъ намѣстную икону праздника въ церкви св. Іоанна Предтечи *въ темницѣ*, между прочимъ, и *гривнами*: «... да и *гривны* золотые и серебряны къ образу чудотворцеву приложилъ» ⁴²⁾; наконецъ въ духовной грамотѣ князя Михаила Андреевича Верейскаго (1486 г.) упоминается, между прочимъ, «икона Пречистая чудотворная привѣски появились, по всей вѣроятности, именно вслѣдствіе исконнаго обычая украшать св. иконы *гривнами*; онѣ суть ничто иное какъ тѣ *луницы гривенныя*, о которыхъ упоминается въ славянской Библии и которыя, какъ шейныя украшенія, прикрѣплялись къ цѣпямъ, чѣмъ гривенныя цѣпи и отличались отъ всякихъ другихъ. Какъ привѣска, такъ и цѣпь, на которую она надѣвалась, составляютъ части гривны, или *гривенной цѣпи*, и такъ какъ для того, чтобы *цѣпь стала гривною*, къ ней надо было прицѣпить привѣску, то гривна безъ привѣски, по всей вѣроятности, и называлась просто *цѣпью* и подъ этимъ общимъ именемъ и извѣстна въ описяхъ нашихъ древностей; напротивъ, самая привѣска, какъ *существенная часть* гривны, безъ которой гривна обращалась въ простую цѣпь, съ теченіемъ времени стала преимущественно называться *гривною*: въ самомъ дѣлѣ, далѣе будетъ видно, что *гривною* называлась именно *привѣска* извѣстной формы съ ушкамъ для цѣпи ⁴³⁾.

Такъ какъ луницы могли быть прикрѣпляемы къ иконнымъ вѣнцамъ безъ помощи цѣпи, то, по всей вѣроятности, на иконныя украшенія въ большинствѣ случаевъ жертвовали только одиѣ эти *гривны въ тѣсномъ смыслѣ*; вслѣдствіе этого лѣтописецъ и могъ отличить *гривну* на иконѣ св. Георгія въ Любомльской церкви отъ *мониста*, т.-е. гривны въ обширномъ, *древнемъ* смыслѣ этого слова: благочестивый князь Владиміръ почтилъ икону Богоматери болѣе роскошнымъ украшеніемъ: полною гривной вмѣсто одной луницы или вообще привѣски. Въ этомъ же смыслѣ должно понимать различіе между *гривною* и *монистомъ* и въ слѣдующемъ мѣстѣ духовной грамоты великаго князя Іоанна Даниловича Калиты: «... А что золото княгини моее Оленино, а то есмо далѣ дщери своей Фетиньи: дѣ. обручи и ожерелье, матери ее монисто

новое, что есмь сковаль, а чело и *гривну* то есмь далъ при собѣ» ⁴⁵⁾.

Ожерелье то же, что и *гривна*, какъ мы видѣли это выше и какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи нашихъ древностей ⁴⁶⁾. духовная же Іоанна Калиты отождествляетъ съ ожерельемъ монисто: отсюда прямое логическое заключеніе, что *гривна* и *монисто* одно и то же.

Ожерелье, какъ воротникъ, имѣетъ пряжку, закрѣпку на переди; въ гривенной цѣпи, какъ ожерельѣ, такую закрѣпкою, безъ сомнѣнія, можетъ быть *привиска*, или *гривна въ тѣсномъ смыслѣ*: этимъ по всей вѣроятности, можно объяснить то обстоятельство, что, по словамъ Казанскаго ⁴⁷⁾, въ Вульгатѣ нашему слову «*гривна*» соотвѣтствуетъ слово «*fibula*», т.-е. собственно *пряжка*. Изъ приведеннаго свидѣтельства духовной Іоанна Калиты, памятника безспорно достовѣрнаго, между прочимъ, слѣдуетъ, что въ XIV вѣкѣ *гривна* употреблялась въ смыслѣ украшенія, утвари; однако русскій повѣствователь вѣнчанія на царство Мануила Палеолога, упоминая объ *ожерельяхъ*, *златыхъ шейныхъ обручахъ* и о *златыхъ шейныхъ цѣпяхъ*, украшавшихъ придворныхъ, бывшихъ при церемоніи въ храмѣ св. Софіи, ни однимъ словомъ не обмолвился о *гривнѣ*. Причиною такого умолчанія, очевидно, должно считать то, что на византійскихъ вельможахъ не было украшеній, подобныхъ нашей гривнѣ или похожихъ на нее ⁴⁸⁾, и это, по нашему мнѣнію, указываетъ опять на то же различіе между гривною и цѣпью, ожерельемъ, монистомъ, смыслъ котораго разъясненъ нами выше.

Гривны въ качествѣ иконныхъ украшеній обыкновенно назывались *цатами*; такія цаты, по всей вѣроятности, дѣлались иногда спеціально для этой цѣли, т.-е. для украшенія св. иконъ и другихъ священныхъ предметовъ, какъ и оклады, и на нихъ иногда изображался Ликъ Божій или лики Святыхъ; напр. въ упомянутомъ выше описаніи даровъ князя Владиміра Васильковича Георгіевской Любомльской церкви, между прочимъ, читаемъ: «... еуангеліе списа опракошь, окова е все золотомъ и каменіемъ дорогымъ съ женчюгомъ и деисусъ на немъ скованъ отъ злата, цаты великы съ финифтомъ, чудно видныиѣмъ, и другое еуангеліе опракошь же волочено олови-

ромъ, и цѣту възложи на не съ финиптомъ, а на ней святая мученика Глѣбъ и Борисъ».

Обычай украшать св. иконы гривнами основанъ, безъ сомнѣнія, назначеніи гривны, какъ знака почета, достоинства; древность этого обычая доказывается, между прочимъ, упоминаніемъ въ Шестодневѣ о *гривнѣ цѣтави*, выраженіе, очевидно сближающее гривну, какъ шейное украшеніе, съ *цатою*, украшеніемъ иконнымъ. По всей вѣроятности, предки наши и ихъ соплеменники, движимые благочестіемъ и благоговѣніемъ предъ Святынею, отдавали на иконное украшеніе и вообще на украшеніе священныхъ предметовъ самыя роскошныя, богато убранныя гривны, которыя были высшимъ знакомъ почета, выраженіемъ высшаго достоинства: въ этомъ, полагаемъ, и заключается причина того, что слово *шестого дне* приписываетъ *гривну цѣтаву* только князю, отличая его такимъ образомъ отъ бояръ, украшенныхъ просто гривнами. Несомнѣнно, форма гривенной привѣски, или *гривны въ тѣсномъ смыслѣ*, съ теченіемъ времени измѣнилась, и, какъ кажется, *луницы*, оставаясь только въ цатахъ, въ качествѣ гривенъ измѣнили свою форму на круглую; это, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что есть полное основаніе считать гривною извѣстную черниговскую медаль, найденную въ 1820 г. ⁴⁹⁾.

Мы считаемъ круглую форму гривенъ позднѣйшею сравнительно съ серповидною, потому что съ одной стороны наибольшее сходство круглыхъ гривенъ съ современными медалями само собою наводитъ на мысль о сравнительно позднемъ появленіи этой формы, а съ другой, употребленіе слова «*луницы*» въ переводѣ одной изъ пророческихъ книгъ Ветхаго Завета указываетъ на древность этого слова. Измѣненіе въ формѣ гривенъ отразилось и на иконныхъ цатахъ; и въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ памятникахъ *цаты* не только серповидныя, но и круглыя ⁵⁰⁾.

Гривна, какъ вещь цѣнная сама по себѣ, по всей вѣроятности, употреблялась при покупкахъ и продажахъ и, будучи орудіемъ мѣны, получила значеніе денегъ первоначально въ смыслѣ вѣсовой, а потомъ и въ смыслѣ счетной единицы ⁵¹⁾. Обычный вѣсъ гривеннаго ожерелья послужилъ, безъ сомнѣнія, образчикомъ для

гривны, какъ вѣсовой единицы; по этому образцу и стали отличать гривны, какъ слитки опредѣленнаго вѣса, употреблявшіеся въ торговлѣ какъ орудія мѣны. Употребленіе гривны въ качествѣ счетной единицы думаютъ объяснить предположеніемъ о доисторическомъ обычаѣ Славянъ носить ожерелья изъ монетъ подобно тому, какъ и въ наше время такіа ожерелья носятъ наши полудикіе инородцы; обычай, говорятъ, «могъ даже утвердить ношеніе опредѣленнаго числа монетъ, судя по ихъ величинѣ и вѣсу, на одномъ ожерельѣ»: отсюда шейная гривна и стала въ послѣдствіи означать высшую счетную единицу ⁵²⁾.

Эта догадка, основанная на *предположеніи*, упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что въ вопросѣ о деньгахъ и ихъ исторіи въ каждой странѣ единицы счетныя всегда суть явленія послѣдующія, имъ предшествуютъ единицы вѣсовые, слитки опредѣленнаго вѣса; если же принимать во вниманіе вѣсъ такого ожерелья изъ монетъ, то вся догадка сводится лишь на догадку о формѣ звеньевъ гривенной цѣпи, а эта форма совершенно безразлична для вопроса о томъ, какъ шейная гривна обратилась въ орудіе мѣны.

Ко времени, когда гривна уже употреблялась, какъ вѣсовая единица, безъ сомнѣнія, относятся тѣ извѣстія памятниковъ, въ которыхъ вѣсъ *гривенъ*, какъ *шейныхъ украшеній*, опредѣляется гривнами вѣса; такъ, въ Патерикѣ Печерскомъ находимъ извѣстіе о дарѣ, принесенномъ въ Печерскій монастырь извѣстнымъ Георгіемъ Симоновичемъ, внукомъ Африкана, или Афракіана: «*вѣда гривену шейную*, въ ней же вѣса $\hat{p}$ *гривенъ* злата» ⁵³⁾. Очевидно, въ этомъ извѣстіи слово «*гривна*» употреблено въ двухъ различныхъ значеніяхъ: въ значеніи ожерелья и въ значеніи единицы вѣса, величина которой была общеизвѣстна въ то время, какъ въ наше величина фунта, золотника и под. Но если ожерелье внука Африканова равнялось 100 гривнамъ золота и представляло собою, по всей вѣроятности, украшеніе неудобноносимое ⁵⁴⁾, то обыкновенныя шейныя гривны и въ позднѣйшее время Кіевской Руси равнялись по вѣсу *одной гривенѣ*: такъ во время кіевскаго бунта 1147 года толпа избила какого-то Михалѣ, защитника несчастнаго князя Игоря Ольговича: «и отторгоша на немъ крестъ и чеши *въ гривену золота*» (Лавр. 301).

Если можно утверждать, что «Норманны нашли въ Россіи гривну уже въ значеніи единицы вѣса» (*Куникъ, 10*), то эти *гривны вѣсомъ въ известное количество гривенъ* весьма опредѣленно указываютъ на то время, когда гривна, не переставая означать шейное украшеніе, является уже въ смыслѣ общепризнанной обычной единицы вѣса, орудія обмена.

Разсмотрѣвъ вопросъ о первоначальномъ значеніи слова «*гривна*», переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какомъ смыслѣ *гривна* упоминается въ древнерусскихъ памятникахъ. Часть свидѣтельствъ памятниковъ объ этомъ уже включена въ настоящее изслѣдованіе; все, что будетъ сказано теперь, послужитъ необходимымъ дополненіемъ къ тому, что уже сдѣлано въ этомъ смыслѣ.

Въ памятникахъ древности слово «*гривна*» въ большинствѣ случаевъ встрѣчается безъ опредѣленія металла, изъ котораго сдѣлана; такъ, въ лѣтописи подъ 882 годомъ сказано, что Олегъ «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода *гривенъ 300* на лѣто мира дѣля» (*Лавр. 23*). Или подъ 907 годомъ, что Олегъ взялъ съ Грековъ «по 12 *гривенъ* на ключъ» (*ibid. 30*)⁵⁵). Въ 996 году Владиміръ Св., избѣжавъ опасности въ битвѣ съ Печенѣгами, «створи праздниѣ великѣ... и раздая убогымъ 300 *гривенъ*» (*ibid. 122*). Ярославъ Новгородскій давалъ отцу *урокомъ*, т.-е. опредѣленную дань, «*дѣтъ тысячѣ гривенъ* отъ года до года» (*ibid. 127*); тотъ же Ярославъ, будучи побѣжденъ Святополкомъ и Болеславомъ Польскимъ въ 1018 году, хотѣлъ бѣжать въ *Варяги*, но Новгородцы не дозволили ему этого, рѣшивъ снова биться съ Болеславомъ: «... начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 кунѣ, а отъ старостъ по 10 *гривенъ*, а отъ бояръ по 18 *гривенъ* и приведоша Варягы и вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многи» (*ibid. 140*). Въ 1100 году Владиміръ Мономахъ и Святославици надѣляютъ Давыда Игоревича волостями и въ прибавку даютъ ему 400 *гривенъ*: «Володимеръ 200 *гривенъ*, а Давыдъ и Олегъ 200 *гривенъ*» (*ibid. 264*) и т. д.

То же находимъ и въ различныхъ грамотахъ; напр. въ Уставѣ Всеволодовомъ 1134—1135 годовъ пошлина съ Новоторжца опредѣлена въ «*полторы гривны* отъ берковца вощанаго», въ уставахъ

Святославовомъ 1137 и Ростиславовомъ 1150 г. дани и десятины также опредѣляются гривнами безъ обозначенія матеріала; въ духовной грамотѣ Новгородца Климента, XIII столѣтія, платежи также обозначены просто гривнами: «.... въ купецкомъ сѣтъ оу Фомы 8 *гривенъ* възмите, а оу Борьки 4 *гривны* и т. д.» Въ XV вѣкѣ въ Польшѣ и Литвѣ ходили *гривны* «*мичбы Полскоу*», отъ которой отличалась личба русская ⁵⁶⁾, при чемъ приблизительно съ этихъ поръ въ западно-русскихъ грамотахъ не встрѣчается болѣе счетъ на *гривны*, его окончательнo смѣняетъ счетъ на *коты грошей* ⁵⁷⁾.

Но иногда *гривна* упоминается съ обозначеніемъ металла: напр. *гривна золота*; такъ Мономахъ въ своемъ *Поученіи* между прочимъ говорить о себѣ: «... вдахъ отцю 300 *гривенъ золота*» (*Лавр.* 239); или подъ 1097 годомъ въ лѣтописи говорится, что Ляхи, обѣщавшіе свою помощь Давыду Игоревичу противъ Святополка, «взяша у него *злата 50 гривенъ*» (*ibid.* 259).

Въ 1155 году Андрей Боголюбскій вковалъ въ ризу Иконы Владимірской Божіей Матери «*боле тридесать гривенъ золота*, кромѣ серебра и камня драгата и женчюга..» (*ibid.* 328—329).

Сопоставляя извѣстія о *гривнахъ* безъ опредѣленія металла съ извѣстіями о *гривнахъ золота*, нельзя не замѣтить того, что если первыя употребляются исключительно въ значеніи денегъ, то вторыя употребляются также и въ значеніи драгоцѣннаго матеріала, изъ котораго дѣлаются разныя вещи; если же мы поищемъ еще свидѣтельствъ о гривнѣ золота въ нашихъ памятникахъ древности, то убѣдимся, что такое *въсовое*—*товарное* значеніе гривны золота было преобладающимъ: такъ, въ Новгородской Второй лѣтописи находится перечень даровъ, поднесенныхъ великому князю Іоанну III во время его походовъ на Новгородъ въ 1476 и 1478 годахъ архіепископомъ Теофиломъ и многими знатными новгородскими гражданами, у которыхъ великій князь пировалъ. Въ этомъ списокѣ вѣсь золотыхъ ковшей и кубковъ, поднесенныхъ въ даръ, опредѣляется не иначе какъ *гривенками*, отъ чего постоянно отличаются поднесенные золотые *корабленики* ⁵⁸⁾; напримѣръ: «Въ 15 пиръ у Казимера, даровъ отъ него *ковшъ золотой*, 2 гривенки злата, 100 золотыхъ корабленыхъ... пиръ третей на великаго князя у владыки: даровъ владычныхъ великому князю 300 золотыхъ ка-

рабленныхъ да ковшъ золотой съ жемчюгомъ двѣ гривенки золота... Февраля въ 19 день въ четвертокъ, владыка пріиде изъ Новгорода къ великому князю съ поминками... *подалъ владыка чепъ золоту 5 гривенокъ да чару золоту 10 гривенокъ, да чару золоту полторы гривенки и 9 золотниковъ, да ковшъ золотъ гривенка и десять золотниковъ* ⁵⁹). Но окончательно убѣждаетъ насъ въ этомъ преобладающемъ значеніи *гривны золота* свидѣтельство Мстиславова договора, въ которомъ *гривна золота* прямо считается товаромъ: «... *Коупитъ Латинескій (гость) гривноу золота, дастъ въсити, дати ѣмоу вѣсцѣ ногата Смольнеская*» ⁶⁰). Ясно, что здѣсь гривна золота продается и покупается такъ же какъ и всякій другой товаръ, воскъ, *соуды серебряные* и ин.; какъ относительно послѣднихъ, такъ и относительно гривны золота, въ договорѣ присоединяется даже такое опредѣленіе: «*Аже продасть, не дати ничего же*» ⁶¹), т.-е. что вѣсовыя пошлины долженъ платить не продавецъ, а покупатель. Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребленіе *гривны золота* въ смыслѣ *денегъ* также не можетъ подлежать сомнѣнію: это подтверждается какъ лѣтописными извѣстіями, приведенными выше, такъ и свидѣтельствомъ одного мѣста *Житія преп. Θεοδοσία Печерскаго*, откуда видно, что гривны золота употреблялись въ качествѣ орудія оборота, ими платили, напримѣръ, за сѣбствныя припасы на рынокъ. Мы разумѣемъ разсказъ о томъ, что когда у печерскихъ подвижниковъ не случилось денегъ на дневную трапезу, то Ангель принесъ Преподобному *гривну золота*; отдавая *злато* эконому, Θεοδοσίи сказалъ: «... *шѣдъ купи ѣже на потребу братии...*» ⁶²). Какъ кажется, въ томъ же смыслѣ должно понимать и даръ одного изъ бояръ Изяславовыхъ въ Печерскій монастырь: «... *дамъ стѣи кѣи въ монастырь блаженнаго Θεοδοσία кѣ гривнѣмъ золота ѣще же и на иконоу стѣи кѣи вѣнцѣ ѡкоую*» ⁶³). Ясно, что жертвователъ даетъ 2 гривны золота не на цаты иконныя, ибо иконное украшеніе въ его пожертвованіи является какъ бы самостоятельнымъ даромъ: «... *ѣще же и на иконоу стѣи кѣи вѣнцѣ ѡкоую*», т.-е. *кромѣ того* (кромѣ дара двухъ гривень золота) жертвователъ обѣщается сковать вѣнецъ на икону Богоматери; слѣдственно, жертвуемая гривны золота предназначаются на монастырскія потребности, на покупку необходимаго для

монастыря и для братіи, т.-е. на нихъ жертвователъ смотритъ какъ на деньги ⁶⁴).

Сказанное о *гривнѣ золота* должно сказать и о *гривнѣ серебра*, хотя эта послѣдняя чаще употребляется въ смыслѣ денегъ, чѣмъ гривна золота; такъ, къ тому, что уже сказано о *серебрѣ* въ значеніи *кунъ*, прибавляемъ свидѣтельство Всеволодова Устава: «...съ низовскаго гостя отъ 2 берковцевъ воцаныхъ *полгривны серебра*», гдѣ употребленіе гривны серебра въ смыслѣ денегъ несомнѣнно: этимъ количествомъ въ данномъ случаѣ опредѣляется вѣсовая пошлина, какъ она опредѣляется и другими денежными единицами. Въ Патерикѣ Печерскомъ, въ повѣсти объ освященіи Печерской церкви (1089 г.), между прочимъ, упоминаются 3 *гривны серебра* въ смыслѣ, такъ сказать, *заработной платы*: въ замкнутомъ храмѣ нашли каменную доску и каменные столпы для св. Трапезы; митрополитъ и иноки не знаютъ, кто пожертвовалъ эти вещи: думая, что это сдѣлано кѣмъ либо изъ каменосѣццевъ, митрополитъ съ цѣлью узнать жертвователя посылаетъ въ каменоломню 3 гривны серебра за трудъ, но тамъ всѣ отказались отъ платы ⁶⁵). Такимъ образомъ изъ этого разсказа видно, что въ то время 3 гривны серебра считались обыкновенною цѣною подобной работы и что вообще гривны серебра употреблялись въ смыслѣ денежныхъ единицъ. Еще яснѣе въ этомъ отношеніи указаніе духовной грамоты новгородца Климента на *поральское серебро*, которое, какъ видно изъ грамоты, давалось подъ проценты (накладъ), какъ деньги: «.. а на *поральское серебро* наклада възати Климате на Борьке ꙗко ногате и грѣна а оу Савиница съимати Климате съ Боркою пать грвнѣ, а въ томъ Борьке третина» ⁶⁶).

Какъ кажется, поименованные въ этомъ перечнѣ должники Климента суть никто иные, какъ крестьяне, сидѣвшіе на его землѣ и получившіе отъ него ссуду какъ земледѣльческими орудіями и продуктами, такъ и деньгами на обзаведеніе. Эта денежная ссуда и называлась, по всей вѣроятности, *поральскимъ серебромъ* (отъ *ра-ло-соха*, плугъ); она *зарабатывалась* крестьяниномъ, т.-е. за нее, за самый капиталъ, крестьянинъ платилъ работою, да-кромѣ того за проценты (въ накладъ) уплачивалъ ту или другую сумму, сообразно съ величиною взятой ссуды. Таково, какъ кажется, единственно—возможное предположеніе, при помощи котораго можно объ-

яснить это темное мѣсто. Хотя памятники права ничего не говорятъ, что подтвердило бы это предположеніе, но вообще надо замѣтить, что вопросъ о *ролейномъ закупничествѣ* въ Русской Правдѣ, какъ и объ *изорничествѣ* въ Псковскомъ законѣ, весьма мало выясненъ именно въ этомъ отношеніи, т.-е. относительно состава даваемой господиномъ ссуды; съ другой стороны, то, что крестьяне получали денежную ссуду, можетъ быть подтверждено позднѣйшимъ названіемъ закуповъ *серебрениками*. Принявъ такое предположеніе, мы объясняемъ приведенное мѣсто Климентова рукописанія такимъ образомъ: имя *Климентъ* въ началѣ грамоты имѣетъ чтеніе «*Климѣтъ*»; это имя завѣщателя: въ приведенномъ перечнѣ самъ завѣщатель говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Это понятно и неизбѣжно по логическому смыслу мѣста, ибо цѣль этого перечня состоитъ въ указаніи, откуда Юрьевъ монастырь могъ получить уплату долга, сдѣланнаго завѣщателемъ: «.. а про куны чимъ то ми ся было вамъ платити»; ясно, что было бы довольно странно, еслибъ завѣщатель съ этою цѣлью сталъ перечислять, что отъ кого слѣдуетъ взять какому-то Климѣтѣ. Итакъ, *Климѣтъ* или *Климянтъ*, имя самого завѣщателя, которому приходится поральскаго наклада съ Борьки 1 гривну и 13 ногать, а этотъ накладь вмѣстѣ съ накладомъ другаго крестьянина, Савинича, сославить 5 гривенъ, въ каковой суммѣ накладь Борьки составляетъ третію часть (*третину*). Такимъ образомъ, повторяемъ, что серебро употреблялось въ значеніи *кунъ*, денегъ, а если это-такъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что и гривна серебра употреблялась именно въ такомъ значеніи чаще, чѣмъ гривна золота; а потому, если мы въ лѣтописи читаемъ, напр.: «... И да Володимерь Всеволоду *тысячу гривенъ сербра и двѣстѣ*, тѣмъ бо и бяшетъ, умолилъ» (*Лавр.* подъ 1144 г., 296), то понимаемъ здѣсь слово «*гривна*» именно въ смыслѣ денегъ, ибо на иное значеніе этого слова въ этомъ извѣстіи нѣтъ нисколько намека.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и *товарно-вѣсовое* значеніе гривны серебра; такъ въ приведенномъ выше лѣтописномъ перечнѣ даровъ Іоанну III упоминаются также различные серебряные сосуды и украшенія, вѣсъ которыхъ, какъ и золотыхъ, опредѣляется *гривенками*; напр., *кружка золочена серебрена 13 гривенокъ* или *миса серебряна 11 гривенокъ* и т. д. Въ Мстиславовомъ дого-

ворѣ находимъ такія постановленія: «Аже Латинескии коупитъ соуды серебряныѣ, дати ѣмоу вѣсцю *отъ гривны серебра* по ногатѣ Смольнеской», «Аже Латинескии дасть серебро пожигати (плавити), дати ѣмоу *отъ гривны серебра* коуна Смольнеская»; въ этихъ постановленіяхъ гривна серебра упоминается, очевидно, не какъ деньги, а какъ вѣсовой товаръ. Еще яснѣе въ указанномъ смыслѣ упоминается это слово въ постановленіи договора, соотвѣтствующемъ приведенному уже постановленію о гривнѣ золота: «Аже Латинескии *коупитъ гривну серебра*, дати ѣмоу вѣсцю двѣ вѣшки. Аже *продасть*, не дати (ѣмоу) ничего же» ⁶⁷⁾. Очевидно, въ томъ же смыслѣ въ «Словѣ объ окованіи раки» преп. Θεодосія сказано, что на это употреблено 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота ⁶⁸⁾.

Такимъ образомъ, выраженія: «*гривна золота*» и «*гривна серебра*» въ памятникахъ нашей древней письменности и права имѣютъ двойное значеніе: они упоминаются или въ смыслѣ объекта, или же въ смыслѣ орудія гражданскаго оборота.

Выше мы привели извѣстія, относящіеся къ тому или другому выраженію въ частности, но Волынская лѣтопись представляетъ намъ свидѣтельство, такъ сказать, общее для золотыхъ и серебряныхъ гривенъ и, притомъ, убѣждающее насъ въ томъ, что эти гривны имѣли также значеніе орудія оборота. Мы разумѣемъ извѣстіе о благотворительности князя Владиміра Васильковича во время его тяжкой, смертной болѣзни: всѣ свои драгоценности, состоявшія въ цѣнныхъ утваряхъ, золотыхъ и серебряныхъ, князь роздалъ неимущимъ, но, при этомъ, однѣ утвари прямо роздалъ, а другія перелилъ *въ гривны* и въ такомъ видѣ сотворилъ ими милостыню: «... разда убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро и каменіе дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряныѣ и своѣ, иже бѣше по отци своемъ стяжалъ, все розда; и *блюда великаа серебрянаа и кубыки золотыя и серебряныя самъ передъ своими очима поби и поля въ гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля и розсла милостыню по всей земль*» ⁶⁹⁾. Въ гривны обращены вещи значительныя по величинѣ, по вѣсу, такія вещи, которыя неудобно было давать въ милостыню цѣликомъ, но, затѣмъ, изъ этого извѣстія само собою слѣдуетъ, что слитки, полученные такимъ образомъ, или *гривны*, имѣли въ глазахъ

благотворителя именно значеніе денегъ, потому что въ противномъ случаѣ незачѣмъ было переливать въ гривны жертвуемую утварь, достаточно было только *побити* ее, т.-е. разрубить, разломать на куски того или другаго вѣса и въ такомъ видѣ раздать ихъ въ милостыню: для вѣсовой цѣнности какъ товара, форма безразлична. Напротивъ здѣсь мы сталкиваемся съ гривной, какъ съ цѣнностью опредѣленной формы, извѣстнаго внѣшняго вида, иго, очевидно, было необходимо, такъ какъ *гривна* замѣняла въ то время ходячую монету. Кусокъ золота или серебра цѣненъ самъ по себѣ, но для того, чтобъ онъ сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общепринятымъ представителемъ цѣнности, онъ долженъ былъ имѣть опредѣленный, обычный въ данное время вѣсъ и однообразную форму, которая въ XIII вѣкѣ придавалась ему главнымъ образомъ литьемъ, такъ какъ въ то время чеканка, по всей вѣроятности, еще не была развита въ достаточной степени.

Перехожу къ вопросу о вѣсѣ древней гривны. Здѣсь, по нашему мнѣнію, необходимо различать тѣ два значенія, въ которыхъ употреблялись гривны золота и серебра. Гривна въ смыслѣ денежной единицы не оставалась всегда одного и того же достоинства по вѣсу; напротивъ, съ теченіемъ времени вѣсъ ея уменьшился. Что же касается гривны, какъ единицы вѣса, то она отличается наибольшею устойчивостью, и даже первоначальное разнообразіе вѣса поднѣпровскаго и новгородскаго съ теченіемъ времени исчезаетъ въ смыслѣ благопріятномъ для большей, а не для меньшей вѣсовой единицы. Основной единицей нашего вѣса является *фунтъ*: эта основная единица въ древности и называлась *гривною*; величина (вѣсъ) гривны-фунта была различна по мѣстностямъ: въ Кіевѣ, или въ Поднѣпровьѣ, употреблялся греческій, малый или легкій фунтъ (*литра*) въ 24 лота, или въ 72 золотника (*солида*), а въ Новгородѣ и въ Смоленскѣ ходилъ большой, обыкновенный нашъ фунтъ въ 96 золотниковъ, вошедшій въ употребленіе, какъ полагаютъ, еще ранѣе начала торговыхъ сношеній съ Ганзой ⁷⁰⁾. Съ теченіемъ времени легковѣсный греческій фунтъ исчезаетъ и всюду замѣняется новгородскимъ, но когда произошло это измѣненіе, ни откуда не видно ⁷¹⁾. Такимъ образомъ, древняя новгородская гривна-фунтъ, ставши съ теченіемъ времени общео

основною единицею вѣса на Руси, сохранила и до сихъ поръ у насъ свое изстаринное значеніе.

Не то должно сказать о гривнахъ въ смыслѣ денегъ (мы здѣсь пока говоримъ о гривнахъ золота и серебра). Первоначальный вѣсъ гривны, какъ денежной единицы, съ теченіемъ времени уменьшился, но, по всей вѣроятности, въ первое время обращенія благородныхъ металловъ на Руси въ качествѣ денегъ, т.-е. въ то время, котораго не запомнить исторія, вѣсъ гривны былъ однообразный. Этаго времени исторія не запомнить, и первое извѣстіе, по которому мы можемъ судить о вѣсѣ денежной гривны, представляетъ намъ ее равной (или почти равной) половинѣ греческой литры; это извѣстіе находится въ договорѣ Олега съ Греками, почему и понятно, что на основаніи его можно сравнивать гривну именно съ единицею греческаго вѣса. За побои (удары разными орудіями) въ Олеговомъ договорѣ постановлена пеня въ 5 литръ *по закону Русскому*. Сличая это постановленіе съ соответствующимъ Правды Ярославовой, увидимъ, что въ послѣдней тотъ же проступокъ наказывался пенею въ 12 гривенъ (Акад. 3, 4). Сравненіе этихъ двухъ постановленій указываетъ, между прочимъ, на тотъ источникъ, на основаніи котораго опредѣлена пеня въ договорѣ: постановленіе Правды Ярославовой должно считать ничѣмъ инымъ, какъ исконнымъ обычаемъ Руссовъ, выраженнымъ въ письмени, а потому въ немъ нельзя не видѣть того *Русскаго закона*, о которомъ упоминаетъ договоръ. Слѣдственно, 5 литръ Олегова договора равноцѣнны 12 гривнамъ; отсюда 1 литра оказывается равною $2\frac{2}{3}$ гривны, а въ гривнѣ оказывается около полуфунта, т.-е. около половины греческаго легкаго фунта, литры. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе о нашей древней гривнѣ, какъ о полуфунтѣ, является господствующимъ въ нашей историко-юридической литературѣ; представителями его служатъ изслѣдователи, имена которыхъ пользуются вполне заслуженною и славною извѣстностью въ наукѣ, таковы имена *И. Д. Бѣляева* ⁷²⁾, *В. Н. Лешкова* ⁷³⁾. Починъ этого мнѣнія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *Карамзину*, который, считая гривну за фунтъ, въ благородныхъ металлахъ уравнивалъ ее полуфунту ⁷⁴⁾. На сравненіи двухъ вышеуказанныхъ постановленій это мнѣніе основывается, послѣ Бѣляева, у *Прозоровскаго* въ его капитальномъ трудѣ «Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII

столѣтія⁷⁵⁾), и это обоснованіе тѣмъ болѣе важно, что *солиды*, или *номисмы*, которыхъ въ литрѣ было 72, по изслѣдованію знаменитаго Круга⁷⁶⁾, по крайней мѣрѣ до XI столѣтія вѣсили около 70 гранъ аптекарскаго вѣса, т.-е. около нашего золотника: слѣдственно, вѣсъ солида остался неизмѣннымъ въ нашемъ золотникѣ даже до сихъ поръ. Съ другой стороны: солиды византійскіе были въ употребленіи во всѣхъ странахъ Европы, тѣмъ болѣе они должны были употребляться на Руси, состоявшей въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Византіи, чѣмъ другія страны⁷⁷⁾.

Такимъ образомъ, повторяемъ, равенство древняго византійскаго солида съ русскимъ золотникомъ, т.-е. равенство вѣса русскаго тому византійскому, который былъ въ употребленіи тамъ въ эпоху Олегова договора съ Греками, уполномочиваетъ изслѣдователя сравнить 5 византійскихъ литръ съ 12 русскими гривнами, такъ-какъ оба выраженія употреблены въ однопредметныхъ, хотя и разновременныхъ, постановленіяхъ: указаніе на *Русскій законъ*, т.-е. на *Русскій обычай*, въ послѣдствіи выраженный въ письмени, слѣжитъ еще большимъ подтвержденіемъ сказанному. Изъ такого сравненія явствуется равенство или соотвѣтствіе гривны полуфунту. Но это же сравненіе приводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей къ инымъ мнѣніямъ; такъ Кругъ⁷⁸⁾, доказываетъ, что литра въ Олегово время соотвѣтствовала русской гривнѣ, т.-е. послѣдняя была равна фунту: въ *законъ Русскомъ*, думаетъ Кругъ, вѣроятно, стояло другое слово, переведенное по гречески литрою, и этимъ словомъ, безъ сомнѣнія, была *гривна*; слѣдственно, *гривна* и была *литрою по Русскому вѣсу*. Обращаясь, затѣмъ, къ постановленію о побояхъ, Кругъ говоритъ: Греки были настолько образованы, что подобные грубые проступки у нихъ не могли быть особенно часты, а потому не могли вызвать особаго постановленія; въ слѣдствіе этого въ договорѣ съ Русскими Греки и должны были обратиться къ Русскому праву для того, чтобы обсуждать эти проступки, а можетъ быть Руссы не хотѣли судиться иначе, какъ по своему закону.

Всѣ эти разсужденія въ концѣ концовъ приводятъ къ тому, что литра и гривна суть разноязычныя наименованія одной и той же единицы вѣса, но, какъ кажется, въ этомъ случаѣ довольно трудно согласиться съ мнѣніемъ великаго знатока нашихъ древностей

какъ по тѣмъ даннымъ, какія приведены уже выше въ подтвержденіе мнѣнія о гривнѣ—полуфунтѣ, такъ и потому, что рѣшительно ни откуда не видно, чтобы 12-ти гривенная пеня Правды Ярославовой была во времена Олега меньше и доходила до 5 гривенъ.

Чуткость древняго Русса къ оскорбленіямъ подобнаго рода засвидѣтельствована всѣми соотвѣтствующими статьями Р. Правды, но на чемъ основываясь можно утверждать, чтобы эта чуткость личной обиды въ X вѣкѣ была слабѣе, чѣмъ въ послѣдствіи? Къ тому же, устойчивость 12-ти гривенной пени за оскорбленіе во все время существованія и развитія Р. Правды свидѣтельствуетъ о постоянномъ соотвѣтствіи этой пени требованіямъ и понятіямъ русскаго общества въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, а это указываетъ, во всякомъ случаѣ, на народную старину, на пошлину, которая врядъ ли была *измѣнена* Ярославомъ, а не просто *уложена* имъ въ письменный актъ. Итакъ, чтобы принять мнѣніе Круга, должно взять за исходную точку предположеніе, не имѣющее ничего за себя, а, напротивъ, мнѣніе о гривнѣ—полуфунтѣ основывается на самомъ простомъ естественномъ пониманіи выраженія «*по закону Русскому*» и на единственно возможномъ взглядѣ на Правду Русскую именно какъ на *Русскій законъ*, какъ на сборникъ исконныхъ русскихъ обычаевъ, выраженныхъ въ письмени ⁷⁹⁾.

Но литру Олегова договора нѣкоторые понимаютъ не какъ единицу вѣса, а какъ мелкую монету, употреблявшуюся въ данное время въ Византіи. Начало этому мнѣнію положилъ *Струбе-де-Пьермонтъ*, который въ своей извѣстной «*Discours sur l' origine et les changements des loix Russiennes*» пять литръ Олегова договора перевелъ «*cinq deniers en argent*», а въ своемъ «*Разсужденіи о древнихъ Руссахъ*» опредѣлилъ литру, какъ фунтъ и какъ монету незначительной цѣны ⁸⁰⁾. Въ позднѣйшее время представителемъ этого мнѣнія явился покойный *П. С. Казанскій* въ своемъ почтенномъ и поучительномъ «*Изслѣдованіи о древнерусской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкахъ*», не разъ мною упоминаемомъ въ предшествующемъ изложеніи. Казанскій исходитъ отъ несообразности въ назначеніи пени за побой въ 5 литръ, тогда какъ плѣнные выкупались всего за 10 солидовъ; по мнѣнію этого ученаго, драки были такъ обыкновенны при буйномъ нравѣ Ва-

ряговъ и грубости Славянъ, что немислимо предположить возможность такой высокой пени за проступки подобнаго рода (ibid. 115—116). Посему Казанскій полагаетъ, что литра Олегова договора вовсе не фунтъ серебра, а мелкая монета, равная почти нашимъ 6 коп. сер. и упоминаемая нѣкоторыми византійскими писателями: такъ что, по этому мнѣнію, древняя наша гривна равнялась почти 2½ коп., а пеня Олегова договора за побои составляла около 30 коп. на наши деньги, ибо, понимая такимъ образомъ литру, Казанскій признаетъ также и принятую всѣми изслѣдователями параллель постановленія договора съ однопредметною статьею Правды Русской.

Это мнѣніе о литрѣ, какъ о мелкой монетѣ, въ настоящее время должно считаться опровергнутымъ и, такъ сказать, сданнымъ въ архивъ послѣ возраженій Круга (Zur M. R. 188 — 189) — Струбе и Прозоровскаго (*Монета и вѣсъ*, 542—544) — Казанскому. Въ особенности сильны возраженія Прозоровскаго, который, повторивъ замѣчаніе Круга о несоотвѣтствіи такой незначительной пени требованію закона въ случаѣ несостоятельности забіяки: «... да вѣдѣсть елико можетъ и да соиметь и ты самыя порты своя, въ нижне ходять», выводитъ, что, принявъ литру въ смыслѣ Казанскаго, мы въ концѣ концовъ придемъ къ необходимости признанія неслыханно ничтожныхъ оцѣнокъ разныхъ хозяйственныхъ животныхъ въ Правдѣ Русской; принявъ гривну равною нашимъ 2½ коп., получимъ такія оцѣнки въ Правдѣ: оцѣнка бора была бы въ ¾ коп., барана въ ½ коп., лошади въ 7½, а коровы въ 5 коп. Само собою разумѣется, что всякій отшатнется отъ такихъ несообразностей. Что же касается до цѣны выкупа плѣнныхъ и несоотвѣтствія ея величинѣ пени за побои, то Прозоровскій замѣчаетъ, что выкупъ и его величина не имѣли никакой связи съ величиной пени, штрафа и что, кромѣ того, и 10 солидовъ договора также совершенно соотвѣтствуютъ 5 гривнамъ, что, какъ извѣстно, было цѣною раба по Русской Правдѣ.

Таковы, по крайней мѣрѣ, главныя возраженія теоріи Казанскаго; къ нимъ прибавлять нечего, и мы укажемъ только на одну сторону, упущенную возражателемъ: это — положеніе Казанскаго, что будто при тогдашнихъ нравахъ Славяноруссовъ побои не могли считаться слишкомъ тяжкимъ проступкомъ. Повторяемъ

сказанное уже раньше, что Правда Русская рѣшительно противорѣчить такому воззрѣнію на нравы нашихъ предковъ, побои считались позорными и особенно если они нанесены не въ дракѣ, т.-е. побои, какъ дѣйствіе одностороннее: чуткость въ этомъ отношеніи была весьма велика и, какъ увидимъ въ слѣдующихъ выпускахъ этого труда, выражалась въ чрезвычайно дробныхъ подраздѣленіяхъ ударовъ и ихъ оцѣнки, смотря по тому, какимъ орудіемъ удары были нанесены. При такихъ свидѣтельствахъ, по нашему мнѣнію, никакъ нельзя согласиться съ вышеприведеннымъ положеніемъ Казанскаго.

Гривна, какъ орудіе обмѣна, изъ вѣсовой обращается въ счетную, и, вмѣстѣ съ этимъ, мало-по-малу входитъ въ употребленіе слово «*гривенка*», которое мы встрѣчаемъ лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ письменности и права,—въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ и актахъ; напротивъ, въ памятникахъ древнѣйшихъ, каковы своды Лаврентьевскій, Ипатьевскій, Переяславскій (Переяславля Суздальскаго), Русская Правда и современные ей акты,—слово «*гривенка*» неизвѣстно. По всей вѣроятности, этимъ словомъ первоначально стали обозначать полуфунтъ, какъ вѣсъ, въ отличіе отъ денежной, счетной *гривны*, также равной полуфунту; отсюда, цѣлый фунтъ сталъ называться *большой гривенкой* въ отличіе отъ *малой*. Такіе эпитеты тѣмъ болѣе имѣли основаніе, что въ старину, когда еще гривна вѣсовая была и орудіемъ оборота, гривны *великія* отличались отъ *малыхъ*, такъ, въ повѣсти «*О убійствѣ Борисовѣ*» упоминается, что св. Борисъ возложилъ на Гергія Угрина *гривну злату велику* (Лавр. 131).

Такимъ образомъ, съ измѣненіемъ гривны вѣсовой въ качества денегъ въ гривну счетную, полагаемъ, произошло и измѣненіе въ названіяхъ, и если слова «*гривна*», «*полугривна*» остались за единицами счетными,—то для единицъ вѣсовыхъ, прежде одноименныхъ, были приняты другія имена, каковы *гривенка*, большая, малая, *фунтъ*. Какъ кажется, нѣтъ ничего, что бы противорѣчило такой догадкѣ, которою мы думаемъ отвѣтить на сомнѣнія того же Казанскаго, спрашивающаго (ук. соч. 118), почему *фунтъ* называется не *гривною*, а *большою гривенкою*, хотя *полуфунтъ* называется гривенкою, а съ другой стороны,—почему половина гривны называется *полугривной*, а не *гривенкой*. Повторя-

емъ, здѣсь все дѣло въ различіи времени употребленія тѣхъ и другихъ выраженій въ памятникахъ и въ послѣдующемъ измѣненіи гривны вѣсовой, какъ орудія оборота, въ гривну счетную, почему древній полуфунтъ въ концѣ концовъ обратился въ ту мелкую монету, которая при рублевой системѣ получила исконное, привычное для русскаго слуха названіе гривны (постепенное паденіе гривны, какъ денежной единицы).

Отношеніе гривны - фунта къ гривнѣ-полуфунту, т.-е. древней единицы вѣса къ древней же вѣсовой денежной единицѣ, весьма обстоятельно изображается въ ученіи *М. II. Погодина*, историка *точно* настолько, насколько возможна *точность* въ историческихъ изысканіяхъ, насколько этому требованію подчиняется наличный историческій матеріаль.

Исходнымъ пунктомъ въ разсужденіи объ этомъ Погодинъ беретъ Мстиславовъ договоръ и уже указанное выше уравненіе гривны серебра четыремъ гривнамъ кунъ, или пенязей. Сравнивая, далѣе, съ этимъ свидѣтельствомъ находящіеся въ нашихъ минц-кабинетахъ *нумизматическіе* рубли и находя, что эти слитки вѣсомъ равны 20 — 24 золотникамъ, т.-е. что въ обыкновенномъ 96-ти золотниковомъ фунтѣ такихъ *нумизматическихъ* рублей именно около четырехъ, Погодинъ считаетъ эти рубли ничѣмъ инымъ, какъ *смоленскими гривнами кунъ*, которыхъ въ гривнѣ, или фунтѣ серебра, было именно столько. Продолжая свое изслѣдованіе, Погодинъ обращается отъ нумизматическихъ ³¹⁾ рублей къ *нумизматическимъ гривнамъ*: такъ условно называютъ слитки вѣсомъ отъ 40 до 48 золотниковъ, или около полуфунта. Принимая въ соображеніе постоянное различіе новгородскихъ денегъ съ низовскими, Погодинъ полагаетъ, что эти полуфунтовые слитки представляютъ собою ничто иное, какъ *новгородскія гривны кунъ*, вдвое болѣе тяжелыя сравнительно съ смоленскими. Это совершенно соотвѣтствуетъ нормальному вѣсу гривны, какъ единицы денежной, которая, какъ было видно выше, равнялась полуфунту и которая, какъ единица вѣса, была извѣстна подъ названіемъ *гривенки*. Гривенка, какъ единица вѣса въ 16 лотовъ, равнялась нѣмецкой маркѣ и по отношенію къ цѣлому фунту была одинакова какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ; разница была только въ величинѣ самаго фунта новгородскаго сравнительно съ

фунтомъ кievскимъ: и кievская гривна кунъ была равна кievскому полуфунту и, содержа въ себѣ, такимъ образомъ, 30—36 золотниковъ вѣса, соотвѣтствовала новгородской, также полуфунтовой: въ 1826 году въ Кievѣ былъ открытъ кладъ, въ которомъ находились слитки именно подобнаго вѣса ⁸²⁾. Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кievѣ, *гривна кунъ*, т.-е. гривна, какъ денежная *кунная* единица, по вѣсу находилась въ одномъ и томъ же отношеніи къ гривнѣ серебра, равняясь полуфунту; разница лишь въ величинѣ самаго фунта, какъ основной единицы;

2. *Нумизматическія* гривны суть ничто иное, какъ *новгородскія гривны* кунъ, тогда — какъ найденныя въ 1826 г. въ Кievѣ слитки вѣсомъ въ $\frac{1}{3}$ (почти) фунта суть *кievскія гривны кунъ*.

3. Смоленскій *кунный* вѣсъ, какъ и низовскій, былъ, какъ остался и въ послѣдствіи, вдвое легче новгородскаго, доказательствомъ чему служить свидѣтельство Мстиславова договора; этому вѣсу вполне соотвѣтствуютъ *нумизматическіе* рубли, т.-е. слитки вѣсомъ въ $\frac{1}{4}$ обыкновеннаго фунта.

Такія соображенія свидѣтельствъ памятниковъ, подкрѣпляемая наличнымъ нумизматическимъ матеріаломъ, приводятъ къ возможно—точнымъ заключеніямъ объ отношеніяхъ гривенъ кунныхъ, т.-е. денежныхъ, къ гривнамъ — фунтамъ. Подробнымъ изслѣдованіемъ этаго вопроса, повторяемъ, наука обязана М. П. Погодину, сведшему, по возможности, свидѣтельства памятниковъ и мнѣнія литературныя и на основаніи этого свода установившаго выше-сказанные выводы ⁸³⁾. Впрочемъ, и раньше этотъ вопросъ подвергался изслѣдованію, какъ мы то видимъ въ 1-мъ томѣ *«Исторіи Государства Россійскаго»* Карамзина, но несчастное убѣжденіе въ существованіи кожаныхъ денегъ—кунъ воспрепятствовало знаменитому исторіографу дойти до плодотворныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи, помѣшало ему даже оцѣнить по достоинству и уразумѣть смыслъ тѣхъ свидѣтельствъ памятниковъ, которыя служили основаніемъ его изслѣдованію. Ранѣе Карамзина въ смыслѣ погодинскомъ высказались *Издатели Русской Правды*: они указали на различіе между фунтами, новгородскимъ и кievскимъ, не выставивъ, впрочемъ, основаній ⁸⁴⁾.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ употребленіи въ памятникахъ нашей древней письменности слова «*гривна кунъ*». Выше было доказано, что слово «*куны*» безъ числоваго показателя понималось въ общемъ смыслѣ денегъ; инаго значенія это слово не имѣло; а потому, если мы читаемъ въ лѣтописи, что князь Владиміръ Васильковичъ пожертвовалъ въ Георгіевскую Любомльскую церковь молитвословъ, который купилъ «въ протопопное и да на немъ 8 *гривенъ кунъ*» ⁸⁵⁾, то должны понимать это выраженіе: 8 *гривенъ кунъ*, какъ 8 *гривенъ ходящихъ денегъ*, не придавая здѣсь кунамъ никакого видоваго значенія. Вслѣдствіе такого общаго значенія *кунъ* понятно, что если въ смыслѣ денегъ употреблялись гривны золота и серебра, то это прямо и обозначалось въ названіи гривны, какъ напр: «...А хто сей рядъ порушить, и онъ дастъ князю и владыци *грѣвну золота*, а виноватый правому другую *грѣвну золота*» ⁸⁶⁾ и т. д. Напротивъ, въ обыкновенномъ счетѣ слово «*кунъ*» могло быть и опущено, какъ въ настоящее время слово *серебра* или *серебромъ* (столько-то копѣекъ серебромъ, рубль серебромъ, серебра и т. д.). Поэтому полагаю, что тѣ свидѣтельства источниковъ, гдѣ упоминается просто «*гривна*» безъ означенія матеріала, должно разумѣть въ смыслѣ упоминанія о гривнѣ *кунъ*, а не о гривнѣ серебра или золота. Вѣрность этого толкованія можно подтвердить слѣдующимъ образомъ: во Всеволодовомъ Уставѣ 1134—1135 год., какъ извѣстно, вѣсція пошлыны различаются по тому, какой купецъ ихъ платитъ, причемъ, безъ сомнѣнія, мѣстнымъ купцамъ сравнительно съ иногородными дѣляется льгота; далѣе, то же отношеніе—къ купцамъ изъ городовъ Новгородской области или городовъ близкихъ по своимъ связямъ съ Новгородомъ сравнительно съ *низовскими*, такъ-что, по этой грамотѣ, устанавливается слѣдующая постепенность пошлинной тягости: всего менѣе платилъ Новгородецъ, за нимъ Новоторжецъ; потомъ слѣдовали Полочанинъ и Смольянинъ и наконецъ болѣе всѣхъ платили *низовскіе* купцы.

Если такъ, то вѣсчую пошлыну съ Новоторжца, *полторы гривны* съ берковца воску, понимаемъ, какъ *полторы гривны кунъ*, ибо если понимать это, какъ *полторы гривны серебра*, то оказалось бы, что Новоторжецъ, житель новгородскаго пригорода, платилъ

бы болѣе, чѣмъ Полочанинъ и Смольянинъ, и больше даже, чѣмъ Низовецъ, платившій всего полтривны серебра. Такимъ образомъ, подѣ *гривною* упомянутою безъ качественного опредѣленія, должно разумѣть ничто иное, какъ *гривну кунъ* ⁸⁷⁾.

Кунная, т.-е. денежная, гривна была, какъ мы видѣли выше, разнаго вѣса въ различныхъ мѣстностяхъ древней Руси; она была легче гривны—товара, и хотя послѣдняя также употреблялась иногда въ качествѣ денегъ, но *гривна кунъ*, или просто *гривна*, была главнымъ, преобладающимъ орудіемъ гражданскаго оборота. Появленіе *гривны кунъ* было, такъ-сказать, первымъ шагомъ къ образованію особой денежной единицы на Руси: сдѣлавшись болѣе легкою, чѣмъ единица собственно—вѣсовая, кунная гривна съ теченіемъ времени стала отличаться отъ вѣсовой и по достоинству металла, падая вмѣстѣ съ тѣмъ и въ вѣсѣ. Эти два обстоятельства: *очернѣніе* старой кунной гривны и уменьшеніе ея первоначальнаго, нормальнаго вѣса, въ концѣ-концовъ привели къ полному упадку кунныхъ цѣнностей древней Руси. Въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ принуждены были *отложить* куны и ввести чужестранную монету, которая, такимъ образомъ, является переходомъ къ позднѣйшей денежной системѣ.

Изъ сказаннаго, между прочимъ, видно что *всѣ* кунной *гривны*, различіе въ немъ, составляетъ только одну сторону въ вопросѣ о *цѣнѣ* этой гривны. Другая сторона—*очернѣніе*, ухудшеніе куннаго серебра сравнительно съ *чистымъ*, *бѣлымъ*. Оба эти обстоятельства возникли для нашей кунной гривны весьма давно и уже въ X—XI вѣкахъ и вѣсѣ, и достоинство металла кунныхъ гривенъ были ниже, чѣмъ въ *чистомъ* *серебрѣ*. Такимъ образомъ, указывая на вѣсѣ нашей кунной гривны, не слѣдуетъ смѣшивать его съ *цѣною* этой послѣдней: сохраняя свой нормальный вѣсѣ, гривна кунъ все таки не была полуфунтомъ или четвертью фунта чистаго металла.

Въ самомъ дѣлѣ: тотъ же Мстиславовъ договоръ, на который ссылаются и Карамзинъ, и Погодинъ, и другіе изслѣдователи и знатоки нашихъ древностей и на основаніи котораго они строятъ свои заключенія о кунной гривнѣ,—самый этотъ памятникъ ясно указываетъ на сіе существенно важное различіе. Мы уже раньше видѣли, что переводъ *гривны серебра* на смоленскіе *пенязи*

не былъ принять въ окончательной *Готландской редакціи договора*. Прежде всего мы должны согласиться съ тѣмъ, что если гривна серебра уравнена въ договорѣ съ 4 гривнами кунъ, то, очевидно, послѣднія берутся по нормальному смоленскому вѣсу, ибо въ противномъ случаѣ придется признать, что Смольняне хотѣли надуть Нѣмцевъ и, притомъ, надуть самымъ грубымъ образомъ: давать имъ вмѣсто фунта серебра такіе четыре слитка, которые въ своей совокупности не составляютъ фунта; но, очевидно, нѣмцы не могли бы поддаться такому грубому обману ⁸⁸⁾. Итакъ, въ договорѣ гривна серебра переводится на смоленскія гривны кунъ по ихъ нормальному, четвертному вѣсу, но если дѣло только въ вѣсѣ, то нельзя понять, почему на Готландѣ не приняли такой переводъ: не все-ли равно—получить фунтъ цѣликомъ или по вѣсу четыре четверти фунта? Ясно, что дѣло здѣсь въ достоинствѣ самаго металла.

Каково было достоинство куннаго серебра въ эпоху Мстислава договора,—это можетъ быть объяснено на основаніи одного памятника, который приводится здѣсь цѣликомъ:

«Такоже и по бесъсудной грамотѣ точное серебро безъ. 10 золотникъ, а взяти свѣса; а грам(о)та суднамъ и бесуднамъ по тому же серебру по точному безъ. 10 золотникъ».—

Эта статья находится въ сборникѣ XIII вѣка отпечатанномъ во 2-й части Русскихъ Достопамятностей, редакторомъ которой былъ г. Дубенскій; статья включена въ предисловіе упомянутаго договора ⁸⁹⁾.

По этой статьѣ объясняется отношеніе серебра къ кунамъ не только для одной *безсудной* грамоты, т.-е. Мстиславовой, но и для грамоты *судной*, т.-е. и для Правды Русской ⁹⁰⁾. *Точное серебро* есть, очевидно, ни что иное, какъ *серебро чистое*, безъ примѣси, и выраженіе: «*точное серебро безъ 10 золотникъ*» не можетъ относиться ни къ чему иному, какъ именно къ содержанію чистаго серебра въ смѣшанномъ съ лигатурой, какъ то и объясняетъ Дубенскій ⁹¹⁾.

Редакція приведенной статьи не отличается ясностью, — изъ нея можно вывести, что означенный вычетъ 10 золотниковъ относится именно къ смоленской кунной гривнѣ: «*по бесъсудной грамотѣ* (т.-е. по договору 1229 года) точное серебро безъ 10 зо-

лотникъ...»; слѣдственно, при такомъ пониманіи этого разсчета, можно утверждать, что въ смоленской гривнѣ кунъ этого времени было всего около *четырнадцати* золотниковъ чистаго серебра. Но такъ-ли это? Будетъ-ли вѣренъ такой выводъ?

На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ: разсматриваемая статья начинается словомъ *«также»*; это слово указываетъ на связь послѣдующаго съ предшествующимъ, но, между тѣмъ, то, что предшествуетъ нашей статьѣ въ текстѣ договора, никоимъ образомъ не можетъ быть приведено съ нею въ связь. Мы разумѣемъ вступительныя слова договора: *«А что ся в кое вѣре начше дѣяти.....И по семь времени будущи»*. Итакъ, мы должны обратиться къ первой части *Сборника*, о которомъ здѣсь рѣчь, и тамъ поискать того, съ чѣмъ бы можно было привести въ связь нашу статью: иначе она представится совершенно излишнею вставкою въ договоръ, безцѣльно разорвавшюю связь вступленія съ послѣдующей статьей: *«Къ кому си.....»*

Извѣстно, что весь *Сборникъ*, въ которомъ находится разсматриваемый расчетъ *точного серебра*, раздѣляется на двѣ части: на *грамоту судную*, въ которую включена и Правда Русская, и на *грамоту безсудную*, куда отнесенъ Мстиславовъ договоръ.

Въ концѣ *судной грамоты* находится постановленіе, совершенно подробное вставкѣ Мстиславова договора; вотъ оно: *«А что по судну (о) ѿ грамотъ по оутягательной, а то точное серебро безъ ѿ золотнѣ»* (стр. 239). Ясно, что *«также»*, поставленное въ началѣ разсматриваемой статьи *безсудной грамоты*, указываетъ ни на что иное, какъ именно на это постановленіе *грамоты судной*, на заключительныя ея слова,

Такимъ образомъ, качество смоленскаго куннаго серебра въ разсматриваемой статьѣ Мстиславова договора уравнивается съ качествомъ кунъ всѣхъ другихъ русскихъ областей этого времени. Мы полагаемъ такъ потому, что не видимъ никакого основанія считать *Сборникъ* смоленскимъ и, стало-быть, думать, что составитель его имѣлъ въ виду исключительно смоленское кунное серебро и его качество.

Но—извѣстно, что смоленскій кунный вѣсъ по основной вѣсовой единицѣ былъ тотъ же, что и въ Новгородѣ; если возъ-

мемъ новгородскую гривну кунъ и вычтемъ изъ нея 10 золотниковъ примѣси, то получимъ около 38 золотниковъ чистаго металла, а это составитъ 76-ю пробу, для полученія которой изъ смоленской кунной гривны, или четверти 96-ти золотниковаго *новгородскаго* фунта, придется вычестъ не 10, а только 5 золотниковъ, оставивъ такимъ образомъ, 19 золотниковъ чистаго серебра. Это-то 76-ю пробу и устанавливаетъ статья Мстиславова договора: «*Также и по бесъсудной....*»; эта же проба, замѣтимъ кстати, соответствуетъ на самомъ дѣлѣ достоинству нашихъ древнихъ *гривенъ*, или слитковъ вѣсомъ около 48 золотниковъ ⁹¹⁾.

Послѣ сказаннаго ясно, почему Нѣмцы не желали принимать четырехъ смоленскихъ гривенъ кунъ вмѣсто фунта чистаго серебра: иначе они должны бы были довольствоваться 76 золотниками вмѣсто 96-ти, или полнаго фунта ⁹²⁾.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о *цѣнѣ* гривны въ разное время. Говоря о цѣнѣ гривны, безъ сомнѣнія, должно говорить объ отношеніи *гривны кунъ*, т.-е. ходячей монеты, къ серебру и золоту, — вопросъ при томъ состояніи, въ которомъ находятся источники для его рѣшенія, при скудости и отрывочности извѣстій по этому предмету,—трудный, неудоборѣшимый, но тѣмъ не менѣе изслѣдователь *гривенной* системы, денегъ Русской Правды, не имѣетъ права обойти его. Мы, однако, никакъ не смѣемъ думать рѣшить этотъ вопросъ, но надѣемся, что, быть можетъ, наши объясненія подлежащихъ источниковъ хоть нѣсколько подвинутъ это рѣшеніе—по крайней мѣрѣ въ смыслѣ болѣе правильнаго пониманія этихъ скудныхъ, отрывочныхъ извѣстій.

Издатели Правды говорятъ, что цѣна гривны кунъ мѣнялась такъ: при Ярославѣ I гривна серебра равнялась по цѣнѣ 2 гривнамъ кунъ, а при Владимирѣ Мономахѣ— $7\frac{1}{2}$ ⁹³⁾. Выше было видно, что сравненіе пеней Олегова договора съ пенями Ярославовой Правды даетъ возможность предположить, что въ гривнѣ серебра при Ярославѣ было дѣйствительно около 2 гривенъ кунъ; теперь, послѣ сдѣланнаго нами вывода, что подъ словомъ «*гривна*» безъ означенія должно разумѣть гривны кунъ, такое предположеніе получаетъ полную очевидность: пени Правды, сравниваемые съ 5 литрами Олегова договора, опредѣлены въ 12 *гривенъ*, стало

быть въ 12 *гривенъ кунъ*. Что касается до 7½, какъ цѣны времени Мономахова, то эта цифра также не лишена основанія.

Существуетъ одно постановленіе «о безчестіи», присоединенное къ такъ называемому *Судебнику Константинову*; это постановленіе, какъ кажется, въ самомъ дѣлѣ можетъ бросить свѣтъ на опредѣляемое отношеніе, хотя нѣкоторые писатели и затрудняются считать его основаніемъ для опредѣленія цѣны гривны, признавая его неудобопонятнымъ. Но большинство ученыхъ, напротивъ, не обходятъ этого постановленія, не смущаясь темнотой его редакціи: если Погодинъ выразился противъ статьи «о безчестіи», то за нее можно выставить не менѣе почтенныя въ наукѣ имена Бѣляева, Лешкова, Казанскаго, Прозоровскаго. Въ самомъ дѣлѣ, неудобопонятность редакціи памятника скорѣе возлагаетъ на изслѣдователя обязанность истолкованія, чѣмъ даетъ ему право отвергать этотъ памятникъ въ смыслѣ источника ⁹⁴).

Вотъ это постановленіе:

«А за безчестную гривну золота, аже будетъ бабабыла въ золотѣ и мати, взяти ему .Ѳ. гривенъ за гривну золота; аже будетъ баба (была) въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра полъ осмы гривны кунъ» ⁹⁵).

Казанскій принимаетъ иное чтеніе, а именно:

«За безчестную, гривну золота, аще будетъ баба была въ золотѣ имати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота, аще будетъ баба не была въ золотѣ» ⁹⁶).

Хотя этотъ писатель, принимая такое чтеніе, и ссылается на Троицкій списокъ и *списки* Русской Правды, въ которые включена эта статья, но ссылку его нельзя признать удачною: указанные имъ списки не даютъ никакого права на такое чтеніе и на сдѣланный на основаніи этого чтенія выводъ, что 50 *гривенъ кунъ* были менѣе 1 *гривны золота* (*ibidem*). Вотъ соединенный текстъ статьи по Троицкому списку и по списку Погодинскому Русской Правды:

«А за безчестную (за бещестную) гривну золота, аже (аще) будетъ баба была въ золотѣ и мати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота, аже (аще) будетъ баба не была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти (ему) гривна серебра, а за гривну серебра полъ осмы (польосми) гривны (вривнѣ)» ⁹⁷). Ясно,

что смыслъ статьи остается въ главныхъ чертахъ тотъ же, что и въ чтеніи основнаго текста, которымъ считается текстъ Строева въ Софійскомъ Временникѣ; отмѣны этого соединеннаго списка не имѣютъ никаго отношенія къ тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на основаніи этой статьи о цѣнѣ гривны. Кромѣ того, Казанскій совершенно произвольно читаетъ «и мати» вмѣсто «и матери», а, между тѣмъ, такое произвольное чтеніе сильно измѣняетъ смыслъ всей статьи ⁹⁸).

Такимъ образомъ, мы рѣшительно считаемъ чтеніе Казанскаго неправильнымъ, произвольнымъ, а при послѣдующемъ толкованіи статьи «о безчестѣ» за основное принимаемъ, какъ и другіе (Дубенскій, Калачевъ), чтеніе Строева, приведенное выше.

Слово «безчестная гривна», по всей вѣроятности, имѣло, какъ думаетъ и Погодинъ ⁹⁹), значеніе термина, подобно напр., словамъ: «свадебная кунница», «татинъ рубль». Эта гривна, или пеня за безчестіе, должна была уплачиваться золотомъ или серебромъ, смотря по происхожденію обиженнаго, но—при этомъ—по происхожденію его по женской линіи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что такое опредѣленіе благородства рѣшительно не въ духѣ нашего права, а потому и врядъ-ли можетъ считаться русскимъ. Но какъ бы то ни было,—смыслъ достаточно ясенъ: баба, мать въ золотѣ,—значить, что онѣ, по своему происхожденію, за безчестіе вознаграждались золотомъ, а не серебромъ. При этомъ, какъ видно изъ постановленія, могъ быть и такой случай, что баба была въ золотѣ, а мать не была: «а по матери ему не взяти золота». Что же это значить?

Повторяемъ, статья «о безчестіи» не русская, ибо русское благородство всегда считалось не по женской, а по мужской линіи, по отцу,—отчество, отечество, начало, имѣвшее столь ясное и рѣшительное выраженіе въ нравахъ древней Руси, — напр., въ между-княжескихъ отношеніяхъ и распряхъ, наконецъ,—развившееся до крайнихъ предѣловъ въ мѣстничествѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ видно будетъ далѣе, эта статья разсчитана на приложеніе, на дѣйствіе въ русскомъ обществѣ, потому что пени въ ней выражены въ русскихъ деньгахъ—на гривны кунъ (прилагалась-ли эта статья, это другой вопросъ, отъ рѣшенія котораго отказываемся).

Если такъ, то спрашивается: при господствѣ начала *благородства по отчеству* въ какомъ случаѣ подобное постановленіе, устанавливающее иное начало *благородства*, могло разсчитывать на дѣйствіе въ русскомъ обществѣ?

Очевидно, это могло быть лишь въ томъ случаѣ, въ которомъ не было дѣйствія господствующаго начала, *отчества*. Другими словами: благородство по женской линіи лишь тогда могло-бы приниматься во вниманіе, когда отецъ обезчещеннаго былъ низкаго происхожденія, но мать была благородная. Отсюда ясно, что выраженіе: *«а по матери ему не взяти золота»*, не можетъ быть объяснено въ томъ смыслѣ, что предполагаемая здѣсь *потерка* произошла потому, что мать своимъ замужествомъ унизила свое *золотое* происхожденіе; эта потеря могла быть по винѣ *бабы*, т.-е. *баба*, или *мать матери*, выпедши замужъ за чело-вѣка низкаго происхожденія передала это униженіе и дочери. Словомъ, только благородство двухъ степеней восходящихъ по женской линіи давало лицу, не имѣвшему отчества, право на высшее вознагражденіе за безчестіе, но благородство одной *бабы*, породившей мать даннаго лица въ неравномъ бракѣ если и давало нѣкоторыя преимущества этому лицу, то въ значительно меньшей мѣрѣ. Такова, очевидно, мысль разсматриваемаго закона: цѣль его—восполнить недостающее отчество, а это восполненіе происходитъ по различію *двухъ возможныхъ случаевъ* различно. Какіе же это *возможные случаи*? Счетъ начинается съ бабки, и, слѣдственно, кончается матерью даннаго лица; отсюда само собою разумѣется, что *возможное различіе* состоитъ въ томъ, что или обѣ восходящія, или только одна изъ нихъ—благородны. Относительно этихъ двухъ восходящихъ, бабы и матери, законъ долженъ былъ предусмотрѣть неблагородство только одной матери при благородствѣ бабы, ибо неблагородство бабы или совсѣмъ исключаетъ приложеніе этого закона, или, будучи восполнено послѣдовавшимъ облагороженіемъ матери, переходитъ въ отчество (женщина низкаго рода выходитъ замужъ за лицо высшаго происхожденія). Наконецъ, само собою разумѣется, что законъ, имѣющій цѣлью восполненіе недостающаго *отчества*, не могъ особо предусмотрѣть того случая, когда нѣтъ никакихъ основаній для такого восполненія, т.-е. когда *ни баба, ни мать* не были въ золо-

тѣ. Вотъ почему я полагаю, что чтеніе Строева,—безъ прибавки частицы *не*, по смыслу правильнѣе чтеній *Троицкаго* и *Погодинскаго* списковъ, которое если не *по формѣ*, то *по смыслу*—представляетъ собою прямую логическую и синтаксическую несообразность.

Слово «*безчестіе*» неизвѣстно Русской Правдѣ ¹⁰⁰), какъ ей неизвѣстны и словесныя оскорбленія, но, между тѣмъ, относительно реальныхъ обидъ Русская Правда доказываетъ, какъ чутко было русское общество ея времени къ оскорбленіямъ чести: тонкость этого чувства выразилась въ различіи реальной обиды по роду орудія, которымъ она нанесена; наконецъ, Правдѣ извѣстенъ *соромъ* въ смыслѣ весьма опредѣленнаго понятія, но всѣ эти понятія стоятъ не только въ тѣсной, но и въ исключительной связи лишь съ одной реальной обидой. Оправданіе сказанному, если оно необходимо, само собою представится въ слѣдующихъ выпускахъ настоящаго изслѣдованія, гдѣ будутъ разсматриваться подлежащія статьи нашего памятника.

Какъ только появляется въ нашихъ законахъ опредѣленіе о словесной обидѣ, такъ вмѣстѣ съ нею появляется и слово «*безчестіе*», какъ родовое понятіе всякихъ обидъ, реальныхъ и словесныхъ; въ самомъ дѣлѣ: въ первый разъ словесная обида предусматривается въ первомъ *мстномъ законѣ*, въ Двинской Уставной грамотѣ 1398 года; вмѣстѣ съ этимъ, въ той же статьѣ грамоты появляется и «*безчестіе*» въ указанномъ родовомъ значеніи. Вотъ эта статья: «А кто кого *излаетъ* боярина или до крови ударить, или на немъ синева будутъ: и намѣстницы судятъ ему *по его отечеству безчестіе; такоужь и служь*» ¹⁰¹). Это совпаденіе «*безчестія*», хотя и въ родовомъ смыслѣ «*обиды*»,—и *лая*, словесной обиды, наводитъ на мысль: не потому-ли въ Русской Правдѣ мы не встрѣчаемъ слова «*безчестіе*», что этотъ памятникъ не признаетъ словесныхъ обидъ, *лая*? Понятіе безчестія тогда замѣняетъ собою древнее понятіе *обиды*, имѣвшее въ Правдѣ общее и весьма широкое приложеніе, когда окончательно уясняется и, какъ таковая, предусматривается въ законѣ оскорбительность брани, *лая*, такъ-что *безчестіе* является въ извѣстномъ смыслѣ понятіемъ болѣе широкимъ, чѣмъ древняя *обида*, и, какъ таковое, усвоится позднѣйшими законодательными памятниками, Ц. Судебникомъ и Уложеніемъ.

Но такъ-какъ это понятіе является *только* вмѣстѣ съ развитіемъ понятія обиды словесной, то, какъ кажется, можно не безъ основанія предположить, что преобладающимъ смысломъ *безчестья* первоначально было именно оскорбленіе словомъ, т.-е. такая обида, которой въ Правдѣ мы не встрѣчаемъ; по крайней мѣрѣ, въ языкѣ позднѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, несмотря на общее родовое значеніе *безчестья*, глаголь *обезчеститъ* въ большинствѣ случаевъ, хотя и не всегда, сопровождается обстоятельною прибавкою: *«словомъ»*, такъ-что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эта прибавка опущена, въ глаголь *обезчеститъ*, по самому смыслу законоположенія, по связи его съ предшествующими однопредметными, необходимо предположить ни что иное, какъ *оскорбленіе словомъ*; между тѣмъ, реальныя обиды всегда выражаются словами, означающими опредѣленное дѣйствіе: *зашибитъ, замахнется, ударить*. Въ Уложеніи, напр., встрѣчается цѣлый рядъ статей о *безчестьи*, причемъ словомъ «безчестье», «*обезчеститъ*», стоящимъ какъ-бы въ надписаніи *указа*, въ постановленіяхъ, послѣдующихъ за этимъ надписаніемъ дается, смыслъ именно *оскорбленія словомъ*:

«А будетъ кто кого *чьмъ обезчеститъ*, и за *безчестіе* чинити указъ: будетъ Бояринъ или Окольникій, или Думной человѣкъ *обезчеститъ словомъ* Патріарха: и за *Патріарше безчестіе* Боярина и Окольничаго, и Думнаго человѣка по сыску отослати къ Патріарху головою. А будетъ Бояринъ или Окольникій, или Думной человѣкъ *обезчеститъ словомъ* Митрополита или Архіепископа, или Епископа: и за *Митрополиче, и за Архіепископле, и Епископле безчестіе* платити Митрополиту за *безчестіе* чотыреста рублевъ и т. д.» ¹⁰²⁾ Все-го лучше это словоупотребленіе отбѣнено въ статьѣ о поведеніи сторонъ на судѣ,—въ этой статьѣ брань называется «*обезчеститъ словомъ*», «*обезчеститъ неприложимъ словомъ*», а оскорбленія дѣйствіемъ выражаются словами, опредѣляющими самое дѣйствіе: «...А будетъ предъ судьями истецъ или отвѣтчикъ межъ себя побранятъ, кто кого изъ нихъ *обезчеститъ неприложимъ словомъ*: и того, кто предъ судьями, кого *обезчеститъ словомъ*... посадити въ тюрьму на недѣлю, а кого онъ *словомъ обезчеститъ*, и тому велѣти на немъ доправить *безчестіе* по указу. А будетъ кто кого предъ судьями съ дерзости *рукою зашибетъ, а не ранитъ... замахнется* и т. д.» ¹⁰³⁾.

Если же слѣды такого преобладающаго значенія *безчестія*, какъ словесной обиды, ясны въ Уложеніи, то легко можетъ быть, что въ эпоху Русской Правды самое слово «*безчестіе*» въ отличіе отъ «*обиды*», стѣсненной узкими рамками оскорбленія дѣйствіемъ, означало преимущественно словесную обиду, понятіе которой такимъ образомъ мало-по-малу проникало въ правосознаніе русскаго общества изъ чужихъ краевъ, пока, наконецъ, чувство обиды не распространилось на болѣе широкую область, и древній терминъ замѣнился равносильнымъ, но по своему историческому значенію болѣе обширнымъ терминомъ «*безчестіе*»: результаты этого процесса видимъ въ первомъ мѣстномъ законѣ конца XIV вѣка, открывшимъ собою рядъ другихъ мѣстныхъ законовъ, которые въ концѣ концовъ замѣнили древнее обычное право Правды Русской и подготовили законодательство Судебниковъ и за ними Уложеніе.

Та идея обиды, которая выразилась въ Правдѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ отдѣляется по общественному положенію обиженнаго или его присныхъ: таково различіе *въ вирѣ*, таково же оно и *въ продажѣ за истязанія*. Стало быть, во всякомъ случаѣ въ Правдѣ въ ходѣ ея историческаго роста выразилось то начало, что чувствительность обиды увеличивается или ослабляется, смотря по положенію обиженнаго въ обществѣ. Если это выражается въ Правдѣ не всюду, то причиною тому самая древность этого драгоценнаго памятника, который носитъ на себѣ печать первичнаго общественнаго равенства, хотя и представляетъ позднѣйшія наслоенія общественныхъ различій, возникавшихъ съ развитіемъ государства и общества и все болѣе и болѣе отдалявшихъ позднѣйшихъ нашихъ предковъ отъ доисторическаго родового равенства. Такимъ образомъ, различіе чувствительности обиды—явленіе послѣдующее; при этомъ очевидно, что новое понятіе объ оскорбительности *лая* должно было проникнуть прежде всего въ высшіе классы общества и явиться, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и явилось въ Двинской грамотѣ, въ тѣсной связи съ *отчествомъ*, съ *благородствомъ*, а затѣмъ уже въ Судебникѣ, это понятіе, такъ сказать, *очерняется*, спускаясь до крестьянства ¹⁰⁴).

Приведенное постановленіе древней Двинской грамоты, говоря о *безчестіи*, указываетъ на бояръ и на слугъ: «...*такожь и слугъ*». *Слугами* назывались всѣ остальные служилые люди, кромѣ бояръ,

тѣ, кто составляли младшую дружину княжескую, а въ послѣдствіи составили классъ *дворянъ и дѣтей боярскихъ*; на служебную и только служебную зависимость такихъ *слугъ*, на ихъ дружинное значеніе указываетъ обычное упоминаніе ихъ наряду съ боярами, какъ, напр., въ извѣстномъ выраженіи междукняжескихъ договорныхъ грамотъ: «а боярамъ и *слугамъ* межи насъ *вольнымъ* воля» это *слуги* вольные въ отличіе отъ такъ называемыхъ *слугъ подѣ дворскимъ* и княжескихъ холоповъ. Изъ сказаннаго ясно, что упоминаніе Двинской грамоты о *слугѣ* наряду съ *бояриномъ* указываетъ именно на *служилого человека*: значить, все постановленіе «о *безчестіи*» опредѣляетъ лишь права тѣхъ лицъ, которые имѣютъ *отчество*.

Законы, а въ особенности древніе, появляются лишь вслѣдствіе вполне опредѣлившейся потребности въ средѣ общества, вполне развившейся идеи, дѣйствовавшей въ обществѣ гораздо ранѣе своего высшаго уложенія и потребовавшей такого уложенія именно въ силу самого своего развитія. Поэтому, какъ кажется, можно предположить, что идея *безчестія* въ той области своего приложенія, въ которой мы ее видимъ въ древней Двинской грамотѣ, появилась и постепенно развивалась гораздо ранѣе конца XIV вѣка; она совпадаетъ по времени своего проявленія съ эпохою полного дѣйствія и полной силы Правды Русской, долгое время живетъ въ смыслѣ обычая и даже по живости своей общепризнанной правды, какъ равно и по малому количеству случаевъ своего высшаго проявленія, живетъ, не требуя быть записанною въ сборники. Но если понятіе безчестія, какъ словесной обиды, вошло въ русскій бытъ, ставъ на первыхъ порахъ въ тѣсную связь съ благородствомъ *по отчеству*, то, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ нимъ вошло и то понятіе безчестія, оскорбительность котораго обоснована не русскимъ началомъ *благородства по женской линіи*; привилось-ли или нѣтъ это начало, не знаемъ, но на лицо законъ, проводящій его и, очевидно, рассчитанный на приложеніе въ средѣ русскаго общества. Въ этомъ законѣ та же идея, только выраженная относительно другаго начала, а языкъ и самый даже счетъ денежный указываетъ намъ на время раньше появленія перваго мѣстнаго закона. Языкъ и денежный счетъ послѣдняго уже замѣтно отделились отъ языка и счета Правды и приближаются къ

выраженіямъ позднѣйшихъ памятниковъ, Московской Руси, не говоря уже о содержаніи нѣкоторыхъ законоположеній, сходныхъ съ послѣдующими московскими порядками, въ которыхъ не слышенъ болѣе голосъ старой Правды Кіевской Руси ¹⁰⁵).

Такимъ образомъ, статья «О безчестіи» появилась въ то время, когда понятіе *безчестія* было чувствительно еще только въ высшихъ слояхъ древне-русскаго общества; въ слѣдствіе этого, само собою разумѣется, что въ этой статьѣ, по самому смыслу, не могло быть упомянуто о безчестіи такого лица, которое ни по бабѣ, ни по матери не могло *взяти золота*: еще новый доводъ въ пользу чтенія Строева и противъ признаннаго Казанскимъ, чтенія списковъ *Троицкаго* и *Погодинскаго*. Повторяемъ,—*безчестіе* въ первоначальномъ тѣсномъ смыслѣ *лая, словесной обиды* считалось оскорбительнымъ лишь относительно *благородныхъ*, какое бы начало ни было положено въ основу благородства, исконное-ли, господствующее начало *отчества* или, такъ-сказать, дополнительное—*материнства*.

Слѣдую сказанному, предполагаемъ, что, быть можетъ, слово «*безчестіе*» въ правовѣдномъ языкѣ нашей старины въ первый разъ появилось именно въ разсматриваемой статьѣ, которая по своему составу, кажется, бесспорно древняя, хотя и дошла до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ, частію, какъ видно было выше, искаженныхъ своими писцами.

Разсматриваемая статья «О безчестіи», посильнымъ уясненіемъ смысла которой мы такъ долго утруждали вниманіе читателя, рассчитана на приложеніе къ русской жизни; это согласованіе съ русскою жизнью видно изъ того, что счетъ на золото и серебро въ ней переведенъ на русскія *куны*, такъ какъ выраженіе: «*взяти ему. ѿ гривень за гривну золота*» должно понимать, согласно сказанному выше о гривнахъ безъ означенія,—такъ: «*взять ему вмѣсто 1 гривны золота 50 гривень кунъ*». Кромѣ того, это ясно и изъ смысла самаго постановленія, которое, такимъ образомъ, само можетъ служить еще однимъ доказательствомъ того, что слово «*гривна*» безъ означенія въ нашихъ древнихъ памятникахъ должно понимать, какъ «*гривна кунъ*». Въ самомъ дѣлѣ: разсматриваемое постановленіе, между прочимъ, представляетъ расчетъ, по которому пени опредѣляются въ *болѣе удобныхъ суммахъ*:

иначе цѣль такого расчета понять нельзя,—для чего иначе онъ могъ быть сдѣланъ, какъ не съ цѣлью перевести пени въ болѣе удобныя для плательщика суммы? Но какой изъ всѣхъ трехъ, здѣсь упомянутыхъ счетовъ долженъ быть признанъ самымъ удобнымъ: на золото, на серебро, или на кунъ?—очевидно, на кунъ, ибо и серебро переводится также на этотъ счетъ: «а за гривну серебра полгосмы гривны кунъ». Если же, далѣе, было извѣстно, во 1-хъ) сколько въ гривнѣ золота—гривень серебра (по цѣнѣ и предполагая, что 50 гривень есть 50 гривень серебра, а не кунъ) и во 2-хъ) сколько въ гривнѣ серебра содержится (по цѣнѣ) гривень кунъ,—то, очевидно, легко было рассчитать и то, сколько въ гривнѣ золота должно быть гривень кунъ, а потому еслибы 50 гривень статьи были-бы гривнами серебра, то и онѣ, согласно цѣли постановленія—облегчить, сдѣлать болѣе удобными платежи пеней, тоже были бы рассчитаны на кунъ: иначе было бы введено совершенно-ненужное разнообразіе въ счетѣ. Итакъ, и гривень нашего постановленія есть именно 50 гривень кунъ.

Таковъ смыслъ разсматриваемаго постановленія «О безцестѣ». Кажется, инаго ему придать нельзя, а если такъ, то оно совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, настолько, сколько это надобно для нашей цѣли—опредѣленія цѣны гривны. Это опредѣленіе цѣны гривны (т.-е. гривны кунъ)—на основаніи статьи «О безцестѣ»—будетъ таково: гривна кунъ въ то время, къ которому принадлежить статья, относилась къ гривнѣ серебра, какъ 1: $7\frac{1}{2}$, а къ гривнѣ золота, какъ 1: 50.

Какъ кажется, на основаніи имѣющихся данныхъ можно приблизительно указать, къ какому времени относится это измѣненіе цѣны гривны кунъ сравнительно съ Ярославовымъ отношеніемъ $2\frac{2}{5}$: 1.

Цѣна гривны серебра также не оставалась неизмѣнною. Это можно видѣть изъ слѣдующаго: какъ извѣстно, съ XIV вѣка счетъ рублями замѣняетъ старый счетъ гривнами, при чемъ рубль соотвѣтствуетъ древней гривнѣ серебра. Что рубль соотвѣтствовалъ дѣйствительно старой гривнѣ серебра, а не кунъ, это видно изъ свидѣтельствъ древнихъ памятниковъ; такъ, въ одной ружной записи XVI вѣка на рубли переводятся именно гривны серебра Всеволодова Устава 1134—1135 года; кромѣ того, если сравнимъ

два списка Всеволодова Устава, древнѣйшій—*Троицкій* и позднѣйшій—*Императорской Публичной Библиотеки*, то соотвѣтствіе *гривны серебра* рублю будетъ внѣ сомнѣнія: по *Троицкому* списку Владыкъ Новгородскому за совершеніе литургіи въ день Рождества св. Іоанна Предтечи полагается *гривна серебра* и сукно Ипское, а Юрьевскому архимандриту за совершеніе литургіи на попразднество (25 Іюня) и Антоньевскому игумену за совершеніе литургіи 26 іюня—*по полурипнѣ серебра*. По списку *Императорской Публичной Библиотеки*, Владыкъ опредѣляется *рубль*, Юрьевскому архимандриту—сукно Ипское, а Антоньевскому игумену—*полтина* ¹⁰⁶).

Мнѣніе о соотвѣтствіи (а не о равенствѣ) рубля гривнѣ серебра можетъ считаться вообще установившимся въ нашей исторической наукѣ ¹⁰⁷), а между тѣмъ, сравненіе упомянутой ружной записи со Всеволодовымъ Уставомъ доказываетъ, что рубль XVI вѣка сравнительно съ гривною серебра XII вѣка уменьшился болѣе, чѣмъ вдвое ¹⁰⁸).

Вообще древнерусскія деньги съ ходомъ исторіи постепенно обезцѣниваются. Это видно и изъ выведенной выше разницы отношеній гривны кунъ къ серебру при Ярославѣ и послѣ, а равно это доказывается и позднѣйшими свидѣтельствами памятниковъ, которыя будутъ разсмотрѣны далѣе; изъ этихъ свидѣтельствъ будетъ видно, что послѣдующія отношенія были болѣе, чѣмъ 1: 7½.

Безъ сомнѣнія, далѣе, колебанія въ этомъ отношеніи не только могли быть, но и бывали: *новыя куны*, какъ видно было въ предшествующей главѣ, иногда бывали цѣннѣе старыхъ или по пробѣ, или же по вѣсу сплава, но эти колебанія скоро вовсе исчезаютъ и, какъ кажется, не идутъ далѣе первой четверти XIII столѣтія; напротивъ, уменьшеніе гривны идетъ постепенно до тѣхъ поръ, пока наконецъ гривна не обращается въ мелкую монету, не обезцѣнивается до послѣдней степени. Такимъ образомъ, упомянутыя колебанія были, какъ кажется, лишь исключеніями изъ общаго правила, имѣли характеръ временный, а можетъ быть, къ тому же, и мѣстный.

Если такъ уменьшалась гривна кунъ, то также, по всей вѣроятности, уменьшалась и гривна серебра, пока наконецъ въ XVI вѣкѣ не достигла половины своей прежней величины. Само собою

разумѣется, что ея уменьшеніе было сравнительно съ золотомъ, ибо по отношенію къ *кунамъ* она, напротивъ, увеличилась. А между тѣмъ, изъ одного лѣтописнаго извѣстія, какъ кажется, можно заключить, что въ половинѣ XII вѣка въ гривнѣ золота содержалось отъ 16 до 17 (именно— $16\frac{2}{3}$) гривенъ серебра.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 годомъ сказано: «...иде Святославъ (Ольговичъ) къ Осетру, и ту отступи его Иванко Берладникъ къ Ростиславу Смоленскому, возьмъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривенъ золота»¹⁰³⁾.

Частица «же», или полное «оже», «еже» въ памятникахъ древности значить и *если*, и *что*¹¹⁰⁾; съ прибавленіемъ глагольной формы *есть* эта частица получаетъ изъяснительное значеніе: «*что есть*», собственно: «*которое есть*», а это въ послѣдствіи обратилось въ «*то есть*», при чемъ слѣдъ этого сродства двухъ означенныхъ выраженій виденъ въ употребленіи въ нашемъ языкѣ союзовъ *что* и *то* въ изъяснительномъ смыслѣ одинаково: «*что значитъ*»—«*то есть* (значить)»; напр: «Внемлите себѣ отъ кваса фарисейска, *еже есть* лицемѣріе» можетъ быть передано на нашемъ языкѣ или: «храните себя отъ фарисейской закваски, *что значитъ* лицемѣріе», или: «...*то есть* (*которая есть*) лицемѣріе»; вмѣстѣ съ тѣмъ, «*оже*» (аже) въ памятникахъ замѣняетъ иногда «или»; по крайней мѣрѣ, примѣры такой замѣны представляетъ намъ Русская Правда¹¹¹⁾. Что касается приведеннаго мѣста Ипатьевской лѣтописи, то «*же*» здѣсь, очевидно, можетъ быть употреблено вмѣсто «или» только въ смыслѣ изъяснительномъ; въ томъ же смыслѣ оно можетъ быть употреблено и вмѣсто «*что (то)*». Такимъ образомъ, если принять «*же*» Ипатьевской лѣтописи за «*еже (есть)*», то получится такой смыслъ: «...200 гривенъ серебра, *еже есть (то есть, или) 12 гривенъ золота*». Но далѣе—частица «*же*» и до сихъ поръ въ малороссійскомъ и польскомъ языкахъ употребляется вмѣсто «*что*»: слѣдственно, мы имѣемъ полное основаніе отождествлять «*же*» съ «*еже*». Однако, тотъ же драгоценный памятникъ нашей древней письменности, Правда Русская, въ одномъ изъ древнихъ *распространенныхъ* списковъ употребляетъ частицу «*же*» тамъ, гдѣ въ краткомъ спискѣ стоитъ «*тъ же*» (см. *уроки вирный по Акад. и Тр*), т.-е. употребляетъ эту частицу въ смыслѣ *также*, что въ приве-

денномъ текстѣ Ипатьевской лѣтописи тоже не испортило бы смысла, но надо принять во вниманіе, что *урокъ вирный*, какъ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, не можетъ быть истолкованъ удовлетворительно иначе, какъ принимая *«тѣ же»* Акад. и *«же»* Троицкаго списковъ за *«оже»* въ смыслѣ *«или»* (здѣсь *раздѣлительнаго*); къ тому-же въ другомъ древнѣйшемъ спискѣ *распространенной Правды*, въ *Синодальномъ* XIII вѣка, находимъ въ *урокѣ вирномъ* вмѣсто *«тѣ же»* и *«же»* — *«оже»* ¹¹²⁾.

Быть можетъ, далѣе, на изяснительное значеніе частицы *же* Ипатьевской лѣтописи указываетъ и вариантъ приведеннаго извѣстія по Воскресенской лѣтописи: *«...а 12 гривень злата»* ¹¹³⁾, такъ какъ союзъ *а* въ нашемъ старинномъ языкѣ означалъ и *изясненіе*; напр.: *«Азъ, господине, ту грамоту... писалъ, а рука моя»* или: *отецъ моего брата, а мой отчимъ* ¹¹⁴⁾.

Если принять такое толкованіе приведеннаго извѣстія лѣтописей, то получимъ указанное выше отношеніе серебра къ золоту: 1: 16 или 1: 17, по которому цѣна серебра сравнительно съ цѣною его по статьѣ *«О безчестъ»* ($7\frac{1}{2}$: 50 = (около) 7-ми) уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. Такое уменьшеніе показываетъ, что статья *«О безчестъ»* принадлежитъ къ болѣе раннему времени, нежели событіе, описанное въ лѣтописяхъ подъ 1146 годомъ. Другими словами: статья *«О безчестъ»* съ ея расчетомъ золота, серебра и кунъ могла возникнуть не позднѣе первой половины XII столѣтія, а весьма возможно, что и въ первой его четверти, т.-е. при Мономахѣ ¹¹⁵⁾. Кромѣ того, современность этой статьи, какъ и вообще всѣхъ *дополнительныхъ* статей къ *Судебнику Константину*, съ *Правдой Русской*, признается и въ нашей историко-юридической литературѣ ¹¹⁶⁾. Это признаніе основывается на содержаніи статьи, которое, какъ выше было видно, въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наиболѣе сходства съ *Правдой*, чѣмъ съ самымъ ближайшимъ къ ней мѣстнымъ закономъ, гдѣ уже отражается новый, московскій пошибъ, новыя, московскія понятія.

Выше было сказано о постепенномъ пониженіи нашихъ древнихъ кунныхъ гривень; эта постепенность сама по себѣ совершенно-естественна, ибо только путемъ постепеннаго паденія древняя гривна—полуфунтъ могла въ концѣ концовъ обратиться въ мелкую монету, незначительную единицу позднѣйшей *рублевой* си-

стемы, но, кромѣ того, эту постепенность, какъ кажется, можно до нѣкоторой степени раскрыть на основаніи нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, изслѣдованіе коихъ подтвердить и предположеніе о древности статьи «*О безчестѣ*» съ ея отношеніемъ кунъ къ серебру (1: $7\frac{1}{2}$).

Первое изъ лѣтописныхъ извѣстій, на основаніи котораго можно судить и въ самомъ дѣлѣ судятъ объ отношеніи кунъ къ серебру, есть извѣстіе новгородскихъ лѣтописей о голодѣ 1230 года. Это извѣстіе подало поводъ къ ученому спору относительно занимающаго насъ вопроса. *Карамзинъ* на основаніи его выводитъ, что новгородская гривна кунъ въ это время составляла $\frac{1}{7}$ часть гривны серебра ¹¹⁷⁾; этотъ выводъ основанъ на вариантѣ позднѣйшаго списка Новгородской Первой лѣтописи, *Академическаго*, въ которомъ выраженіе: «*по 7 гривенъ*» стоитъ на мѣстѣ выраженія: «*по гривенъ серебра*» харатейнаго *Синодальнаго* списка той же лѣтописи ¹¹⁸⁾.

Возражая *Карамзину*, *Погодинъ* счелъ обозначеніе цѣны *Синодальнаго* списка просто ошибкой и принялъ вариантъ *Академическаго* списка назвавъ его «*вѣрнымъ вариантомъ младшаго списка*». Дѣло въ томъ, что *гривна серебра Син.* и *7 гривенъ (кунъ) Акад.* означаютъ цѣну $\frac{1}{4}$ кади ржи; цѣлая же кадъ въ томъ же извѣстіи—хотя, какъ видно будетъ далѣе,—и при другихъ обстоятельствахъ, значительно измѣняющихъ дѣло, опредѣлена, по счету *Погодина*, цѣною «*около 30 гривенъ (кунъ)*»: слѣдственно, выводитъ *Погодинъ*, вариантъ *Акад.* выражаетъ весьма вѣрно цѣну $\frac{1}{4}$ кади ржи, когда цѣлая стоила около 30 гр. ($3\frac{3}{4} = 7\frac{1}{2}$), а *гривна серебра* есть просто ошибка *Син.*, на основаніи которой нельзя дѣлать никакого вывода объ отношеніи кунъ къ серебру въ 1230 году ¹¹⁹⁾.

Разсмотримъ повнимательнѣе это извѣстіе новгородскихъ лѣтописей.

Прежде всего, изъ сравненія записи подъ 1230 годомъ по харатейному *Синодальному* списку, первой половины XIV вѣка, и по позднѣйшему—*Академическому*, нельзя не убѣдиться въ томъ, что записъ послѣдняго замѣтно подновлена относительно языка: въ этомъ видно умствованіе позднѣйшаго писца, далеко не съ такимъ благоговѣніемъ относившагося къ буквѣ древняго подлинника, какъ, напр., суздальскій мнихъ XIV вѣка относился къ *вет-*

мнѣмъ книгамъ древней Кіевской лѣтописи, а при такомъ отношеніи къ дѣлу нѣтъ ничего мудренаго, что цѣну четверти ржи онъ обозначилъ по другому источнику просто потому, что она ему, какъ въ наше время Погодину, показалась болѣе сообразной съ обозначенною цѣною цѣлой кади. Что это обозначеніе цѣнъ, по варианту *Акад.*, не могло быть въ древнемъ подлинникѣ, по которому въ первой половинѣ XIV вѣка списана Новгородская Первая лѣтопись, доказывается тѣмъ, что оно совершенно несходно съ обозначеніемъ *Синод.* Въ самомъ дѣлѣ: эти два обозначенія не только не сходны въ цѣнѣ четверти кади, но они несходны въ цѣнѣ хлѣба (печенаго),—въ *Синод.* цѣна хлѣба обозначена въ 1 гривну, а въ *Акад.*—въ $\frac{1}{2}$ гривны, такъ—что, скажемъ кстати, если принять вмѣстѣ съ Карамзинымъ равенство 7 гривенъ кунъ *Акад.* одной гривнѣ серебра *Синод.*, то придется принять и равенство единицы половинѣ... Съ другой стороны, обозначеніе цѣнъ (второе) *Акад.* дословно повторяется, какъ увидимъ далѣе въ Новгородской Четвертой лѣтописи, а тамъ, какъ тоже видно будетъ далѣе, извѣстіе 1230 года почерпнуто изъ другаго источника сравнительно съ источникомъ Новгородской Первой лѣтописи. Итакъ, мы считаемъ второе обозначеніе цѣнъ на хлѣбъ въ 1230 году въ вариантѣ *Акад.* взятымъ изъ другаго источника, въ подлинности котораго, конечно, нѣтъ основаній сомнѣваться; но дѣло только въ томъ, что на основаніи сличенія этого варианта съ обозначеніемъ *Синод.* мы не имѣемъ никакого права выводить, подобно Карамзину, равенство 1 гривны серебра семи гривнамъ кунъ, какъ отношеніе серебра къ кунамъ на 1230 годъ. Что касается вывода Погодина, то я возражу противъ него всѣмъ послѣдующимъ разсмотрѣніемъ извѣстія новгородскихъ лѣтописей о голодѣ 1230 года.

Начну съ Новгородской Первой лѣтописи (по *Синод.* списку):

«... Изби мразъ на Вздвиженіе честнаго хреста обилѣе по власти нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ, а въ дворѣхъ по полъ-30 (*Акад.*: «а въ дворехъ ꙗе») ⁽¹²⁰⁾.

Отсюда видно, что за норму цѣны кади слѣдуетъ принимать не 25, а 20 гривенъ, ибо это была рыночная цѣна, такъ-какъ 25 гривенъ платили въ дворѣхъ, т.-е. у частныхъ лицъ, когда не было

рыночной конкуренціи: очевидно, въ лѣтописи различается покупка *въ дворяхъ* отъ покупки *не въ дворяхъ*, значить, на *торгу*. Если такъ, то, слѣдуя Погодину, уравнивающему *первое* и *второе* обозначеніе цѣнъ на хлѣбъ 1230 года, съ большимъ вѣроятіемъ заключаемъ, что $20\frac{1}{4} = 5$, т.-е. принявъ первое обозначеніе цѣны цѣлой кади дѣйствующимъ и для втораго обозначенія, цѣну четверти кади мы должны уравнивать не 7, а всего 5 гривнамъ; съ другой стороны, принимая и высшую цѣну кади, *въ дворяхъ*, мы все таки не можемъ согласиться съ Погодинымъ въ томъ, что *варіантъ младшаго списка* вѣрнѣе обозначенія списка старѣйшаго, ибо цифра 30 принята Погодинымъ совершенно произвольно вмѣсто *полтридцати*, или *двадцати пяти*; слѣдственно, если за норму принять эту цифру, цѣну кади ржи въ дворяхъ, то четверть кади должна была бы стоить все-таки не 7, а $6\frac{1}{4}$ гривенъ. Что нибудь одно: или надобно отказаться отъ толкованія Погодина, признавъ, что четверть кади почему-то, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, стоила дороже, чѣмъ слѣдовало сравнительно съ цѣною цѣлой кади, или же натянуть означенную цѣну кади по крайней мѣрѣ на 5 гривенъ или около того.

Но отказаться отъ толкованія Погодина слѣдуетъ еще и по другой причинѣ, которую обойти безъ вниманія нельзя. Послѣ приведеннаго выше *перваго* обозначенія цѣнъ на хлѣбъ 1230 года лѣтописецъ перечисляетъ различныя внутреннія новгородскія событія этого года, а затѣмъ, въ концѣ записи, снова возвращается «на горкую и бѣдную память тоя весны» (ibid. 47) и здѣсь-то и приводитъ то *второе* обозначеніе цѣнъ, которое подало поводъ къ расчету Карамзина и къ возраженію Погодина. Вотъ это обозначеніе по харатейному *Синодальному* списку съ вариантами *Академическаго*:

«... и купляхомъ (купяху) по гривнѣ хлѣбъ и побольшу (по полу гривнѣ хлѣбецъ), а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра (а кадь ржи четвертую часть по $\frac{7}{2}$ гривенъ и побольши)» ¹²¹).

Замѣтимъ кстати, что самая грамматическая форма этого послѣдняго извѣстія, по изводу харатейнаго *Синодальнаго* списка, лишаетъ изслѣдователя права отрицать обозначеніе цѣнъ по этому изводу или вводить въ него поправки: форма «*купляхомъ*», вмѣсто которой въ другихъ спискахъ, а въ ихъ числѣ и въ *Академиче-*

скомъ 2-мъ, стоитъ третье лице «*купаху*», «*купаху*», «*купаше*», указываетъ на то, что харатейный списокъ сдѣланъ прямо съ подлинника, писаннаго современникомъ событія, и при томъ сдѣланъ съ тѣмъ тщаніемъ и точностью, которыя отличали вообще составителей лѣтописныхъ сводовъ XIV столѣтія и которыя мало-помалу въ составителяхъ сводовъ и писцахъ послѣдующаго времени заглушаются любовью къ собственнымъ умствованіямъ, выводамъ, поученіямъ, любовью къ *писанію исторій* вмѣсто простаго, но тщательнаго, такъ сказать, благоговѣйнаго переписыванія, слово въ слово и буква въ букву памятниковъ нашего древняго лѣтописанія. «Отцы и братія» восклицаетъ инокъ Лаврентій, «аще будетъ что *переписахъ или недописахъ*, чтите исправлявая Бога дѣля, а не кланите, *зане книги ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ*», Вотъ образецъ того тщанія и вмѣстѣ того смиренія, съ которымъ старыя писцы свершали свое великое дѣло, благодаря чему уцѣлѣли и до насъ дошли неповрежденными памятники древне-русскаго лѣтописанія, эта святыня нашей исторіи.

Итакъ, мы вѣримъ писцу XIV вѣка, не смѣемъ отрицать свѣдѣтельствъ его свода, если не хотимъ допустить своего личнаго произвола тамъ, гдѣ мы обязаны быть лишь послушными учениками, старающимися уловить, угадать и запечатлѣть въ своей памяти истинный смыслъ вѣковыхъ уроковъ нашихъ лѣтописей.

Второе обозначеніе цѣнъ по харатейному изводу, безъ всякаго сомнѣнія, тоже фактъ, а въ послѣдствіи мы увидимъ, что оно весьма естественно примиряется со всѣми иными показаніями, съ обозначеніемъ другихъ списковъ новгородскихъ и выражаетъ лишь извѣстную стадію голода 1230 года, яснѣе другихъ показывающую тѣ размѣры, которые приняло въ концѣ концовъ это великое народное бѣдствіе.

Обращаюсь къ второму обозначенію цѣнъ по Новгородской Первой лѣтописи. Погодинъ считаетъ второе описаніе голода 1230 года, къ которому принадлежать эти вторыя цифры цѣнъ, простымъ повтореніемъ перваго, но онъ, полагая такъ, не обращаетъ должнаго вниманія на то, что лѣтописецъ въ концѣ записи употребляетъ иное выраженіе *дорогови*, чѣмъ то, которое употреблено имъ въ первомъ описаніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ описаніи лѣтописецъ обозначаетъ цѣну *полной кади ржи*, а во второмъ

цѣну *четверти кади*. Если предположить, что этимъ онъ хотѣлъ выразить тѣ же цѣны, то не понятно, для чего бы ему прибѣгать къ дробности: для чего вмѣсто цѣны цѣлой кади обозначать со-отвѣтствующую цѣну четверти; если же онъ хотѣлъ этимъ показать, что въ *продолженіи весны* сравнительно съ *началомъ* хлѣба стало въ продажѣ настолько мало, что покупали и продавали его уже не по цѣлымъ кадымъ, а по четвертямъ, то ясно, что эти послѣднія цѣны принадлежатъ ко временн большаго оскудѣнія въ хлѣбѣ, крайняго предѣла голода, а если такъ, то эти цѣны слѣдуетъ считать болѣе высокими, чѣмъ первыя, а никакъ не равными имъ. Вникая въ смыслъ обоихъ описаній голода 1230 года въ Новгородской Первой лѣтописи, въ самомъ дѣлѣ, должно придти къ тому заключенію, что оба эти описанія относятся къ разнымъ временамъ или лучше-къ разнымъ, такъ-сказать, стадіямъ весны голоднаго 1230 года, при чемъ, стадія, описанная прежде, отличалась болѣе умѣренными цѣнами на хлѣбъ: такія цѣны стояли, по всей вѣроятности, въ началѣ весны, когда было еще больше прежнихъ запасовъ; напротивъ, въ теченіе весны, когда эти запасы поистощились, хлѣбъ естественно вздорожалъ еще болѣе. Это видно, напр., и изъ сравненія цѣны печенаго хлѣба въ первомъ и во второмъ описаніи: въ первомъ эта цѣна означена въ 8 кунъ, а во второмъ въ *гривну и болше*. Если даже считать, что гривна кунъ равнялась 8 кунамъ, на что, замѣтимъ кстати, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, какъ то будетъ видно далѣе, и чего не признаютъ ни Карамзинъ, ни Погодинъ, то и тогда изъ словъ лѣтописца будетъ ясно, что второе описаніе относится ко времени болѣе *дорогой*: покупали хлѣбъ по гривнѣ *и болше*; слѣдственно, начальная норма, 8 кунъ, хотя-бы и равная гривнѣ, увеличилась. Но этого мало. Въ концѣ записи, т.-е. именно въ томъ мѣстѣ, къ которому принадлежатъ послѣднія цѣны, описывается бѣдствіе большаго размѣра, чѣмъ прежде: видно, что голодъ съ развитіемъ весны усилился до ужасающей степени. Обратимся къ лѣтописи. Въ первомъ описаніи (хлѣбъ по 8 кунъ, кадь ржи отъ 20 до 25 гривенъ кунъ) сказано, что жители отъ голода разбѣгались по *чужимъ городамъ* и переполняли ихъ, что началась сильная смертность въ Новгородѣ: трупы валяются по улицамъ растерываемые собаками. Архіепископъ Спиридонъ устраиваетъ на Прус-

ской улицѣ, у *Святыхъ Апостоловъ*, скудельницу для погребенія умершихъ и приставляетъ нѣкоего Станила свозить трупы съ улицъ въ эту общую усыпальницу; Станиль «безпрестани по вся дни влачаше и наполни до върха, иже бысть въ неи числомъ 3000 и 30».

Описаніе приводящее въ ужасъ, но это еще ничего сравнительно съ тѣмъ, что подѣялось послѣ! Голодъ видимо усилился до возможной крайности, и изъ втораго описанія узнаемъ, что стали рѣзать людей и ѣсть, пожирали трупы, обрѣзывая на нихъ мясо, пожирали конину, собакъ, кошекъ сырьемъ или изжаривши; ѣли мохъ, древесную кору, листья; пошли грабежи и поджоги: «... а иніи пакы зліи челоувѣци почаша добрыхъ людій дома зажигати, *кдѣ чююче рожь*, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ». Само собою разумѣется, что это повело къ конечному оскудѣнію хлѣбныхъ запасовъ, голодъ долженъ былъ усилиться еще болѣе, слѣдственно, и цѣна на хлѣбъ должна была увеличиться. Усиленіе голода, зараза отъ труповъ, которые, какъ сказано, употреблялись и въ пищу, увеличили смертность: появляются еще двѣ скудельницы, въ концѣ Чудинцевой улицы и на *Колѣнь, за святымъ Рождествомъ*; обѣ переполнились *безъ числа*, живые не успѣваютъ хоронить мертвыхъ; трупы валяются по улицамъ и на великомъ мосту, ихъ пожираютъ собаки. Отсюда видно, что это, второе, описаніе прямо относится ко времени усиленія голода и смертности: въ скудельницу на Прусской улицѣ наложили 3030 труповъ, и она наполнилась до верха, а здѣсь сказано, что и еще двѣ скудельницы переполнились и, при этомъ, переполнились безъ числа: «... и поставиша другую скудельницу на поли, коньць Чюдинчевѣ улицы, и бысть та пълна, въ *неи же числа нѣсть*, а третью поставиша на колѣни, за святымъ Рождествомъ, и та же бысть пълна, *въ неи же числа нѣсть*...». Въ этомъ описаніи замѣтна даже послѣдовательность въ устроеніи скудельницъ, возникавшихъ по мѣрѣ надобности; для погребенія жертвъ голода уже, очевидно, силъ одного челоувѣка не хватаетъ, ибо прежде можно было хотъ сосчитать мертвыхъ, а потомъ ужъ и счетъ потеряли, хоронить ужъ не одинъ Станиль: «мѣртвыци по учамъ и по търгу, и по мосту по великому отъ пьсь изѣѣдаемы, *оже не можашу* погребати..»; дошло, наконецъ, до того, что ро-

дители стали продавать дѣтей въ рабство, при чемъ, эта отчаянная мѣра, по лѣтописи, выставляется какъ-бы слѣдствіемъ послѣднихъ цѣнъ: *за хлѣбъ по гривенъ и болѣе, за четверть кади ржи по гривенъ серебра*. Вотъ конецъ записи: «... Братъ брату не съжальшется, ни отецъ сынови, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба, не бысть милости межи нами, нѣ баше туга и печаль, на уличи скърбъ другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣтей плачуще хлѣба, а другая умирающа, и *купляхомъ по гривенъ хлѣбъ и побольшу, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривенъ серебра, и даяху отци и матери дѣти свое одѣренъ изъ хлѣба гостымъ*».

Таково содержаніе обоихъ описаній голода 1230 года, и послѣднее означеніе цѣнъ хлѣба принадлежитъ къ описанію именно усиленія голода, когда бѣдствіе дошло до крайности: при цѣнахъ 8 кунъ за хлѣбъ и 20—25 гривенъ за кадъ ржи нужна была еще только одна скудельница, и число труповъ, ее переполнившихъ, еще можно было сосчитать; при цѣнахъ гривенъ и болѣе (кунъ) за хлѣбъ и гривенъ серебра за четверть кади ржи прибавили еще двѣ скудельницы, болѣе обширныя, чѣмъ первая: ихъ могло переполнить только безчисленное множество труповъ (*числа нѣсть*) и т. д., и т. д.; наконецъ, голодъ, дороговъ заставили Новгородцевъ рѣшиться на ужасную мѣру, до которой можетъ довести только крайняя, безвыходная бѣда: я разумѣю отдачу дѣтей въ рабство купцамъ и только *изъ-за хлѣба*.

Извѣстіе о голодѣ 1230 года, свирѣпствовавшемъ не только въ Новгородѣ, но въ такой же степени и повсемѣстно на Руси ¹²²⁾, наиболѣе подробно изложено въ Новгородской Первой лѣтописи; въ остальныхъ трехъ оно весьма кратко ¹²³⁾, при чемъ эти три остальные новгородскія лѣтописи даютъ два разныя выраженія цѣнъ. Новгородская Вторая и Новгородская Третья лѣтописи обозначаютъ *40 гривенъ за кадъ*. Сравнивая эту цѣну съ обозначенной въ первомъ описаніи Новгородской Первой лѣтописи, полагаемъ, что она относится къ послѣдующей стадіи голода, что, между прочимъ, видно и изъ того, что въ обоихъ изводахъ, т.-е. во Второй и въ Третьей лѣтописяхъ, говорится не объ одной, а о нѣсколькихъ скудельницахъ; къ тому же, эта цифра, 40 гривенъ за кадъ, не можетъ быть принята за ошибку или произвольное позднѣй-

шаго пмса, сократившаго полное извѣстіе Новгородской Первой лѣтописи: ошибки нельзя предположить потому, что буквы **ѣ** и **ѥ** не имѣютъ никакого сходства съ цифровымъ знакомъ **ѣ**, т.-е. сорокъ, и тѣмъ менѣе возможна была подобная ошибка при четкости уставнаго письма древняго подлинника: что же касается предположенія о произволѣ, то оно здѣсь вовсе неумѣстно, ибо трудно представить себѣ, какая бы могла быть цѣль такого измѣненія въ цифрѣ подлинника.

Разница въ обозначеніи цѣны кади ржи, полагаю, объясняется тѣмъ, что составители позднѣйшихъ новгородскихъ сводовъ, а именно 2-го и 3-го, нашли эту цифру въ томъ источникѣ, откуда черпали свѣдѣнія о голодномъ годѣ, а источникомъ этимъ не была, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ, Новгородская Первая лѣтопись. Что руководило составителей этихъ сводовъ въ выборѣ источниковъ неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что у нихъ подъ руками было нѣсколько источниковъ, изъ которыхъ даже не всѣ сохранились до нашего времени.

На другой источникъ этого извѣстія по новгородскимъ Второй и Третьей лѣтописяхъ указываетъ прибавленіе такихъ свѣдѣній, которыхъ въ Первой нѣтъ; въ особенности этимъ отличается Вторая лѣтопись, тогда-какъ Третья хранитъ слѣды большаго вліянія Первой. Приведу эти оба извода. Въ Новгородской Второй лѣтописи читаемъ: «... На той осени (sic) гладь бысть великъ, кадь ржи по 40 гривенъ; бысть зло по улицамъ: по торгу трупія ядыху пси, влачаху главы и руки, и ноги, и наполниша полную скудельницу 3030, а конецъ Легощи улицы, а въ ней полчетверты тысячи ... (далѣе идетъ извѣстіе о смертности въ Смоленскѣ, о продолжительности голода въ теченіи 4 лѣтъ и о приходѣ Нѣмцевъ съ хлѣбомъ въ Новгородѣ)» ¹²⁴). Такимъ образомъ, этотъ изводъ сообщаетъ такія свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ въ Первой Новгородской лѣтописи, а частью—и во всѣхъ другихъ; таково свѣдѣніе о скудельницѣ на Легощей улицѣ, въ которой было погребено 3½ тысячи человекъ ¹²⁵); таковы же свѣдѣнія, приведенныя мною вкратцѣ въ скобкахъ; но, съ другой стороны, есть извѣстіе и Новгородской Первой лѣтописи о числѣ погребенныхъ въ первой скудельницѣ, хотя, полагаю, и оно взято не изъ этого источника, ибо не упомянута Прусская улица. Составитель свода, какъ ка-

жется, не упустилъ-бы безъ вниманія этаго опредѣленія мѣста первой скудельницы, упоминая о другой именно съ такимъ обозначеніемъ.

Весьма можетъ быть, что у него подъ рукою былъ такой источникъ, въ которомъ было глухо сообщено о мѣстѣ первой скудельницы, но за то прибавлено извѣстіе о другой, на Легощей улицѣ.

Немудрено, что при постепенномъ усиленіи голода цѣна кади ржи и возрасла до 40 гривенъ, т.-е. увеличилась вдвое: объ усиленіи голода въ теченіе весны мы знаемъ по Первой лѣтописи, опредѣлившей только два крайніе предѣла цѣнъ на хлѣбъ и опустившей промежуточные цѣны. Что касается до инаго опредѣленія времени года въ записи Новгородской Второй лѣтописи, то, быть можетъ, упоминаніе объ *осени* можно объяснить тѣмъ, что въ своемъ разсказѣ составитель этой лѣтописи смѣшалъ причину съ слѣдствіемъ: на Воздвиженіе (осенній праздникъ) побилъ морозомъ хлѣбъ, отчего и произошелъ голодъ зимою, а особенно весною, когда прошлогодніе запасы уменьшились еще болѣе, а потомъ и вовсе истощились. Въ другихъ лѣтописяхъ говорится о голодной зимѣ, что также не противорѣчитъ факту; такое опредѣленіе голоднаго времени находится, напримѣръ, въ сокращенной Новгородской лѣтописи по Супрасльской рукописи: «*на ту зиму гладъ великъ бы*» ¹²⁶).

Такимъ образомъ, повторяемъ, нѣтъ основанія отвергать цифру цѣны кади ржи Новгородской Второй лѣтописи, какъ несогласную съ цифрою Первой: разница эта объясняется просто различіемъ источниковъ. Источникъ этого извѣстія Новгородской Второй лѣтописи, конечно, въ точности неизвѣстенъ, но, какъ кажется, можно предположить, что онъ тотъ же, что и *Супрасльской рукописи*: на это указываетъ какъ сходство разсматриваемаго извѣстія по этимъ обоимъ изводамъ, такъ и то обстоятельство, что древнѣйшій списокъ Новгородской Второй лѣтописи также, какъ и *Супрасльская рукопись*, относится къ XVI вѣку: источникъ, по которому составлено это извѣстіе въ Супрасльскомъ сокращеніи въ 1-й половинѣ XVI вѣка, очевидно, могъ быть извѣстенъ составителю Новгородской Второй лѣтописи, жившему не позднѣе второй половины или исхода того же столѣтія, но затѣмъ другіе источники того и другаго изводовъ были, очевидно, иные, въ слѣд-

ствіе чего, напр., Новгородская Вторая сообщаетъ извѣстія, не находящіяся въ *Сутрасльской рукописи*, а послѣдняя нѣкоторыми чертами приближается, какъ увидимъ далѣе, къ изводу Новгородской Четвертой лѣтописи. Что касается до извѣстія о скудельницѣ на Легощей улицѣ, о которой упоминаетъ только одна Новгородская Вторая лѣтопись, то очень можетъ быть, что это извѣстіе находилось въ одномъ изъ тѣхъ источниковъ этого свода, которые не дошли до насъ ¹²⁷).

Изводъ Новгородской Третьей лѣтописи, въ которой означена та же 40-гривенная цѣна кади ржи, въ дальнѣйшемъ, однако, существенно разнится отъ извода Новгородской Второй и представляетъ черты сходныя съ Новгородской Первой, а отчасти съ Четвертой лѣтописями. Вотъ текстъ этого извода: «... мая въ 3 день трясется земля и хлѣбъ бысть вельми дорогъ: кадь ржи по 40 гривенъ, а овса по 5 гривенъ (въ Новгородской Первой лѣтописи по 13 гривенъ), и по улицамъ многія мертвыя лежаху, а пси влачаху главы и руки, и ноги, и наметаша скудельницы у 12 Апостолъ на Прусской улицѣ 3030 человекъ, а по инымъ улицамъ и вѣсть Богъ... (далѣе о продолжительности голода, о торговлѣ Нѣмцевъ хлѣбомъ въ Новгородѣ)» ¹²⁸). Всѣ эти разности изводовъ и, притомъ, разности не въ словахъ, а въ самомъ содержаніи свѣдѣній указываютъ на различные источники этихъ записей, или лучше—различныхъ изводовъ одной и той же записи; но тѣмъ большую твердость получаютъ свѣдѣнія, сходныя въ разныхъ изводахъ, ибо является предположеніе, что данное свѣдѣніе, такимъ образомъ, подтверждается двумя, тремя источниками. Таково свѣдѣніе о числѣ погребенныхъ въ первой скудельницѣ, о Нѣмцахъ, привозившихъ или привезшихъ хлѣбъ въ голодающій Новгородъ; таково, далѣе, свѣдѣніе о 40 гривнахъ (кунъ), какъ цѣнѣ кади ржи. Повторяя, мы не имѣемъ основанія отвергать эту цифру тѣмъ болѣе, что увеличеніе цѣнъ, какъ видно было выше, само собою слѣдуетъ изъ усиленія голода въ теченіе весны 1230 года. Если Новгородская Первая лѣтопись представила два момента въ исторіи цѣнъ на хлѣбъ въ это время, то Новгородская Вторая и Новгородская Третья лѣтописи указываютъ одинъ моментъ или изъ указанныхъ Первою, или же, что вѣроятнѣе,—промежуточный.

Новгородская Четвертая лѣтопись о дороговизнѣ хлѣба въ 1230 году говоритъ также въ двухъ мѣстахъ, какъ и Новгородская Первая, при чемъ первыя цѣны тѣ же, но относительно вторыхъ мы опять видимъ несходство, происшедшее, какъ видится, опять не изъ чего другаго, какъ изъ разности источниковъ, при чемъ источникъ этого извѣстія по Новгородской Четвертой лѣтописи отличается также и отъ источниковъ двухъ вышеупомянутыхъ, т.-е. Новгородской Второй и Третьей лѣтописей. Однимъ изъ источниковъ этого извѣстія Новгородской Четвертой лѣтописи послужила, кажется, кромѣ Новгородской Первой, *Суздальская лѣтопись*, откуда составитель заимствовалъ запись о перенесеніи Мощей св. Леонтія Ростовскаго ¹²⁹⁾. Что касается до втораго обозначенія цѣнъ, то Новгородская Четвертая лѣтопись опредѣляетъ ихъ такъ: *за хлѣбъ полуризна, за четверть кади ржи 7 гривенъ кунъ* ¹³⁰⁾. Сравнивая эти послѣднія цѣны съ соотвѣтствующими Новгородской Первой лѣтописи, полагаю, что онѣ относятся къ другой стадіи голода меньшей, чѣмъ обозначенная въ Новгородской Первой. Въ самомъ дѣлѣ: послѣдняя цѣна печенаго хлѣба по Новгородской Первой лѣтописи 1 гривна кунъ, а по Новгородской Четвертой только полгривны; какъ кажется, нѣтъ никакихъ препятствій предположить, что и цѣна четверти кади ржи по Новгородской Первой лѣтописи находится въ такомъ же соотношеніи къ цѣнѣ четверти кади по Новгородской Четвертой, т.-е. что 7 гривенъ кунъ были равны полугривнѣ серебра, а если такъ, то цѣна на хлѣбъ въ теченіе голоднаго времени 1230 года увеличивалась приблизительно слѣдующимъ образомъ: отъ 20 (25) гривенъ за кадъ до 56 (или около), это тѣ два крайніе предѣла, которые обозначены въ Новгородской Первой лѣтописи; что касается до промежуточныхъ цѣнъ, то онѣ обозначены въ Новгородской Четвертой лѣтописи (около 28 гривенъ кунъ за кадъ) и, затѣмъ, во Второй и Третьей (40 гривенъ кунъ за кадъ); что же касается до отношенія кунъ къ серебру въ 1230 году, то сравненіе вторыхъ цѣнъ Первой и Четвертой лѣтописей послѣ того, что сказано выше о различіи источниковъ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ кажется, даетъ право предположить, что это отношеніе было (приблизительно) 1: 14, т.-е.

что въ гривнѣ серебра въ это время содержалось около 14 гривенъ кунъ.

Г. Казанскій въ своемъ изслѣдованіи о древнерусской монетной системѣ смотритъ на разность цѣнъ на хлѣбъ въ различныхъ новгородскихъ сводахъ въ главныхъ чертахъ такъ же, какъ и мы, но, при этомъ, совершенно ошибочно сравниваетъ второе обозначеніе цѣнъ по Новгородской Первой лѣтописи съ 40 гривенной цѣной Новгородской Второй лѣтописи и выводитъ изъ этого сравненія, что въ это время въ гривнѣ серебра было 10 новгородскихъ гривенъ кунъ ¹³¹).

Возражать этому выводу почтеннаго изслѣдователя было бы съ моей стороны—повторять уже сказанное раньше объ отношеніи изводовъ различныхъ новгородскихъ лѣтописей между собою, а потому вмѣсто возраженія отсылаемъ читателя къ предшествующимъ страницамъ настоящаго опыта.

Оканчивая свой очеркъ о цѣнѣ гривны кунъ, объ ея отношеніи къ серебру, укажемъ еще на одно позднѣйшее извѣстіе,—относящееся къ началу XV вѣка; изъ этого извѣстія можно заключить, что въ указанное время отношеніе кунъ къ серебру возрасло уже до 1: 30. Мы разумѣемъ свидѣтельство Псковскихъ лѣтописей о томъ, что въ 1407 году полтина серебра равнялась 15 гривнамъ кунъ, что послѣ сказаннаго о рублѣ, какъ о гривнѣ серебра, доказываетъ приведенное отношеніе кунъ къ серебру въ это время. Вотъ это извѣстіе:

«...А тоя весны, коли Князь Великій пріѣхалъ во Псковъ, тогда баше овсяная зобница по гривнѣ.. А.. баше хлѣбъ дешевъ: по 3 мѣры за полтину.. а кунъ на полтину по 15 гривенъ» ¹³²).

Такъ гривна кунъ нашей древности постепенно обращалась въ ту мелкую монету, которая въ рублевой системѣ составила $\frac{1}{10}$ рубля, упавшаго въ XVI столѣтіи сравнительно съ древнею гривною серебра: выше мы видѣли, что рубль уменьшился сравнительно съ древнимъ серебромъ болѣе, чѣмъ вдвое; труды же другихъ изслѣдователей вопроса доказываютъ, что при Великомъ Князѣ Василии Іоанновичѣ (1505—1533) изъ фунта серебра выдѣлывалось болѣе 5 рублей, а вскорѣ послѣ кончины этого Великаго Князя сіе отношеніе увеличилось до 6-ти ¹³³).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ указать на одинъ изъ выводовъ автора почтеннаго труда о древнерусскихъ монетахъ и вѣсѣ. На основаніи сличенія древняго закона императора Исаакія Комнина (1057+1059) о пошлинахъ за поставленіе въ духовный санъ съ нашими памятниками XIII и XV столѣтій, свидѣтельствующими о томъ же,—Прозоровскій выводитъ заключеніе, что наша гривна XIII столѣтія равнялась византійскому червонцу, и на основаніи этого дѣлаетъ дальнѣйшія заключенія о вѣсѣ и достоинствѣ византина XI вѣка (ibid 495—497). Заключенія весьма важныя, а для насъ особенно важенъ первый выводъ о гривнѣ, будто равной византину: поэтому считаемъ рѣшительно необходимымъ провѣрить основанія этого вывода и узнать, насколько источники, служившіе основаніемъ для ученаго изслѣдователя даютъ право на такое заключеніе о нашей древней гривнѣ.

Въ указанномъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Прозоровскій говоритъ: «До насъ дошли двѣ оцѣнки одного и того же византійскаго червонца, *который такимъ образомъ даетъ возможность опредѣлить древнія наши системы.* Въ церковномъ законѣ императора Исаакія Комнина (1057—1059) постановлено взимать пошлыны отъ постановленія священника 7 златицъ; а въ правилахъ Собора, бывшаго во Владимірѣ въ 1274 году подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла, *сумма эта переложена въ 7 гривенъ; значитъ, наша тоѣдашняя гривна и византійскій червонецъ были одной цѣнности.* Святый же митрополитъ Фотій (1410—1431) приводя въ своемъ указѣ (sic) означенный законъ Комнина, переложилъ 3 златницы (?) въ полтора рубля съ алтыномъ...»¹³⁴). Собственно, вторая *оцѣнка*, XV вѣка, послужила Прозоровскому для переложенія византина XI вѣка на позднѣйшія наши деньги; для насъ особенно важна первая *оцѣнка*: дѣйствительно ли въ *Правилъ митрополита Кирилла* сдѣлано означенное Прозоровскимъ переложеніе?

Правило митрополита Кирилла, устанавливая пошлыны за поставленіе въ церковно—и священнослужители, предписываетъ: «...не взимати же оу нихъ ничтоже, развѣ, *якоже азъ уставихъ въ Митрополи, да будетъ се въ всѣхъ Епископѣяхъ, да възмоуть клирошане ̑ гривенъ отъ попѣвства и отъ дьяконства отъ обоего...*»¹³⁵).

Въ этомъ предписаніи, какъ видно, митрополитъ даже не ссы-
 дается на законъ Комнина, а, напротивъ, прямо говоритъ, что
 означенныя пошлыны онъ самъ *установилъ* въ своей епархіи и пред-
 писываетъ взимать ихъ по этому постановленію и во всѣхъ дру-
 гихъ русскихъ епархіяхъ. Кромѣ того: если законъ Комнина опре-
 дѣляетъ пошлыну въ 7 златицъ отъ всѣхъ трехъ степеней цер-
 ковныхъ, т.-е. *чтеца, діакона и священника*, то Правило митро-
 полита Кирилла, какъ видно по смыслу его, устанавливаетъ пош-
 лыны въ такомъ размѣрѣ и послѣдовательности: за первыя двѣ
 степени, чтеца и діакона, 7 гривенъ, а за поставленіе діакона въ
 іерея—другія 7 гривенъ и, затѣмъ, ту же однообразную пошлыну
 устанавливаетъ за поставленіе въ игумены ¹³⁶). Это видно изъ слѣ-
 дующихъ словъ: «....*Аще ли кто по оуставе нашемъ боле сего имя
 от діакона ли от попа, или от игумена и т. д.*», т.-е. «Если кто
 послѣ этого нашего предписанія возьметъ болѣе этого (т.-е. 7
 гривенъ) отъ діакона, іерея или игумена...». Въ этомъ *уставѣ* ско-
 рѣе измѣненіе закона Комнина, чѣмъ переложеніе означенныхъ
 въ немъ пошлынъ на русскія деньги, и если можно признать здѣсь
 вліяніе этого закона, такъ оно не идетъ далѣе сходства въ одной
 цифрѣ. Что законъ Комнина имѣлъ у насъ приложеніе лишь въ
 сильно измѣненномъ видѣ, причемъ это измѣненіе коснулось глав-
 нымъ образомъ суммы пошлынъ, доказываетъ постановленіе Сто-
 главаго Собора о томъ же предметѣ, начинающееся словами извѣст-
 наго *посланія* св. Митрополита Фотія къ Псковичамъ (1416 г.) ¹³⁷).
 Въ *посланіи* приводится самый законъ Комнина, приложенія ко-
 торого требовалъ св. Фотій, но въ Стоглавѣ этотъ законъ ясно
 отличается отъ однопредметнаго правила Собора русскихъ Епи-
 скоповъ словами: «*Мы же соборнѣ повелѣхомъ...*», которыми и на-
 чинается самое правило. Это правило узаконяетъ брать за по-
 ставленіе во діакона одну златницу и благословенную гривну и
 ту же пошлыну за поставленіе *готоваго* діакона во священника,
 причемъ цѣнить златницу въ полтину московскую, а двѣ злат-
 ницы—въ московскій же рубль ¹³⁸). Если можно дѣлать какіе-либо
 выводы изъ сравненія этого предписанія Стоглаваго Собора съ
 соотвѣтствующимъ постановленіемъ *Правилъ митрополита Ки-
 рилла*, то окажется, что это сравненіе подтвердитъ мое мнѣніе
 объ отношеніи кунъ къ серебру въ XIII столѣтіи. Въ самомъ

дѣлѣ: въ *Правилѣ*, какъ мы видѣли, за *обоѣ дьяконство*, какъ и за возведеніе діакона во священника, полагается 7 гривенъ (т.-е. гривенъ кунъ), въ Стоглавѣ 7 гривенъ кунъ замѣнены одною златницею, оцѣненной въ *полтину московскую*. Ко времени Стоглава деньги стали дѣлаться чисто серебряныя, *безо всякаго примѣса*, что, какъ извѣстно, началось съ 1535 года ¹³⁹). Слѣдственно, рубль московскій этого времени могъ быть снова *гривной серебра*, хотя и меньшаго вѣса, чѣмъ въ старину; по вычисленію же Стоглава, 7 гривенъ кунъ времени Владимірскаго Собора соотвѣтственно московскимъ деньгамъ половины XVI вѣка можно было уравнивать половинѣ рубля, т.-е. половинѣ московской гривны серебра этого времени, а въ цѣлой гривнѣ серебра такимъ образомъ, должно было считаться 14 гривенъ кунъ XIII столѣтія. Этимъ я заканчиваю изслѣдованіе о гривнѣ, высшей денежной единицѣ древнерусской системы, и перехожу къ разсмотрѣнію частей ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О денежных единицахъ эпохи Русской Правды.

б) О частяхъ гривны.

Въ памятникахъ, какъ мы видѣли, встрѣчаются извѣстія о *полуриенахъ* ¹⁾, подобно тому-какъ въ послѣдствіи, при рублевомъ счетѣ, появляются *полтины*.

Но кромѣ того, въ памятникахъ есть прямыя указанія и на другія части гривны, каковы: *ногаты, рѣзаны и векии*.

О *ногатахъ* встрѣчаются упоминанія въ лѣтописяхъ; такъ, въ Новгородской Второй лѣтописи подѣ 1188 годомъ читаемъ: « . . . Бысть дорогѣвъ оже купляху по *два ногатъ* хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривенъ » ²⁾. Въ томъ же смыслѣ—денежной единицы и, притомъ, части гривны—ногата упоминается, какъ мы видѣли, и въ Мстиславовомъ договорѣ съ Ригею и Готландомъ ³⁾. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также упоминаются ногаты и рѣзаны, причемъ рѣзанъ опредѣляется ниже ногаты. Обращаясь къ Великому Князю Всеволоду Юрьевичу Суздальскому, пѣвецъ восклицаетъ: « . . . Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а *кощей по рѣзанъ* » ⁴⁾.

Покойный А. Θ. Вельтманъ доказываетъ, что *чага* есть искаженное *ичага*, что значитъ *знатный Половецкій мужъ*, а *кощей*—Половецкій челядинецъ ⁵⁾.

Почти всѣ изслѣдователи древне - русскихъ денегъ согласно утверждаютъ, что въ гривнѣ содержалось 20 ногатъ, такъ-что это мнѣніе должно считать общепризнаннымъ. Но, кромѣ того,

мнѣніе это оказывается справедливымъ и по повѣркѣ его на одномъ древнемъ памятникѣ. Мы разумѣемъ *Ростиславову уставную грамоту, данную Смоленской Епископѣ* въ 1150 году: она, въ самомъ дѣлѣ, даетъ богатый матеріалъ для такой повѣрки. Въ грамотѣ послѣ начальныхъ словъ установленія десятины: « . . И се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ кромѣ продажи и кромѣ виры, и кромѣ полюдыя. . . . », идетъ расчетъ того, сколько какая мѣстность даетъ дани, съ точнымъ указаніемъ десятины, причемъ десятина опредѣляется точно $\frac{1}{10}$ извѣстной дани ⁶⁾. Въ этомъ расчетѣ дани (кромѣ вирь, продажъ и полюдыя) находится, между прочимъ, слѣдующее опредѣленіе: « . . . на Путинѣ присно платять четыре гривны, Бѣниці 2 гривны, коромити (корчѣмити) полпаты гривны; Дѣдичи и дань, и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епискому три гривны безъ семи ногатъ. . . . » ⁷⁾.

Изъ этого свидѣтельства ясно, что во 1-хъ десятина высчитана сразу, изъ доходовъ трехъ мѣстъ: *Путтина, Бѣниці* и *Дѣдичъ*, ибо въ противномъ случаѣ послѣ обозначенія дохода каждого мѣста была-бы обозначена и десятина, какъ то дѣлается во всѣхъ другихъ расчетахъ грамоты; напимѣръ.: « . . . а въ Торопчи дани четириста гривенъ, а епискому съ того взяти 40 гривенъ, а въ Жижди дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ, а въ Каспли 100 гривенъ, а съ того епископу взяти 10 гривенъ и т. д. и т. д. ». Судя по этимъ опредѣленіямъ, выраженнымъ такимъ образомъ во всей грамотѣ, полагаемъ, что «а изъ того» означаетъ общую сумму дани со всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ мѣстъ.

Во 2-хъ, количество десятины съ этихъ трехъ мѣстъ опредѣлено въ 3 гривны безъ 7 ногатъ; сумма же дани, какъ легко вычислить, равна $32 \frac{1}{2}$ гривнамъ.

Разсматривая эту цифру расчета Ростиславовой грамоты, необходимо припомнить, что изъ десятиннаго обложенія были исключены здѣсь виры: « . . . кромѣ продажи и кромѣ виры », а такъ какъ въ Дѣдичахъ въ сумму 15 гривенъ вошли и виры, то, сообразно этому, общую сумму дохода, $32 \frac{1}{2}$ гривны, должно уменьшить; вмѣстѣ съ этимъ должна получиться та сумма, десятая ча-

сть которой дѣйствительно будетъ равна 3 гривнамъ безъ 7 ногатъ, ибо, какъ видно изъ примѣчанія 6-го, въ этой грамотѣ десятина во всѣхъ случаяхъ высчитывалась точно. Слѣдственно, необходимо допустить, что тотъ доходъ, подлежащій десятины, былъ менѣе валоваго (32½ гривны) именно тѣмъ числомъ, за вычетомъ котораго уменьшаемое дастъ точную десятину: 3 гривны безъ 7 ногатъ. Количество собираемыхъ въ Дѣдичахъ виръ неизвѣстно, но мы тутъ-то и воспользуемся общепризнаннымъ отношеніемъ 20: 1, выражающимъ величину ногаты, какъ части гривны. Что же получимъ? Въ 3 гривнахъ—60 ногатъ, а 3 гривны безъ 7 ногатъ=53 ногатамъ; 53 ногаты составляютъ точную десятину 530 ногатъ (1). 530 ногатъ равняется 26½ гривнамъ, а съ 26½ гривенъ десятина равна 2 гр. съ 13 ногатами, т.-е. 3 гривнамъ безъ 7 ногатъ (2) ⁸⁾.

Ръзана также, какъ кѹна и ногата, считается частью гривны и именно 1/50, въ чемъ также большинство изслѣдователей согласны между собою. Слово «*ръзана*», по всей вѣроятности, происходитъ отъ корня «*ръз*» въ глаголѣ «*ръзати*»; по крайней мѣрѣ, болѣе подходящаго производства въ нашей исторической литературѣ не выставлено. Мы выше привели слова Страбона о торговлѣ въ Испаніи: тамъ или мѣняли товаръ на товаръ, или давали за товаръ или вообще за вещи купленныя *отръзанные куски серебрянной бляхи* (aut de lamina argentea aliquid abscissum dant). «Если такіе отръзанные куски серебра были въ употребленіи и у Руссовъ» говоритъ Кругъ (zur M. R. 193—194): «то они первоначально и назывались *ръзанами*; по крайней мѣрѣ мы считаемъ производство этого слова отъ «*ръзати*» самымъ естественнымъ». Въ послѣдствіи, когда на Руси стали сами чеканить монету, эта послѣдняя и получила то же названіе (ibidem). *Frähn*, говоря объ употребленіи на Руси X вѣка арабскихъ диргемовъ, утверждаетъ, что вмѣсто размѣнной монеты (Scheidemünze) ходили части диргемовъ: отрубленные половинки и четверти; такихъ отрубковъ много находится въ отысканныхъ кладахъ рядомъ съ цѣлыми диргемами; эти же отдѣленные части диргемовъ употреблялись и какъ добавочныя единицы вѣса (das Fehlende des Gewichts ⁹⁾). Употребленіе такихъ *отломковъ*, *отрубковъ* было обычно въ денежномъ счетѣ многихъ народовъ: въ Германіи до введенія *целлеровъ* вмѣсто размѣнной монеты, употребляли отрубки

денаріевъ; въ Англіи было извѣстно употребленіе *разрубленныхъ* пфенниговъ, причемъ на цѣльныхъ пфеннигахъ для большаго удобства разрубки ихъ на четыре части дѣлался обыкновенно четвереугольный крестъ; въ Богеміи до введенія въ XIII вѣкѣ франскихъ оболовъ также вмѣсто размѣнной монеты употребляли отрубки денаріевъ ⁴⁰⁾. Наконецъ, то же самое встрѣчается и въ исторіи Польши до XII вѣка, когда правительство стало выпускать во множествѣ легковѣсную размѣнную монету въ видѣ мелкихъ брактеактовъ ⁴¹⁾. Таковъ обще-распространенный обычай употреблять для размѣна отдѣленной части ходячей монеты. Что касается до нашего отечества, то обычай этотъ сохранился вплоть до введенія Петромъ Великимъ мѣдной размѣнной монеты, и *рѣзаны* употреблялись, по свидѣтельству указа 1700 года, вмѣстѣ съ иными *жеребьями* до начала XVIII столѣтія.

Здѣсь считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателя на одно свидѣтельство о *рѣзанныхъ деньгахъ*, принадлежащее къ XVI вѣку. Въ Псковскихъ лѣтописяхъ подъ 1537 годомъ есть извѣстіе: « . . . Да тогда жъ *рѣзанныя денги* перековаша да коваша копейки деньги» ⁴²⁾, а подъ 1538 г.: « . . . *Того же лѣта оставиша всякими денгами не торговати старыми и начаши торговати денгами новыми копейками нетокмо во Псковѣ, но и вездѣ, и бысть людемъ велими убытокъ великъ на старыхъ денгахъ*». Но оба эти извѣстія должно считать во 1-хъ. искаженными и во 2-хъ, отнесенными по ошибкѣ къ 1537 и 1538 годамъ, ибо всѣ остальные лѣтописи согласно относятъ повсемѣстное введеніе *копѣйныхъ денегъ* къ 1535 году, а *рѣзанныя денги* Псковскихъ лѣтописей, очевидно ни что иное, какъ *обрѣзанныя* для уменьшенія вѣса; такое *рѣзаніе* здѣсь понимается въ смыслѣ преступленія, за которое угрожаютъ смертною казнью. Старыя денги, обрѣзанныя, подмѣшанныя вмѣстѣ со введеніемъ копѣйныхъ денегъ вовсе изъяты изъ употребленія: «*а старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли*» ⁴³⁾; отсюда понятно, что при этомъ невовведеніи «*бысть людемъ велими убытокъ великъ на тарыхъ денгахъ*».

Но *рѣзана*, какъ монета, о которой говорятъ древніе памятники, — и Правда Русская, и Слово о полку Игоревѣ, не могла быть монетою обрѣзанною съ цѣлю обмана: такъ была называема

извѣстная денежная единица, замѣнившая собою древніе неправильные *отрѣзки* отъ серебряннаго куска, или *рѣзаны* въ буквальномъ смыслѣ. Позднѣйшія *рѣзаны* могли изготовляться особо и не быть собственно *отрѣзками* отъ *гривны*, но онѣ удержали прежнее названіе напоминающее старыя первобытныя отрѣзки подобно тому, какъ нынѣшняя копейка напоминаетъ намъ о старыхъ *копейныхъ деньгахъ*.

Перейдемъ къ кунамъ. Если относительно содержанія ногаты и рѣзаны въ гривнѣ почти всѣ изслѣдователи нашихъ древностей согласны между собою, то относительно *куны* этого сказать нельзя. Одни (Карамзинъ, Погодинъ) считаютъ въ гривнѣ около 25 кунъ, а другіе (Лешковъ, Бѣляевъ, Ланге, Прозоровскій) напротивъ полагаютъ, что куна и рѣзана одно и то же,—что въ гривнѣ и кунъ было 50.

Въ одномъ памятникѣ XII столѣтія, находящемся въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей, а именно въ извѣстномъ «*Вопрошаніи черноризца Кирика и отвѣтахъ Нифонта, епископа Новгородскаго*» ¹⁴⁾ опредѣлена слѣдующая плата за шестинедѣльное поминовеніе умершихъ: за *гривну священникъ долженъ служить по 5 обѣднъ въ недѣлю въ теченіи всѣхъ 6 недѣль*, а за 6 кунъ по одной обѣднѣ въ недѣлю: «А за оупокон сие веляше слоужити: сорокоустъ на гривноу пятью слоужити, а на 6 коунъ единоу» ¹⁵⁾. Ясно, что, по этому разсчету, въ гривнѣ 30 кунъ, но ихъ, по всей вѣроятности, было меньше 30-ти: нѣтъ основаній не согласиться съ предположеніемъ Карамзина, что священники при полномъ сорокоустѣ могли дѣлать уступку заказчикамъ. Въ самомъ дѣлѣ: Правда Русская свидѣтельствуетъ, что въ гривнѣ считалось меньше 30 кунъ; такъ, въ *краткой Правдѣ* находится слѣдующая статья, измѣненная въ *распространенной* относительно выставленныхъ цѣнъ: «За кобылу 60 рѣзанъ, а за волю гривну, а за корову 40 рѣзанъ, а за *трехлотовалое животное* 15 кунъ, а за *двухлѣтка помривны* и т. д.» (Акад. 26). Отсюда: 15 кунъ болѣе полугривны, такъ—какъ цѣна *трехлѣтка* выше, чѣмъ *двухлѣтка* ¹⁶⁾; слѣдственно, въ гривнѣ было менѣе 30 кунъ. Но съ другой стороны, тотъ же памятникъ доказываетъ, что въ гривнѣ было болѣе 20 кунъ; такъ, статья *распространенной* «*Правды*» о *кровавомъ мужѣ* опредѣляетъ за побой до крови и синяковъ про-

дажу въ 3 гривны, а за побои безъ знаковъ—60 кунъ (Тр. 23). Нечего и говорить о томъ, что 60 кунъ здѣсь считаются меньше 3-хъ гривенъ, такъ-какъ самое преступленіе, за которое полагается эта пеня, легче того, за которое полагается пеня трехгривенная ¹⁷⁾. Такимъ образомъ, въ гривнѣ болѣе 20 кунъ. А если такъ, то изъ сопоставленія этихъ двухъ величинъ въ среднемъ выводѣ окажется, что въ гривнѣ было именно 25 кунъ или около того.

Но, говоря о содержаніи куны въ гривнѣ и объ отношеніи ея къ рѣзанѣ, нельзя оставить безъ вниманія одного обстоятельства, подавшаго поводъ къ различнымъ предположеніямъ объ этомъ интересующемъ насъ предметѣ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые писатели *основываясь на свидѣтельствѣ Правды Русской* (что, безъ сомнѣнія, весьма важно) рѣшительно не признаютъ 1 : 25, какъ отношенія куны къ гривнѣ. Одни изъ нихъ, напр., покойный *Блѣевъ*, утверждаютъ, что въ XIII вѣкѣ въ гривнѣ считалось 50 кунъ, а другіе (Ланге) прямо утверждаютъ, что рѣзана и куна одно и то же. Но такъ-ли это? Разсмотримъ свидѣтельство Правды Русской, которое послужило основаніемъ такого предположенія.

Рѣзаны древней Правды въ *распространенной* замѣняются кунами; такъ, въ «урокахъ скоту» цѣна кобылы, 60 рѣзанѣ, обращается въ 60 кунъ, цѣна коровы, 40 рѣзанѣ—въ 40 кунъ. Другія замѣны—въ слѣдующихъ статьяхъ:

Кратк. Пр.

Акад. 29.

За кражу скота и за кражу изъ клѣти полагается гривна и 30 рѣзанѣ;

ibid. 34

продажа за кражу ладьи—60 рѣзанѣ;

ibid. 36.

«А въ уткѣ и въ гусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанѣ; а продажи 60 рѣзанѣ»;

ibid. 40.

Распростр. Пр.

Тр. 37.

idem—3 гривны и 30 кунъ:

ibid. 73.

idem—60 кунъ;

«А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ»; та же продажа опредѣлена и за утось ¹⁸⁾.

ibid. 38.

За кражу овцы, козы и свиньи	idem—60 кунъ;
60 рѣзанъ.	

Наконецъ, рѣзаны «покона вирнаго» краткаго состава обращаются въ *Правдѣ распространенной* въ куны.

Разсмотримъ приведенныя здѣсь статьи: прежде всего—«уроки скоту». Въ разныхъ редакціяхъ статьи съ надписаніемъ: «А се оуроци скоту» мы видимъ ни что иное, какъ измѣненіе въ цѣнахъ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ; что эти цѣны мѣнялись съ ходомъ времени, это доказывается, напримѣръ, сравненіемъ разсматриваемой статьи съ *инвентаремъ*, помѣщеннымъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ нашего памятника.

Такъ, по «урокамъ скоту» баранъ оцѣненъ въ *ногату*, а по инвентарю—въ 10 рѣзанъ (*Кар. 49*), но никому и въ голову не придетъ уравнивать 10 рѣзанъ и ногату. По общему признанію, аъ гривнѣ 20 ногатъ и 50 рѣзаней; слѣдственно, въ 10 рѣзаняхъ содержалось ровно 4 ногаты. Или: по «урокамъ», свинья оцѣнена въ 5 кунъ, а по инвентарю—въ полгривны; если въ гривнѣ 25 кунъ то цѣна свиньи увеличилась почти вчетверо, а если 50, то—въ 5 разъ.

Кромѣ того, сравнивая «уроки» съ инвентаремъ, мы найдемъ и почти подобное же увеличеніе цѣнъ, какъ въ *урокахъ распространенной Правды* сравнительно съ *краткой*: оцѣнка овцы въ 5 кунъ въ инвентарѣ обратилась въ 6 *ногатъ*. Словомъ: изъ сравненія 60 *рѣзанъ* *краткой Правды* съ 60 *кунами* пространной, по нашему мнѣнію, нельзя выводить, что куна и рѣзана одно—и то же, или,—что куна въ эпоху такъ называемой *Правды XIII столѣтія* уменьшилась до рѣзани.

Остальныя статьи *распространенной Правды*, въ которой *рѣзаны* краткаго состава замѣнены *кунами*, относятся къ опредѣленію продажъ.

Надо имѣть въ виду, что тамъ, гдѣ въ *распространенной Правдѣ* при числовомъ обозначеніи пени не опредѣлено, продажа ли это или частное вознагражденіе, необходимо понимать пеню именно въ смыслѣ продажи. Это видно изъ многихъ статей пространнаго состава: такъ, пени за кражу прямо опредѣлены въ 60 *кунъ* и т. п., а при нѣкоторыхъ изъ нихъ опредѣлена и цифра частнаго вознагражденія ⁴⁹⁾; послѣ же перечня этихъ неопредѣленныхъ по на-

значенію пеней за кражу находится статья: «Аже будуть холопитие... ихъ же князь *продажею не казнить*, зане суть несвободни то двоиче платить ко істыцю за обиду» (Тр. 42); отсюда ясно, что всѣми этими пенями *казнить князь, какъ продажею*. Совсѣмъ иное должно сказать о *краткой Правдѣ*: тамъ, наоборотъ, неопредѣленная по назначенію пеня должна быть понимаема, какъ *пеня частная*; это видно, напримѣръ, изъ сравненія «уроковъ скоту» по разнымъ составамъ; въ *краткой Правдѣ* пени опредѣлены безъ назначенія, но въ *Правдѣ распространенной* онѣ названы прямо *уроками*, а *урокъ*—частное вознагражденіе ²⁰⁾. Подобно тому какъ въ *распространенной Правдѣ* при опредѣленіи продажъ иногда опредѣляется и частная пеня, въ *краткой Правдѣ* при частныхъ пеняхъ иногда опредѣляются продажи (Акад. 34, 36).

Если сказанное нами справедливо, то пеня за коневую и клѣтвную татьбу въ *краткой Правдѣ* есть частное вознагражденіе ²¹⁾, а въ *распространенной Правдѣ*—продажа, а потому и сравнивать 30 *рѣзанъ краткой Правды* съ 30 *кунами* *распространенной* странно: въ *распространенной Правдѣ* опредѣлена лишь продажа, а частная пеня представлена соглашенію сторонъ или же могла остаться старая, т. е. 1 *привна* и 30 *рѣзанъ*; равнобѣрно, можетъ быть и такъ, что если между сторонами не состоялось соглашенія, то судъ опредѣлялъ именно эту пеню, установившуюся обычаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ другихъ статей *распространенной Правды* прямо слѣдуетъ, что продажа въ большинствѣ случаевъ значительно превышаетъ частную пеню. Это обстоятельство весьма важно, и его никакъ нельзя оставлять безъ вниманія при рѣшеніи вопроса объ отношеніи куны къ рѣзанѣ.

Далѣе. По *краткой Правдѣ*, за утку, гуся, журавля и лебедя платилось 30 рѣзанъ частной пени и 60 рѣзанъ продажи; въ *распространенной Правдѣ* за всѣ эти птицы опредѣляется 30 *кунъ*, при чемъ эта пеня стоитъ безъ назначенія; слѣдственно: 30 *кунъ* *продажи*. Но отсюда, само собою разумѣется, никакъ нельзя заключить, что рѣзана *краткой Правды* тождественна съ *куной* *распространенной Правды*; напротивъ, скорѣе можно предположить, что здѣсь удержалась прежняя продажа и что, слѣдственно, эти двѣ разновременныя статьи подтверждаютъ выведенное нами выше отношеніе куны къ гривнѣ (25: 1).

Слѣдующія статьи, какъ кажется, болѣе могутъ служить къ подтвержденію тождества куны и рѣзаны или уменьшенія куны до рѣзаны: онѣ касаются также вопроса о воровствѣ причемъ одна и та же пеня, продажа, при совершенной одинаковости цифръ, въ *краткой Правдѣ* выражается въ рѣзанахъ, а въ распространенной Правдѣ—въ кунахъ.

Въ статьѣ о кражѣ *лоды 60 рѣзанъ* продажи обратились въ *60 кунъ* въ *распространенной Правдѣ*; тоже и въ статьѣ о кражѣ овцы, козы или свиньи или о кражѣ скота въ полѣ. Но оказывается, что относительно этихъ статей сама логическая необходимость заставляетъ предположить что-либо иное, а не то, что въ позднѣйшемъ составѣ куна замѣнила рѣзану, какъ синонимъ, или что позднѣе куна, по своему курсу, понизилась до рѣзаны. Мы говоримъ, что логика не позволяетъ удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: принявъ, что здѣсь куна смѣнила рѣзану, какъ тождественную, и оставаясь послѣдовательнымъ, необходимо утверждать, что *ногата краткой Правды есть то же что куна распространенной*; основанія совершенно одни и тѣ же, а именно: въ первоначальномъ «уроку мостниковъ» (въ *краткой Правдѣ*) опредѣляется: «...а отъ городниці *ногата*...» (Акад. 43), а въ *распространенной Правдѣ*: «...взяти ему *по кунѣ* отъ городнѣ...» (Тр. 91). Но такой выводъ былъ бы невѣренъ ибо тогда въ концѣ концовъ оказалось бы равенство *рѣзаны ногаты*, а между тѣмъ, повторяемъ,—основанія для отождествленія куны и ногаты совершенно тѣ же, что и для отождествленія куны и рѣзаны.

Остается «*поконъ вирный*». Указываютъ (Ланге, 29), что рѣзана, шедшая вирнику, по первоначальному покону, измѣнена въ куну въ *распространенной Правдѣ*, при чемъ въ послѣдней всѣ эти дачи прямо названы *бывшими при Ярославі*: «А се поконі вирниі были *при Ярославі*»,—такъ начинается эта статья (Тр. 7). Если въ обоихъ случаяхъ идетъ рѣчь о выдачахъ, существовавшихъ при Ярославі, а рѣзана замѣняется куной, то, очевидно, куна и рѣзана одно и то же (*ibidem*). Но этого-то «если» и нѣтъ: *поконъ вирный* измѣненъ вполнѣ сравнительно съ Ярославовымъ; такъ напр., въ Ярославовомъ *поконѣ* хлѣба и пшена велѣно выдавать вирнику съ его свитою, сколько потребуется, а о

другихъ подобныхъ выдачахъ, какъ-то о горохѣ, соли, нѣтъ и помина (Акад. 42: «...а хлѣба по колькоу mohouъ ясти и пшена...»); напротивъ, въ послѣдующемъ *поконѣ* опредѣлено 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена и прибавлено 7 уборковъ гороху и 7 голважень соли (Тр. 7); да и кромѣ того, содержаніе *покона* въ *распространенной Правдѣ* вообще отличается отъ содержанія «*оурока Ярослава*», послужившаго основаніемъ этой позднѣйшей редакціи. Въ этомъ легко убѣдиться путемъ простаго сравненія. Такимъ образомъ, это *поконъ* позднѣйшій, не бывшій при Ярославѣ; что же касается упоминанія имени Ярослава, то оно здѣсь имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и въ начальной статьѣ Правды: «*Судъ Ярославъ ВолодимERICъ—Правда Русская—Аже оубиетъ* и т. д.», при чемъ, какъ извѣстно, содержаніе этой статьи существенно разнится отъ первой статьи *краткой Правды*. Это—указаніе на перваго законодателя, постановленія котораго послужили основою послѣдующимъ законамъ однопредметнымъ, но эти постановленія, разумѣется, не могли не измѣниться съ ходомъ времени ²²⁾.

Изъ сказаннаго ясно, что выводъ Ланге, основанный на сличеніи «*оурока Ярослава*» съ *покономъ вирнымъ распространенной Правды*, совершенно подобенъ представленному выше: что ногата и куна суть только разные названія одной и той же денежной единицы.

Ланге, особенно настойчиво утверждающій тождество куны и рѣзани, однимъ изъ основаній такого положенія выставляетъ то обстоятельство, что въ *распространенной Правдѣ* сохранены всѣ единицы *кунной системы*, кромѣ рѣзанъ (29). Но во 1-хъ) въ *распространенной Правдѣ* упоминаются и рѣзаны (въ инвентарѣ), а во 2-хъ) если бы такого упоминанія не было, то развѣ это доказательство тождества куны и рѣзаны? Въ старину, напр., былъ обыченъ счетъ на копѣйки и *денги* (наши денежки); теперь мы на денежки почти не считаемъ, а все на копѣйки: развѣ можно отсюда выводить, что копѣйка и деньга одно и то же? А отношеніе выйдетъ совершенно одинаковое: въ *краткой Правдѣ* есть и куны и рѣзаны, въ *распространенной* рѣзанъ нѣтъ (т.-е. онѣ рѣдко упоминаются). Кромѣ того, и помимо *Правды*, рѣзаны упоминаются въ другихъ памятникахъ нашей старины; такъ въ *Словѣ*

о *полю Игоревъ* для изображенія полноты побѣды надъ Половцами въ томъ случаѣ, еслибы въ походѣ принялъ участіе Великій Князь Всеволодъ Юрьевичъ,—пѣвецъ говоритъ, что плѣнники половецкіе были бы тогда ни по чемъ: вельможа по ногатѣ, а холопъ—по *ртзантъ*. Но изъ этихъ словъ, безъ сомнѣнія, нельзя заключить, чтобы между ногатою и рѣзаною не было никакой средней единицы: лица, оцѣниваемые здѣсь, несоразмѣрно различны по своему общественному положенію.

Далѣе. Все, до сихъ поръ приведенное, Ланге не считаетъ еще окончательно убѣдительными доводами; эти послѣдніе таковы: Ланге ссылается на Ростиславову Уставную грамоту 1150 года и на основаніи ея старается безповоротно доказать, что въ ногатѣ и кунѣ, какъ рѣзанѣ, $2\frac{1}{2}$. Приведа слѣдующій текстъ: «пять ногатъ за лисицу... а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты», Ланге разсуждаетъ: «Если за одну лисицу платилось 5 ногатъ, то три лисицы стоили 15 ногатъ, или 40 кунъ безъ ногаты. Полагая на ногату $2\frac{1}{2}$ куны, въ 15 ногатахъ дѣйствительно найдемъ 40 кунъ безъ ногаты, т.-е. $37\frac{1}{2}$ кунъ, что съ прибавленіемъ $2\frac{1}{2}$ кунъ составитъ полныхъ 40 кунъ». (стр. 32) ²³⁾.

Надо сознаться, что весь этотъ *расчетъ*, какъ онъ ни увлекателенъ, основанъ на роковомъ недоразумѣніи. Обратимся къ Ростиславовой грамотѣ и—что же тамъ находимъ?—Дань, названная въ грамотѣ *погородьмъ*, различается по мѣстностямъ, тамъ перечисленнымъ; по различію этихъ мѣстностей различны и цѣны лисицъ, а «по 5 ногатъ за лисицу» и «40 кунъ безъ ногаты за три лисицы» относятся къ различнымъ мѣстностямъ, о чемъ Ланге умалчиваетъ, ставя многоточіе.... Вотъ полный текстъ: «А се погородіе отъ Мьстиславля: 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы; а се отъ Крупля: гривна урока, а *пять ногатъ за лисицу* (приведено у Ланге); а се отъ Вержавска: двѣ гривнѣ урока, а за *три лисицы 40 кунъ безъ ногаты* (опять приведено у Ланге)...»

Дѣло-то представляется иначе, чѣмъ его представилъ Ланге: выходитъ, что погородья отъ Крупля гривна и почестья лисица, а вмѣсто лисицы 5 ногатъ, отъ Вержавска погородья болѣе: 2 гривны и почестья 3 лисицы, вмѣсто которыхъ опредѣлено 40 кунъ безъ ногаты; если же въ Круплѣ три лисицы стоили 15 но-

гать, то отсюда никакъ нельзя прямо вывести, что та же цѣна имъ была и въ Вержавскѣ,—надо еще доказать прежде, что ихъ одинаково легко было достать и въ Круплѣ, и въ Вержавскѣ. Но этого-то доказать и нельзя, ибо цѣны лисицъ въ различныхъ мѣстностяхъ, поименованныхъ въ грамотѣ, не были одинаковы: это видно изъ того, что въ Поцинѣ почестье,—*дѣтъ лисицы*,—оцѣнено въ 22 куны: «...а се отъ Поциня: урока полторы гривны, а за *дѣтъ лисицы 22 кунтъ*..» ²⁴). Слѣдую Ланге, сравнимъ цѣну 3-хъ лисицъ въ Вержавскѣ съ цѣною двухъ лисицъ въ Поцинѣ: если за двѣ лисицы 22 куны, то за одну—11 кунтъ; затѣмъ, предполагая между Вержавскомъ и Поцинемъ то же равенство цѣнъ, какое Ланге предполагаетъ между Круплею и Вержавскомъ, мы должны бы были признать, что за 3 лисицы платилось 33 куны, а не 40 кунтъ безъ ногаты, какъ опредѣлено въ грамотѣ, или же предположить 7 кунтъ въ ногатѣ, чего и Ланге не предполагаетъ. Къ этому прибавлять нечего.

Гораздо серьезнѣе доводы *Прозоровскаго* въ пользу того же положенія, хотя этотъ изслѣдователь и утверждаетъ, что счетъ 50 кунтъ въ гривнѣ, сохранявшійся въ Смоленскѣ, въ Новгородѣ былъ пониженъ до 30 (*Монета и вѣсъ*, 567).

Прозоровскій говоритъ: «..Размѣръ гривны можно вывести чрезъ соображеніе суммъ, опредѣленныхъ въ пользу сборщиковъ виру и наклада, сборовъ, въ сущности однородныхъ, по штрафному ихъ характеру; такъ съ виру въ 40 гривенъ положено вирнику 8 гривенъ, а съ 80 гривенъ 16 гривенъ, слѣдственно, $\frac{1}{5}$ часть оклада; съ наклада же въ 12 гривенъ опредѣлено отроку 2 гривны и 20 кунтъ, что, по умноженію на 5, производитъ 10 гривенъ и 100 кунтъ, сумму, равную 12 гривнамъ; почему гривна была составлена изъ 50 кунтъ..» (*ibidem*).

Прежде-нежели дѣлать такой выводъ, слѣдовало бы объяснить значеніе *наклада* (Тр. 67): есть ли это сборъ со всѣхъ 12-ти гривенныхъ продажъ, которыхъ въ Правдѣ не мало, или же это плата отроку за какое-нибудь особое дѣло, въ которомъ труда ему было нѣсколько побольше, чѣмъ при простомъ сборѣ пеней? Такимъ дѣломъ могло быть восстановление испорченныхъ межей, на что указываетъ и самая связь статьи «*А се наклади*» съ предшествующими. Это, повторяемъ, слѣдовало бы объяснить потому, что если

въ этомъ признать накладъ вообще на 12-ти гривенную продажу, то нельзя избѣжать вопроса: а отчего же нѣтъ накладовъ на продажи другого количества: на 3 гривны, на 60 кунъ, на 30 кунъ? ²⁵⁾ Такое объясненіе необходимо еще и потому, что отъ того или другого рѣшенія этого вопроса различно освѣщается и самое основаніе рассматриваемой платы отроку. Кромѣ того, весьма смѣло сравнивать *вирника* съ *отрокомъ*: значеніе того и другого, получаемые ими доходы,—все было различно.

Вирникъ, судья, получалъ, кромѣ извѣстнаго *наклада*, значительный поборъ натурой, а это, какъ и самое дѣло, не могло не имѣть вліянія на размѣръ *наклада*; словомъ, потребно много предварительныхъ частныхъ изслѣдованій, прежде чѣмъ помножать 2 гривны 20 кунъ на 5 и утверждать, что въ 100 кунахъ не премѣнно 2 гривны. А между тѣмъ, въ *краткой Правдѣ* мы находимъ совершенно похожій случай: *накладъ въ 70 кунъ съ 12 гривенъ*, предназначенный поимщику 10 воровъ (Акад. 40, 41); въ этомъ случаѣ, полагая въ гривнѣ не 50, а 25 кунъ, найдемъ, что означенныя 70 кунъ *наклада ему* будутъ совершенно соотвѣтствовать 2 гривнамъ 20 кунамъ *наклада отроку* ²⁶⁾.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о послѣдней изъ названныхъ нами единицъ древней кунной системы,—о *векшѣ*, или *веверичѣ*.

Относительно того, что *векша* была такъ же, какъ и всѣ другія *куны*, металлической денежной единицей, мы имѣемъ прямые указанія въ памятникахъ. Тамъ, въ одномъ Прологѣ XIII столѣтія выраженіе «*ни до векшѣ*» совершенно соотвѣтствуетъ современнѣйшамъ выраженіямъ: «*ни копѣйки*», «*ни полушки*» и т. д., при чемъ слово «*векша*» означаетъ самую мелкую денежную единицу: «повѣдаше презвутерь Петръ» сказано въ одномъ мѣстѣ упомянутаго Пролога,—«ѿ стѣ Григорьи напѣ Римстемъ, ꙗко патриархъ създа монастырь великъ и заповѣда игоуменуу да никтоже ѿ мнихъ *ни до векшѣ* имоуть въ кельѣ...» ²⁷⁾. Одинъ изъ иноковъ этого монастыря, несмотря на воспрещеніе, имѣлъ у себя въ кельѣ 3 златицы, за что и былъ подвергнутъ епитиміи. Отсюда ясно, что *векша* принадлежитъ къ тому же роду денежныхъ знаковъ, какъ и златица, а въ извѣстномъ «*посланіи Симона къ Поликарпу*», въ «*повѣсти оъ Арестѣ черноризитъ*» ²⁸⁾, встрѣчается указаніе на *векшу*, какъ на самую незначительную серебряную мелочь: «Бысть

черноризецъ» читаемъ въ *повѣсти*, «именемъ Арефа, родомъ Полочанинъ, много богатства имый в келіи своей, никогда же не подаде *ни единой вѣщи* оубогимъ, ни хлѣба». Далѣе повѣствуется, что это *многое* богатство было похищено у любостяжательнаго инока; послѣдній пришелъ отъ того въ отчаяніе, сталъ роптать на Бога и, наконецъ, заболѣлъ; во время болѣзни ему было видѣніе, изъ котораго онъ позналъ, что еслибы перенесъ свою потерю безъ ропота, то она вмѣнилась бы ему въ милостыню, и онъ сподобился бы части Іова. Это видѣніе Арефа повѣдалъ братіи, окружавшей его одръ, и закончилъ свою исповѣдь такими словами: «Азъ возопихъ: Господи помилуй! Господи прости! согрѣшихъ, Господи,—Твое есть, не жалю си. И ту абіе бѣси исчезоша, и Ангели возрадовашася и вписаша ми въ милостыню *погибшее серебро*». Наконецъ, какъ на денежную единицу, на векшу указываетъ Мстиславовъ договоръ съ Ригю и Готландомъ, постановляющій: «Аже Латинескии коупитъ гривну серебра, *дати ѣмоу всюю двѣ вѣщи*» ²⁹⁾).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ памятниковъ мы можемъ составить себѣ понятіе о векшѣ, какъ о металлической денежной единицѣ, а равно и о томъ, что это была самая незначительная часть нашей кунной гривны; что касается содержанія ея въ гривнѣ, то писатели различно рѣшаютъ этотъ вопросъ: покойный *Бяляевъ* прямо отказывается отъ опредѣленія того, сколько въ гривнѣ векошъ ³⁰⁾, *Казанскій* полагаетъ, что куна равнялась 5—8 векшамъ, вопреки мнѣнію прежнихъ изслѣдователей вопроса, полагавшихъ векшу крупнѣе рѣзаны ³¹⁾. Наконецъ, досточтимый знатокъ нашей древней денежной системы, *Д. И. Прозоровскій*, уравнивая нашу векшу византійской *нуми*, или *фоллису*, и приводя тому основаніе, найденное имъ въ памятникахъ древней славянорусской письменности, считаетъ въ ногатѣ 30 векошъ (нумій) чистой цѣнности ³²⁾.

Таковы части нашей древней *гривны*. Сказавъ о нихъ, мы собственно окончили свое дѣло,—разсмотрѣніе и посильное объясненіе источниковъ по вопросу о деньгахъ Правды Русской. Но прежде, чѣмъ кончить, мы считаемъ нелишнимъ представить краткій обзоръ тѣхъ данныхъ, при которыхъ наши древнія *куны* окончательно упали въ цѣнѣ сравнительно съ деньгами новой, *рубле-*

вой системы. Это окончательное паденіе кунныхъ денегъ произошло въ теченіе XV столѣтія, и въ слѣдующемъ за симъ вѣкѣ кунъ совершенно исчезаютъ изъ употребленія, такъ-что XV столѣтіе можно считать послѣднимъ въ исторіи древнерусской, *кунной* системы.

Какъ кажется, тѣ данныя, обзоръ которыхъ мы рѣшили представить въ этихъ заключительныхъ строкахъ своего *опыта*, являются одною изъ немаловажныхъ причинъ этого паденія старыхъ нашихъ кунъ. Данныя эти—*извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ* въ теченіе всего XV вѣка, и хотя они касаются главнымъ образомъ Псковской области, но, приэтомъ, могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на состояніе цѣнъ на хлѣбъ за это время и во всей Русской землѣ.

Псковскія лѣтописи за XV вѣкъ представляютъ цѣлый рядъ извѣстій о цѣнѣ на хлѣбъ въ разные годы; при этомъ оказывается преобладаніе урожайныхъ лѣтъ и, слѣдственно, дешевизны хлѣба. Это обстоятельство, какъ увидимъ сейчасъ, имѣло весьма замѣтное вліяніе на отношенія старыхъ *кунъ* къ деньгамъ новой, *рублевой* системы: свидѣтельства лѣтописей показываютъ, что при дешевизнѣ хлѣба возвышаются новыя деньги, а старыя падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ ними; наоборотъ, при дороговизнѣ хлѣба это паденіе курса старыхъ *кунъ* приостанавливается, хотя, за всѣмъ тѣмъ, кунъ уже никогда не возвышаются до своего прежняго отношенія къ серебру.

Мы видѣли выше, что въ началѣ XV столѣтія въ рублѣ содержалось 30 гривенъ кунъ: такъ было во Псковѣ. Это отношеніе *кунъ* къ *рублямъ* объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ дешевизною хлѣба: «*быше хлѣбъ дешевъ*»,—такъ предваряетъ лѣтописецъ свой перечень цѣнъ хлѣба. Но настаетъ голодъ, и цѣна рубля понижается въ значительной степени, а цѣна гривны кунъ увеличивается. Это, по лѣтописямъ, случилось въ 1422 году: въ этомъ году по всей Русской землѣ, кромѣ Пскова, былъ сильный голодъ; коврига хлѣба на Москвѣ стоила полтину, а оковъ ржи—по рублю, въ Костромѣ же оковъ ржи стоилъ два рубля, а въ Нижнемъ-Новгородѣ—200 алтынъ; *дороговъ* была настолько сильна, что люди питались падалью, мертвечиной, а въ одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ сказано, что люди ѣли другъ друга въ этотъ бѣдственный годъ ³³).

Голодающіе стали толпами наводнять Псковъ, гдѣ *въ кромѣ* было ссыпано много *всякаго обилія*,—запасовъ прежнихъ, урожайныхъ лѣтъ, но вслѣдствіе этого наплыва иногородныхъ и вывоза *обилія* за рубежъ Псковской земли—хлѣбъ и здѣсь вздорожалъ: «зобница ржи по 70 ногатъ, а жита зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтину ржи полтретьи зобницы» ³⁴⁾. Что эти цѣны были въ самомъ дѣлѣ высоки,—что это была *дороговъ*, видно изъ того, что, по свидѣтельству лѣтописца, «*оттолъ* (какъ установились такія цѣны) *Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежъ ржи и никакова обилія, а нахожихъ людей начаша изъ Пскова провадити и изъ всѣхъ волостей*». Само собою разумѣется,—такая суровая мѣра была принята Псковскимъ вѣчемъ въ виду крайней необходимости самосохраненія и уничтоженія *дорогови*.

На основаніи этого извѣстія о псковскихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ 1422 году, принимая въ гривнѣ 20 ногатъ, легко рассчитать, что во время этого голода въ полтинѣ было уже не 15, а только 8³/₄ гривенъ кунъ,—слѣдственно, въ рублѣ было не 30, а 16³/₄ тѣхъ же гривенъ.

Голодъ продолжается цѣлые три года, три года стоитъ *дороговъ* и во Псковѣ. Въ лѣтописи подъ 1425 годомъ уже сказано: «бысть въ Псковѣ хлѣбъ *подешевле*,—по 5 зобницъ на полтину ржи» ³⁵⁾. Затѣмъ хлѣбъ дешевѣетъ все болѣе и болѣе; въ 1427 году на полтину уже давали 7 зобницъ ржи ³⁶⁾, въ 1428—8 ³⁷⁾, въ 1434 «во Псковѣ у Святѣй Троицы далъ Богъ хлѣба много и дешево, по 9 денегъ зобница ржи» ³⁸⁾, при чемъ, на полтину давали уже 13 зобницъ ржи ³⁹⁾; потомъ, начиная съ 1467 по 1476 годъ, цѣна на хлѣбъ, какъ кажется, была одинаково—дешева, а именно: 18 денегъ зобница, или 4¹/₂ деньги четвертка ⁴⁰⁾; только въ самомъ концѣ XV вѣка, въ 1499 году, встрѣчаемъ извѣстіе о дороговизнѣ хлѣба во Псковѣ ⁴¹⁾.

Такимъ образомъ, почти всѣ извѣстія изъ Пскова отъ XV вѣка говорятъ о дешевизнѣ хлѣба; вмѣстѣ съ этимъ старыя *куны* окончательно падаютъ, исчезаютъ и замѣняются *рублями, алтынами, деньгами*, какъ то можно видѣть и изъ приведенныхъ извѣстій Псковскихъ лѣтописей.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВВЕДЕНІЮ.

1) „*Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands u. s. w.*“ въ 1 томѣ его „*Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes*“.

2) Въ числѣ источниковъ Русской Правды баронъ Г. А. Розенкампфъ считаетъ и приговоры судовъ владычныхъ. Насколько въ этихъ приговорахъ отражалось вліяніе Византійскаго Права, конечно, нельзя узнать безъ помянутыхъ розысканій. Кромѣ того, какъ видно и изъ изслѣдованія того же ученаго, въ Кормчихъ Правда Русская помѣщается иногда въ связи съ постановленіями Судебника Константина, какъ равно и съ канонами Соборовъ; такъ въ статьѣ о *послушестве* (*Обозрѣн. Кормчей Кн.*, изд. 2-е, стр. 149—150, 151).—Мы сами это видѣли въ одной изъ *Чудовскихъ Кормчихъ*, какъ кажется, въ № $\frac{1}{167}$ (по новому *Описанію*). Ср. Калачева, 60—61.

3) *Изъѣздов., Запѣчан. и Лекцій о Р. И.*, VII, 285.

4) См. выше, а также—*ibid.* 283—284.

5) *Ibid.* III, 387.

6) См. Сводн. спис. Калачева, ст. XLII, стр. 95.

7) Надобно замѣтить, что для исторіи сношеній древней Руси съ Византією трудъ знаменитаго Филиппа Круга: „*Zur Münzkunde Russlands*“ до сихъ поръ не утратилъ значенія главнаго руководства, хотя время его изданія относится къ началу текущаго столѣтія. По вопросу о древнерусскихъ сношеніяхъ съ Востокомъ азіатскимъ главнымъ не только руководствомъ, но и источникомъ является книга Х. Д. Фрэна (*Frähn*): „*Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*“ SPtb. 1832.—Изданіе г. *Наніерскаго*: „Русско-Ливонскіе Акты“ представляетъ собою весьма полное и добросовѣстное собраніе источниковъ для рѣшенія вопроса о нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Западомъ.

8) Марка есть собственно *знакъ, граница*, а также — опредѣленная *мѣра или вѣсъ*.

9) См. *Фойт* (Voigt); Beschreibung der bisher bekannten Bömischen Münzen, II, 28—39 Anm. 51, 53. Ср. *Бутковскаго*: Нумизматика 115 и слѣд. Въ настоящее время германская (и австрійская) марка дѣлится также на 8 унцій, а въ унціи считается 2 лота. См. *Петрушевскаго*: Общая Метрологія, I, 26—27, 77—78.

10) См. напр., *London*: Numismatique du voyage du jeune Anacharsis 30 и сл.

11) *Rerum Moscovitic. Comm.* 52.

12) *Sarmatiae Europaeae Descr.* 79—80.

13) Судя по свидѣтельству иностранца *Петра Петрея*, монеты, ходившія у насъ незадолго до воцаренія дома Романовыхъ, своею формою и величиною напоминаютъ *portiuunculas* Герберштейна и Гваньина: „*Ihre Muntze*“, говоритъ Петрей о русскихъ монетахъ, „*ist weder rund noch vierecket, wie andere Muntze, sondern ist gar dünn und klein und hat ein Stempel, wie ein Ey, auf dass unter ihrer vnnnd anderen Potentaten Muntze soll ein vnterscheid seyn vnd dieselben dencken sollen, als weren Sie so kluge vnd verstendige Leute, dass ihnen nicht nöthig einer andern Form nach zu folgen, sondern weil Sie von allen andern Nationen in der Religion, Sitten vnd Gerbäuchen abgesondert, so wollten Sie gleichfalls auch in der Muntze abgesondert seyn*“ (*Rerum Rossicar. Scriptores exteri*, I, 310). Объясненіе причинъ, безъ сомнѣнія, болѣе курьезно, чѣмъ вѣрно.

14) Герберштейнъ l. cit: „ . . . Porro ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum aliorumque animalium, quorum pelles ad nos afferuntur, utebantur iisque vitae necessaria, seu pecunia, emebant“.—Отсюда, между прочимъ, видно, что *portiuunculas*, о которыхъ говорится раньше, какъ о предшественницахъ чеканной монеты, Герберштейнъ понимаетъ не какъ слитки, а какъ монеты, только грубой, первичной формы: подъ словами *ante monetam* здѣсь, очевидно, должно разумѣть какъ *monetam cusam*, современную Герберштейну, такъ и *portiuunculas*, quarum nulla nunc apparet. О мѣхахъ этотъ писатель говоритъ, какъ о древнѣйшихъ оборотныхъ цѣнностяхъ, употреблявшихся на Руси до знакомства Русскихъ съ серебромъ, ибо какъ только стали ввозить серебро въ русскіе предѣлы, то, по свѣдѣніямъ Герберштейна, fundebantur portiuunculae oblongae etc.

То же говоритъ и Гваньинъ l. cit. „ . . . Ante usum vero monetae Asproolorum aliorumque animalium pellibus utebantur, iisque vitae necessaria seu pecunia comparabantur“.—Употребленіе мѣховъ въ торгов-

лѣ въ его время Герберштейнъ объясняетъ распоряженіями правительства, старающагося сохранить ввозимые въ страну изъ-за границы благородные металлы: „ . . . Provincia sane argentum nullum habet, nisi quod (ut dictum est) importatur, nec Princeps usqueadeo effere prohibet sed cauet verius, atque ideo permutationem rerum facere et alia, ut pelles, quibus abundat, aut quid aliud ejusmodi pro aliis rebus dare recipereque suos jubet, quo argentum et aurum in provincia retineat“. Нѣсколько сильнѣе объ этомъ у Гваньина: „ . . . Mag. Dux aurum et argentum graui sub poena ex suis Regionibus efferre prohibet atque ideo permutationem rerum facere et alia ut pelles, quibus abundant aut, quid aliud ejusmodi pro aliis rebus dare jubet, quo argentum et aureum in suis Regionibus obtineat, adque ideo hunc Principem auri et argenti ditissimum esse dicunt“.

15) Герберштейнъ: „Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa“. Гваньинъ: „Vix autem centum anni elapsi sunt, cum Moschouitae moneta argentea, praesertim apud illos cusa, utuntur“.

16) Beschreibung etc. I, 65—68, 71, 81, 83, XI.

17) *Regenbogenschüsselchen* разсѣяны по всей Германіи и нѣкоторые считаютъ ихъ готскими монетами. См. *Бутковскаго*: Нумизмат. 108.

18) *Frähn*: Ibn-Foslan, 78, 81.

19) *Sabatier*: Description générale des monnaies byzantines, I, 90—91.

20) Ibid. 143, 191, planches: XLVIII, № 8, LII, № 19.

21) *Зап. Императ. Археол. Общ.* V, 299—300.

22) *О русско-визант. монет.*, 13 и сл.

23) *Voigt* II, 17—18; ср. I, 65.

24) *Frähn* и *Sabatier* l. cit.

25) См. *Werthoff*: Handbuch der Griechischen Numismatik, 36, Anm. 2.

26) Подробное описаніе ихъ см. у *Куника* (указ. сочин.) и *Сонцова*: Нумизматическія изслѣдованія слав. монетъ. М. 1865 г., причѣмъ у Куника помѣщена въ подробностяхъ литература вопроса, а у обоихъ — свѣдѣнія о монетахъ византійскихъ, польскихъ, норманнскихъ, а равномѣрно и инныя свѣдѣнія, могущія служить для уясненія взгляда на эти драгоценныя памятники нашей древности.

27) См. *Sabatier* ук. сочин. II, 190, № 20, 193, № 32, 33, 197, № 5—7, 211, № 23, 249, 250; planches: LII, № 18, LIII, № 8, 15—17, LIV, № 10, LV, № 1, LVI, № 2, 10, LX, № 6, 7. — *Lelewel*: Numismatique du Moyen-âge, I, 28—31, 37, 56; II, 5; 3, 26, 49; planches: III, № 25, 28, 47, 56; X, № 2, XIII, № 38, XXIII, № 2. — *Куникъ*: О русско-визант. мон. 121—136, 142—160.

28) См. *Куника* табл. В. № 1 и 2, С, № 6 и 7, *Сонцова* табл. XV, № 140.

29) *Lelewel*: укр. сочин. III, 68—69.

30) *Вильгельм Беккер*, описавшій этотъ пфеннигъ, говорить по его поводу: „Als Umschrift findet sich diesz Wort öfter . . . Es bleibt ungewis ob eine Stadt darunter zu verstehen sei oder nicht“ (*Zweihundert seltene Münzen des Mittelalters*, 7—8, tab. I, № 4). Безъ сомнѣнія, весьма странно говорить здѣсь о городѣ, какъ о Münzstadt пфеннига.

31) Академикъ *Шторхъ* въ своей статьѣ: „*De la monnaie de cuivre et particulièrement de celle de Russie*“, такимъ образомъ опредѣляетъ значеніе мѣдной монеты относительно монетъ изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра: „L'or et l'argent sont les seuls métaux—monnaie chez presque tous les peuples commerçans: les pièces de cuivre ne sont qu'une monnaie de confiance représentant une portion d'argent trop petite pour être frappée en monnaie“ (*Mémoires de l'Académie IMPER. des Sciences de S Ptersbrg*. V, 656; ср. ibid. 657—658).

32) *Lelewel*: Numism. III, 69.

33) См. у *Бар. Шодуара*: Aperçu sur les monnaies russes I, 134.

34) Слова *Петрса*: „... Vor Zeiten haben Sie (die Russen) die kleine küpferne Müntze gehabt, so Sie Puli genennet haben, vnd sein solcher Puli auffeinsilbern Dennigk 120 gegangen, damit Sie aber keinen Handel noch Wandel getrieben haben, sondern seyn wegen der Armen gemüntzet worden, so betteln gehen, vnd der Schlawen, so nicht vber ein halbe Vierthel Stunde arbeiten vnd andere Gewerb thun, vnd ihr Brod damit gewinnen vnd nicht allzeit ein Denning verdienen“ (Rer. Rossic. Scr. exteri, I, 310).

35) Покойный *П. С. Казанскій*, которому принадлежать весьма обстоятельныя и поучительныя „*Изслѣдованія о древне-русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ*“ въ ряду условій и пособій для изученія древне-русской монетной системы выставляетъ, между прочимъ, во 1-хъ) изученіе монетныхъ системъ византійской, ганзейской и ин. народовъ, имѣвшихъ торговыя стошенія съ Россіей; эти системы, по мнѣнію Казанскаго, должны быть поставлены въ параллель съ русской монетной системой; во 2-хъ) для познанія *уривенной* системы Казанскій рекомендуетъ изученіе позднѣйшей, — *рублевой*. *Записки Императ. Археол. Общ.* III, 105—107. Всѣ эти требованія прекрасно выполнены въ замѣчательномъ трудѣ *Д. И. Прозоровскаго*: „*Монета и вѣсъ въ древней Россіи до конца XVIII столѣтія*“ (ibid. XII, 327—743), при чемъ изслѣдователь началъ свои изысканія, такъ сказать, съ конечнаго предѣла и такимъ образомъ отъ извѣстнаго дошелъ до неизвѣстнаго, — отъ монеты и вѣса конца XVIII вѣка (стр. 350),

углубляясь въ древность, дошелъ до объясненія *гривенной* системы. Такой методъ, давая твердыя основанія для изслѣдованія нашихъ древностей по данному вопросу, раскрываетъ весь послѣдовательный ходъ развитія у насъ денежнаго вопроса и монетнаго дѣла.

Примѣчаніе. Наша книга уже была изготовлена къ печати, какъ вышелъ IV томъ *Сборника Археологическаго Института* и въ немъ прекрасная статья того же автора изслѣдованія о древнерусскихъ монетахъ и вѣсѣ—подъ заглавіемъ „*О кунныхъ цѣнностяхъ*“. Въ этой статьѣ мы съ удовольствіемъ увидѣли подтвержденіе своей главной мысли о кунахъ древней Руси, но въ нѣкоторыхъ частныхъ выводахъ, въ которыхъ г. Прозоровскій остался вѣрнымъ своимъ прежнимъ взглядамъ, мы не считаемъ себя въ правѣ согласиться съ достоуважаемымъ изслѣдователемъ нашихъ древностей, какъ то будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Здѣсь обращаемъ вниманіе читателя на предположеніе г. Прозоровскаго о *пулахъ*. *Пуло*, какъ мы сказали, считается татарскимъ названіемъ, какъ и *деньги*. Авторъ статьи „*О кунныхъ цѣнностяхъ*“, соглашаясь съ этимъ происхожденіемъ *денегъ*, предполагаетъ, что „пулъ“ не татарскаго, а византійскаго происхожденія и означалъ греческую *ленту*, которая составляла $\frac{1}{120}$ денара. *Пуло* онъ считаетъ греческимъ *ποῦλον* = *multum*, *ποῦλος* = *multus*, множество, мелочь; при этомъ, *тверскія куны*, о которыхъ будетъ упомянуто въ 1-й главѣ нашего *Опыта*, г. Прозоровскій объясняетъ именно *пулами*, которыя въ Твери были, по его выраженію, *особенно укоренены* (Сб. Арх. Инст. IV, 44—45). Впрочемъ, все это достоуважаемый ученый выражаетъ въ качествѣ предположеній.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

1) Напримѣръ: „Оже сѣно крадоутъ, то 9 *коунъ*“ ... „а въ десятину 9 *коунъ*“.

2) Вотъ полный сводъ всѣхъ статей Правды Русской, гдѣ слово *куны* употреблено безъ числительнаго обозначенія. Статьи указываются по изданію *Калачева*: „Текстъ Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“.

Акад. 42: „...тъ *всѣхъ коунъ* 15 коунъ на недѣлю“.

Пр. 2: „...отложиша оубиение за голову, но *кунами* ся выкупати“.

Ibid 17 „...на воду, оли то до дву гривентъ; аже мены, то ротѣ ему ити по *своѣ куны*“.

Ibid 31: „...будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до 3 свода, а что будетъ лице, то тому платити третьему *кунами* за лице...“.

Ibid 32: „...истцю свое лице взяти, а что съ нимъ погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти *своихъ кунъ*, зане не знаетъ, оу кого купивъ; познать ли на долѣ, оу кого то купилъ, то *свои куны* возметь“.

Ibid 35: устанавливается окончаніе *свода* на границѣ *чужой земли*, при чемъ отвѣтчикъ, купившій спорную вещь, долженъ доказать добросовѣстность своей покупки и возвратить истцу купленное. Слово *куны* въ этой статьѣ упоминается въ томъ же смыслѣ, какъ и въ 32-й.

Ibid 43: „*Оже кто кунъ взыщеть*. Аже кто взыщеть *кунъ* на друзѣ... а онъ возметь *свои куны*“. Въ соотвѣтствующей (14-й) статьѣ Акад. списка вм. *куны*—*скотъ*.

Ibid 44: Аже кто купецъ купцу дастъ въ куплю *куны* или въ гостѣбу, то купцу предъ послухи *кунъ* не имати...“.

Ibid 46: „...Аже кто дастъ *куны* въ рѣзъ...“.

Ibid 47: „...зандуть ли ся *куны* до того же года, то дадять ему *куны* въ треть... послуховъ ли не будетъ, а будетъ *кунъ* 3 гривны, то ити ему *про свои куны* ротѣ: будетъ ли болѣ *кунъ*, то речи ему тако...“.

Ibid 48: „...оуставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть *куны*...“.

Ibid 50: „Аже которыи купецъ гдѣ либо шедъ съ *чужими кунами* истопиться...“.

Ibid 51: „Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземець, а не вѣдая запуститъ занъ товаръ, а опять начнетъ не дати гостю *кунъ*, а первые должебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему *кунъ*, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое *гостинны куны*, а домашнимъ что ся останеть *кунъ*, тѣмъ же ся подѣлять; наки ли будутъ *княжи куны*, то *княжи куны* первое взяти, а прокъ въ дѣль...“.

Ibid 52: „Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обѣль, идеть ли искать *кунъ*..., то про то не робять его, но дати ему правду“.

Ibid. 55: „... (если господинъ на закупѣ) приметъ... *кунъ* то опять ему воротити *куны*, что будетъ *принялъ*... продасть ли господинъ закупъ обѣль, то наймиту свобода *во всякъ куныхъ*...“.

Ibid 58: „(если холопъ ударить свободного и т. д.; при встрѣчѣ съ обидчикомъ:) Ярославъ былъ оуставилъ оубити и, но сынове его по отци оуставиша на *куны*...“.

Ibid 110: „Аче же холопъ кдѣ *куны* вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати или лишитися его, вѣдая ли будетъ даль, а *кунъ* ему лишитися.“

Ibid 112: „Аже кто кренеть чужь холопъ, не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному *кунг* имати...“.

3) Дополн. къ А. И. I, № 3.

4) См. *Срезневскаго*: Свѣдѣнія и замѣтки о малопзвѣстн. и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XXXV (*Зап. Имп. Акад. Наукъ*, XI, прилож., стр. 38—39).

5) Дополн. къ А. И. I, № 4 Ср. Казанскаго: Изслѣдов. о древнерусск. мон. сист. въ *Зап. Имп. Археолог. Общ.* III, 132.

6) Рум. Собр. I, № 3 Ср. *Древн. Росс. Визліов.*, I, 3: здѣсь эта грамота отнесена къ 1263 году.

7) Рум. Собр. I, № 20.

8) *Чтен. Моск. Общ. Исторіи и Древн.* 1879 г. кн. I, л. 18 об.

9) Рум. Собр. I, № 6.

10) Ibid № 16 Еще другія свидѣтельства этого рода см. ibid № 7—12, 14, 75. О договорной грамотѣ 1375 года см. Н. С. Р. Л. III, 90; IV, 69—72. Ср. *Древн. Росс. Визліов.* I, № 14, стр. 33.

11) Русско-Ливонск. Акты, № CLXXIII.

12) *Владимірскаго-Буданова*: Христом. по Ист. Русск. Права I, 142, ст. 37.

13) Ibid, примѣч. 93.

14) А. А. Э. I, № 92, стр. 69. Выраженіе „*кунг не имати*“ въ смыслѣ, указанномъ въ текстѣ, встрѣчается даже въ одномъ памятникѣ XVI вѣка, а именно—въ *договорной грамотѣ великаго князя Василія Іоанновима съ Рогою*. Въ этой грамотѣ читаемъ: „А сторгуеть Ноугородецъ съ немчиномъ на Ругодиве, а будетъ товаръ у немчина въ бусе... а отъ того Ругодивцамъ *кунг не имати*...“ (Русско-Ливонск. Акты, № CCCLXIX). Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о торговыхъ пошлинахъ.

15) А. Ю. № 409, VI, стр. 434.

16) А. Ю. № 234. Ср. Сборн. Мухан. № 333, стр. 609—610. Въ этой закладной, какъ и во всякой другой, предусматриваются два возможные исхода сдѣлки: по истеченіи срока залогодатель выкупить свой залогъ или уже не выкупить его. Послѣдній исходъ предполагается возможнымъ лишь въ случаѣ несостоятельности залогодателя. На это есть указаніе въ самомъ актѣ, гдѣ залогодателю запрещается въ случаѣ неуплаты по займу требовать съ монастыря добавочной цѣны за заложенную землю. Само собою разумѣется, что это запрещеніе обезпечиваетъ монастырю возможность пріобрѣсти эту землю за меньшую цѣну сравнительно съ ея дѣйствительною стоимостью, съ другой же стороны, отсюда ясно, что залогодатель могъ лишиться своего имѣнія только въ крайнемъ случаѣ, — въ случаѣ несостоятельности. О нежеланіи выкупить его здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Что касается словъ „свои кунъ“, то они въ закладной противопоставляются *чужимъ* или *занятымъ кунамъ*. Не имѣя денегъ для уплаты монастырскаго долга, но не желая терять своего залога, залогодатель могъ прибѣгнуть къ займу требуемой суммы въ другихъ рукахъ, предоставивъ въ обезпеченіе ту же землю, и такимъ образомъ, удовлетворивъ монастырскую претензію, удержать свое. Въ предупрежденіе этого въ закладной говорится: „.... а изойде та пять лѣтъ, ино дати Уласью десять рубловъ да три сорока бѣлки *своихъ кунъ* Святому Николи,—*ино земля его ему, а у людей Уласью кунъ не имати на тую землю*: ино тая земля Святому Николи и въ вѣки въ тѣхъ кунахъ, а болши того Уласью кунъ не пріимати на той земли у Святаго Николи“. Занявъ *у людей* на уплату монастырскаго долга, залогодатель при помощи этихъ *занятыхъ, чужихъ кунъ*, очевидно, лишилъ бы монастырскихъ властей всякой надежды на пріобрѣтеніе своего „*полсеа на Косткови гори*“ по сходной цѣнѣ.

17) По древнѣйшимъ сводамъ въ 1410, а по позднѣйшимъ въ 1411 г.

18) П. С. Р. Л. III, 104; *Краткій Лѣтоп. Новгор. Владыкъ* (по издан. 1879 года) 137; П. С. Р. Л. VIII (*Воскресенск. Лѣтопись*), 85; *Древн. Лѣтоп.* II, 406; *Никон. Лѣтоп.* V, 42; *Русск. Временн.* I, 233.

19) См. *Карамзина*: И. Г. Р. (2 изд.) V, 396—400; *Соловьева*: И. Р. IV (3 изд.), 252—264; *Ариѣбашева*: Повѣствов. о Россіи I, 65—67, II, 368—371, III, 232—234; *Погодина*: Изслѣд., Забѣч. и Лекціи о Р. И. III, 246—302, VII, 300—321; *Бѣляева*—во 2-мъ т. *Разск. изъ Р. И.* и статья: „*Били ли на Руси монету до XIV вѣка*“ въ Зап. Арх. Общ. V, 303—315; *Костомарова*: Сѣвернорусск. Народопрѣвства II, 177—258; *Чужкова*: Историч. опис. россійск. коммерціи I, 112 и слѣд. Ср. также *Лелевеля*: Numism. III, 77—108. — Если сравнить съ словами этихъ писателей о развитіи нашей торговли до Татаръ и во время татарскаго ига, то, что находится объ этомъ предметѣ у арабскихъ писателей IX и X столѣтій, и равномѣрно—выводы *Круна* о древнерусскомъ богатствѣ и развитіи древнерусской торговли (*Zur. M. R.* 103, 145 и а.), то преобладаніе мѣховъ, какъ оборотныхъ цѣнностей, и въ болѣе раннюю пору русской жизни окажется, по крайней мѣрѣ, весьма сомнительнымъ.

Но вопросъ о древнерусской торговлѣ и экономическомъ благосостояніи нашихъ предковъ, подобно многимъ другимъ вопросамъ русскихъ древностей разрѣшается нѣкоторыми писателями и иначе; есть или, вѣрнѣе, были попытки изобразить бытъ нашихъ предковъ состояніемъ полудикарей-звѣролововъ. Такъ, г. *Муравьевъ* въ своихъ „*Историческихъ изслѣдованіяхъ о древностяхъ Новгорода*“ (Спб. 1828 г.)

на основаніи *общихъ соображеній*, оставляя безъ вниманія источники какъ равно и то, что было сдѣлано до него по этому вопросу, усиливается представить картину полудикаго состоянія Новгорода, продолжавшагося будто-бы до конца его самостоятельной исторіи (стр. 2, 7 и др.). Другой писатель позднѣйшій, нѣкто г. *Егунновъ*, написавшій статью: „*О торговлѣ древнѣйшей Руси*“ (*Современникъ* 1848 г. X), — старался доказать, что первые проблески торговли на Руси появились не ранѣе половины XI вѣка, что до этого времени предки наши не знали ни промышленности, ни капиталовъ, ни купцовъ. Эта теорія подкрѣпляется весьма скудными указаніями на первоисточники и—неправильнымъ пониманіемъ ихъ свидѣтельствъ, въ примѣръ чего здѣсь приводится взглядъ г. Егуннова на договоры съ Греками X вѣка. По мнѣнію этого писателя „основная мысль договоровъ не имѣть ни малѣйшаго соотношенія съ торговлею“, ибо Греки просятъ у Олега *мира*, а не *торговли*; Игорь обновляетъ *ветхій миръ*, а не *торговлю* и т. д. (Ст. 3: *О торговомъ сословіи* стр. 104). Формою мирнаго договора Руссы будто бы прикрываютъ въ данномъ случаѣ свою хищническую цѣль—получить богатую дань,—подъ прикрытіемъ договора имѣя будто бы было удобіе производить свои опустошительные набѣги (*ibid.* и 112). Трудно понять послѣ этого, для чего было нарушать этотъ миръ, какъ его нарушили Игорь, Святославъ; съ другой стороны, если бы форма мирнаго договора обезпечивала хищническія цѣли варваровъ, то она не могла бы быть желательна для Грековъ, а между тѣмъ, по свидѣтельству византійскихъ историковъ, это была обыкновенная форма, которою Греки обезпечивали себя отъ нападеній (см. *Погодина*: Изслѣдован., Замѣчан. и Лекціи о Р. И. I, 119 и слѣд.); то же должно сказать и о договорахъ съ Руссами. Отвѣтъ императора Іоанна Цимисхія нашему Святославу ясно показываетъ—съ одной стороны, что договоры были дѣйствительнымъ, а не кажущимся обезпеченіемъ мирныхъ сношеній, а съ другой,—что только, *нарушая прежніе договоры*, Святославъ могъ требовать съ Грековъ богатой дани и выкупа завоеванныхъ городовъ, плѣнныхъ и под. „Вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселенной“, говоритъ Цимисхій Святославу, „и исполняя христіанскіе законы, мы не должны сами разрывать мира, непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ, въ которомъ самъ Богъ былъ посредникомъ. Итакъ, совѣтуемъ вамъ, какъ друзьямъ, немедленно и безъ всякихъ отговоровъ выступить изъ земли, со всѣмъ вамъ не принадлежащей; не послушавъ сего совѣта, вы разорвете союзъ нашъ, а не мы“ (*Лѣва Діакона* Ист. 65). — Далѣе г. Егунновъ нѣсколько смягчаетъ свое прежнее сужденіе о торговлѣ и ди-

пломатических сношеніяхъ Руссовъ X вѣка съ Греками, какъ о формѣ, прикрывающей опустошительные набѣги первыхъ; онъ говоритъ, что путемъ своего согласія на мирный договоръ Руссы надѣялись получить если не дань, то болѣе или менѣе значительные дары (*ibid* 121), но, очевидно, Олегу и его сподвижникамъ такъ хитрить было не для чего, а Игорю и Святославу даровъ было недостаточно. Да и не въ дарахъ дѣло. Въ предварительномъ *свѣщаніи* 907 года Олегъ заботится главнымъ образомъ объ устройствѣ и облегченіи торговыхъ сношеній, объ обезпеченіи содержанія въ Константинополѣ русскихъ купцовъ и о возвращеніи ихъ домой: "... а иже придуть гости, да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ и вино, и мясо, и рыбы и овощъ, и да творять имъ мовь, елико хотять; пойдуть же домовъ в Русь да емлютъ у царя нашего на путь брашно и якори, и ужа, и парусы, елико имъ надобе" (*Лавр.* 30); что же касается самаго договора 912 года, то въ немъ ни о какихъ дарахъ и не упоминается, а просто опредѣлены взаимныя права и обязанности Грековъ и Руссовъ, проживающихъ въ Константинополѣ главнымъ образомъ въ качествѣ купцовъ или состоящихъ на службѣ при Византійскомъ Дворѣ; то же повторяется и въ Игоревомъ договорѣ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, происшедшими вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ и военнаго счастья. Мы обращаемъ вниманіе читателя на взглядъ Егунова на договоры Руссовъ съ Греками X вѣка потому, что на этомъ взглядѣ и его обоснованіи Егуновъ главнымъ образомъ строитъ свою теорію, направленную противъ общепринятаго въ наукѣ рѣшенія вопроса о торговлѣ древнихъ Руссовъ. Какъ обращается Егуновъ съ этимъ своимъ главнымъ первоисточникомъ, видно также изъ послѣдующихъ его разсужденій. Напр., на стр. 104—105 той же третьей статьи онъ говоритъ, что нѣкоторыя требованія Олега, особенно отяготительныя для Грековъ (*невыполнимыя*), были искусно отстранены послѣдними. Такъ требованіе свѣщанія: „да приходячи Русь хлѣбное емлютъ, елико хотачи“ будто-бы было устранено. „...Здѣсь“ говоритъ Егуновъ, „ясно видны требованія побѣдителя, и требованія *невыполнимыя*; греки поняли это, искусно отказали князю и вмѣсто требуемыхъ имъ привилегій предложили свои, слѣдующія: аще придуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячины“.—Здѣсь очевидно недоразумѣніе: во 1-хъ) *мѣсячина*, по Олегову свѣщанію 907 года, должна была даваться *только* однимъ купцамъ; слѣдственно, говоря, что Русь, приходящая *безъ купли*, не должна пользоваться мѣсячиною, Греки нисколько не измѣняютъ сущности этого требованія; во 2-хъ) условіе: „аще придуть Русь безъ купли...“ принадлежитъ вовсе не Олегову, а Игореву договору.... А

между тѣмъ на этомъ основаніи г. Егуновъ построилъ положеніе: „*смыслъ русскихъ купцовъ приходило въ Грецію очень немногo*“... Далѣе, желая доказать, опираясь на тотъ же первоисточникъ, свою мысль о характерѣ мирныхъ сношеній Руссовъ съ Греками, г. Егуновъ пространно толкуетъ статьи о помощи при кораблекрушеніяхъ. По его мнѣнію, Руссы, посѣщавшіе черноморскіе берега для морскихъ разбоевъ, обѣщая свою помощь при кораблекрушеніяхъ, *сольстили* Грекамъ, какъ Владиміръ сольстилъ помогавшимъ ему Варягамъ, Ольга—Древлянамъ, Олегъ—Аскольду и Диру (ibid 107). Но почему же *сольстили*?—А потому, отвѣчаетъ нашъ авторъ, что это *обязательство было для Руссовъ невыполнимо*; невыполнимость же этого обязательства обосновывается тѣмъ, что на черноморскомъ побережьи существовало много цвѣтущихъ колоній, которыя находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ своею метрополіею, и что *поэтому* Русь на каждомъ шагу могла встрѣтиться съ силою, готовой противостоять всякой храбрости и т. д.; взять на себя такое обязательство для Руссовъ значило признавать громадность своей силы, что уже рѣшительно невозможно (ibid). О чемъ говорить здѣсь г. Егуновъ, понять довольно трудно, и его ссылка на *Давр.* подъ 6420 (912) г. ровно ничего не объясняетъ, но во всякомъ случаѣ видно, что, благодаря населенности этихъ колоній, Норманнамъ иногда приходилось уступать силѣ,—разбой ихъ по черноморскому побережью не удавались: и—вотъ причина *невыполнимости* со стороны Руссовъ статьи о помощи при кораблекрушеніяхъ... Между тѣмъ, путемъ такихъ произвольныхъ и сбивчивыхъ толкованій договоровъ X-го вѣка Егуновъ старается доказать свою главную мысль, что торговля и дипломатическія сношенія Руссовъ съ Греками въ это время были формою, прикрывавшею хищническія цѣли Руссовъ.

Другой примѣръ того, какъ Егуновъ относится къ своимъ первоисточникамъ: въ подтвержденіе мнѣнія о бѣдности и дикости Руссовъ приводится извѣстіе Ибнъ-Фосслана и вотъ, въ какомъ видѣ: „Руссы на время торговли жили на берегу Волги *верстахъ въ десяти отъ Булгара* (курсивъ въ подлинникѣ), въ своихъ *шалашахъ по десяти и по двадцати человекъ* (idem) съ женами, наложницами и невольницами, привезенными для продажи, складывая *тутъ же* (!?) (sic) и свои товары“. — Указана 7-я стр. Френова текста. Далѣе: „Нужно ли имѣть слишкомъ быстрое воображеніе“ разсуждаетъ нашъ авторъ: „чтобы видѣть въ этихъ Руссахъ обыкновенныя артели охотниковъ, которые настрѣляя въ своихъ безконечныхъ лѣсахъ нѣсколько дичи и приобрѣта нѣсколько невольницъ, привозили все это мѣнять на произведенія востока“ (145). Но что говоритъ Ибнъ-Фоссланъ на 7 стр. у

Френа? — Вотъ что: „Sie (die Russen) kommen aus ihrem Lande, legen ihre Schiffe im Itil, welsches ein grosser Fluss ist, vor Anker und bauen sich an dessen Ufern *grosse Häuser* von Holz и т. д.“ Все дѣло, по Егунову, въ *шалашахъ*, въ которыхъ тѣснилось до 20 человекъ, не считая женъ и невольницъ; тутъ же складывались и товары сихъ дикарей: какъ все скудно, ничтожно! Но вѣдь такая картина дикости и скудости вовсе не принадлежитъ Ибнъ-Фослану, какъ видно изъ приведенныхъ его словъ. Если даже читать вмѣсто *Häuser* — *Hütten, Baracken* (Grähn, 23, Anm. 48), — все-таки величина этихъ хижинъ оказывается значительно (*grosse Hütten*), и слѣдственно, нельзя говорить здѣсь о скудости товара, складываемаго въ тѣсномъ и переполненномъ людьми помѣщеніи. Ссылаясь на это свидѣтельство, столь сомнительно-понятое, Егуновъ умалчиваетъ о томъ, что говоритъ Ибнъ-Фосланъ о богатствѣ Руссовъ. Напр., см. *ibid.* 21, Anm. 185, S. 133 или раньше — о погребеніи знатнаго Русса: 11 ff. и т. д. — Нѣкоторыхъ другихъ выводовъ и положеній Егунова (*напр., о юстахъ*) мы коснемся въ дальнѣйшихъ выпускахъ своихъ *Изслѣдованій*.

20) *Кунникъ*: О русско-визант. мон. 6.

21) *Кѣне*: Описан. европ. мон. X, XI и XII в., найденныя въ Россіи, 2, примѣч. 1. Подъ *официальными оборотными цѣнностями* мы разумѣемъ такія, которыя или исключительно употребляются въ данной странѣ въ данное время или, по крайней мѣрѣ, преобладаютъ; ими опредѣляется *типъ* всей денежной системы этой страны. Очевидно, что если говорить, на основаніи разсматриваемаго лѣтописнаго извѣстія, объ *отмѣнѣ кунныхъ мѣховъ*, то можно понимать такую отмѣну *только* въ указанномъ смыслѣ, ибо и при господствѣ системы металлическихъ оборотныхъ цѣнностей куньи мѣха, какъ предметъ цѣнный самъ по себѣ, могутъ, по желанію контрагентовъ, быть не только объектомъ, но и орудіемъ сдѣлки, т. е. *купля-продажа* можетъ всегда обратиться въ *мѣну*: за свой товаръ купецъ, по соглашенію съ покупателемъ, можетъ взять не ходячими деньгами, а вещами, напр., кунными мѣхами, и воспретить такого рода сдѣлку никто не можетъ.

22) П. С. Р. Л. III, 109; *Кратк. Лѣтоп. Новгород. Влад.*, 138; *Древн. Лѣтоп.* II, 447; П. С. Р. Л. VIII, 90; *Архангелогор. лѣтоп.* 111 (1421 г.)

23) *Прод. Древн. Росс. Визіюв.* II, 682.

24) Примѣры: „...сей же зимы мѣсяца ноябрю въ 30 день, на память святаго Апостола Андрея чудо бысть страшно въ церкви святаго Миханла на Сковороткѣ: звукъ бысть въ маковницѣ...“ (*Новгор. Перв. лѣтоп.* подъ 1409 г.), или въ извѣстіи о знаменіи отъ Богородичной Иконы 13 августа 1339 года: „...изъ обѣю очію яко слезы текуху“ и

мн. др. Нигдѣ нѣтъ обозначеній, кто былъ въ то время посадникомъ и тысяцкимъ. Намъ могутъ возразить, что и въ извѣстіяхъ о деньгахъ такихъ обозначеній обыкновенно нѣтъ. Отвѣтъ: сравнивать можно только подобныя извѣстія. Всѣ извѣстія о знаменіяхъ и чудесахъ подобны, ибо въ нихъ излагаются событія одинаковой важности: всѣ чудеса или знаменія суть дѣйствія Божественной Воли и Премудрости; въ этомъ—вся ихъ сила, въ этомъ же и ихъ подобіе другъ другу и даже тожество.

Совсѣмъ иное должно сказать о другихъ извѣстіяхъ, которыя могутъ быть сходны по предмету, но несходны по своему общественному значенію. Таковы, между прочимъ, и извѣстія о деньгахъ. Извѣстіе подъ 1410 годомъ говоритъ о введеніи грошей, ортуговъ, лобцовъ, замѣнившихъ прежнія *куны*; извѣстіе однопредметное подъ 1420 годомъ говоритъ только о замѣнѣ ортуговъ серебряными деньгами. Предметъ одинъ, но значеніе обоихъ извѣстій разное, а потому между ними нѣтъ того подобія, которое необходимо для сравненія ихъ между собою. — Ортугъ XV вѣка=3 любскимъ пфеннигамъ. Литовскій грошъ былъ немного болѣе нашей копѣйки. См. *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ въ древн. Россіи (*Зап. Императ. Археолог. Общ.* XII), 444—445, 523.

25) Это напоминаетъ тѣ извѣстія, въ которыхъ общимъ именемъ *кунъ* называются и бѣличьи мѣха. Такія извѣстія уже знакомы намъ изъ предъидущаго. А вотъ слова одной старинной духовной грамоты, какъ кажется, новгородской: „...А цто ми взяти у Игнатѣя, у моего брата *пять сороковъ бѣлъ а въ тѣхъ кунѣхъ* заложилъ мнѣ шесть лоскутовъ земли...“ (Сборн. Мухан. № 331).

26) *Опытъ о посадникахъ новгородскихъ*, 225—226. Ср. *Карамзина*, V, примѣчан. 245; *Соловьева*, IV, 260; *Каменовскаго*: О кожан. деньгахъ, 52 и слѣд.

27) П. С. Р. Л. IV, 6; ср. *ibid.* III, 8.

28) *Ibid.* III, 22; IV, 17.

29) Приводимъ здѣсь выдержку изъ этого *Слова*—съ надписаніемъ:

„Слово о дающихъ коуны въ рѣзы.

„Мира сего члѣвци никако же которъ оставляються. аще не съ при-
„логомъ възмоутъ вещи. рѣзы же взимають яко быти ихъ правдѣ на-
„чало злобѣ же и обидѣ величѣи. сего ради ѿемлющей рѣзы нечистѣй.
„и жесточии именуотся мерзѣчи и предъ бѣмъ и предъ члѣвкы. и эти-
„ноудъ крѣпѣномъ ѿречено естъ рѣзноу промышление. яко же рече
„прркъ ѿ неправеднѣмъ градѣ. не оскудѣтъ ѿ поутѣ его лихва и леть.
„ѿ праведнѣмъ же иже *сребра* своего не даеть въ лихову. и ѿже пакы
„ѿ лихвы и ѿ неправды избавити доуша ихъ. притѣчникъ же. множа

„бѣтство свое сlixвою и прибыткы. милоующимъ нищаа събереть а. вѣмъ и азъ нѣкми. ако заприобрѣтеніе лихвы и главы съдѣшею отщетишася. повелѣваетъ и законъ гл҃м. единоувѣрнику же си не изlixвоюи. *ни злата ни всего житиа. и пакы коуны своихъ врѣзы не вдаси.*“

(См. у *Срезневскаго*: Свѣдѣн. и Запѣтки о малоизв. и неизв. пам.— въ Прил. къ XX т. *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, кн. I, стр. 25—26.)

30) Въ Новгородской Первой лѣтописи подъ 1310 годомъ находится слѣдующее извѣстіе: „...Того же лѣта постави церковь камену на Коломцахъ архимандритъ Кюриль Успеніе Святыя Богородица, а другую камену поставиша церковь на Дубенкѣ *Покровъ Святыя Богородица стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха*“ (П. С. Р. Л. III, 69). Щиль, или Шиль, по имени былъ также Олоній (Леонтій) и построилъ также храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы: вотъ, очевидно, тѣ *соображенія*, на основаніи которыхъ почтенный историкъ *Н. И. Костомаровъ* относитъ основаніе Покровскаго Щилова монастыря къ 1310 году (*Сѣвернорусск. Народопр.* II. 336). Но другія *соображенія*, болѣе важныя, заставляютъ думать, что это простое совпаденіе именъ, и отнести основаніе Щилова монастыря ко времени позднѣйшему на цѣлое столѣтіе. Во 1-хъ, Щиль не былъ инокомъ, во 2-хъ, въ 1310 году въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Давыдъ, поставленный въ 1309 году св. Митрополитомъ Петромъ и управлявшій Новгородскою Церковью 17 лѣтъ (*Кратк. Лѣтоп. Новгор. Влад.* 134), а *повѣсть* говорить объ архіепископѣ Іоаннѣ. Архіепископовъ же этого имени въ Новгородѣ было два: при первомъ изъ нихъ основана тамъ *Архіепископія*; этотъ архіепископъ управлялъ Новгородскою Церковью во второй половинѣ XII вѣка (1165—1186). Другой архіепископъ Іоаннъ (II-й) былъ поставленъ изъ игуменовъ Спасо-Хутынскаго монастыря митрополитомъ Пименомъ въ 1388 году и скончался въ 1415 (*ibid.* 131, 137). Ясно, что если считать основаніе Щилова монастыря позднѣе XII вѣка, то необходимо отнести его къ концу XIV или къ началу XV вѣка, а никакъ не къ началу XIV. Но при этомъ, надо замѣтить, что ни одна лѣтопись не относитъ основанія этого монастыря къ XII вѣку.

Впрочемъ, сами лѣтописи даютъ право считать Щиловъ монастырь основаннымъ въ 1310 году: нѣкоторыя изъ нихъ прямо о томъ свидѣлствуютъ. Въ Новгородской Второй лѣтописи приведенное извѣстіе подъ 1310 годомъ читается такъ: „...а другую постави церковь камену во имя святаа Богородица Покрова стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха, *нарицаемаго Шила*, и бысть монастырь и т. д.“ (П. С. Р. Л. III, 130); то же повторено и въ Новгородской Третьей лѣтопи-

си подѣ тѣмъ же годомъ, приче́мъ Олоні́й названъ *Щиломъ*, архіепископомъ же въ это время прямо названъ Давы́дъ, что, какъ было видно выше, совершенно соотвѣтствуетъ хронологическимъ даннымъ объ этомъ Святителѣ (ibid. 223). Но затѣмъ, въ той же Новгородской Третьей лѣтописи подѣ 1410 годомъ находимъ такое извѣстіе: „Поставиша церковь каменѹ на Дубенкѣ во имя Пресвятыя Богородицы Покрова стяжаніемъ раба Божія Олонія мни́ха, нарицаемаго Шила, при архіепископѣ Иоаннѣ“ (*Новгор. Лѣтописи* изд. 1879 г., 253; ср. П. С. Р. Л. III, 235, в). — Таковы данныя о Щиловомъ монастырѣ по Новгородскимъ лѣтописямъ: основаніе этого монастыря относятъ и къ 1310, и къ 1410 годамъ, приче́мъ такое разнорѣчіе замѣчается въ одной и той же лѣтописи. Ясно, что гдѣ-нибудь ошибка; но — гдѣ? въ началѣ XIV или въ началѣ XV вѣка? — По нашему мнѣнію, этотъ вопросъ разрѣшается вторымъ извѣстіемъ (подѣ 1410 г.) Новгородской Третьей лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ: эта лѣтопись называется „Книга глаголемая Лѣтописецъ Новгородскій въ кратцѣ церквамъ Божіимъ, въ которое мѣто которая церковь во имя строена и при которомъ Епископъ или Архіепископъ или Митрополитъ и т. д.“. Изъ этого надписанія само собою слѣдуетъ, что отъ Новгородской Третьей лѣтописи мы вправѣ ожидать наибольшей полноты данныхъ о построеніи церквей, и дѣйствительно: приведеннаго извѣстія о Покровской церкви подѣ 1410 годомъ мы болѣе нигдѣ не находимъ. Съ другой стороны, — редакція извѣстія подѣ 1310 годомъ въ древнѣйшемъ спискѣ Новгородскихъ лѣтописей, — въ такъ называемой Новгородской Первой лѣтописи XIV вѣка (все остальные — по спискамъ, не раньше конца XV в.), не даетъ, какъ видно было выше, никакого права говорить о Щиловѣ монастырѣ. Отсюда — выводимъ: 1) извѣстіе объ основаніи Щилова монастыря сохранилось только въ Новгородской Третьей лѣтописи, 2) въ 1310 году была построена Покровская церковь на Дубенкѣ *какимъ то* Олоніемъ инокомъ. Позднѣйшіе новгородскіе списки, очевидно, смѣшали этого Олонія — мни́ха съ Олоніемъ Щиломъ и древнюю Покровскую церковь на Дубенкѣ съ позднѣйшею того же имени и на томъ же мѣстѣ, построенною спустя цѣлое столѣтіе. Искаженное такимъ образомъ извѣстіе 1310 года попало и въ Новгородскую Третью лѣтопись, но если остальные позднѣйшія Новгородскія лѣтописи удовольствовались этимъ искаженнымъ фактомъ, то *Лѣтописецъ церквамъ Божіимъ*, внеся и его въ свой сводъ, не могъ опустить и извѣстія подѣ 1410 годомъ: это несомнѣнно доказываетъ большую добросовѣстность составителя этого свода, хотя, быть можетъ, и меньшее искусство въ сочиненіи лѣтописей. — Наконецъ, 1410 годъ болѣе соот-

вѣтствуетъ и тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ сама *повѣсть*, упоминая объ архіепископѣ Іоаннѣ, а не о Давыдѣ, какъ то дѣлаетъ-составитель Новгородской Третьей лѣтописи въ первомъ извѣстїи; онъ не замѣтилъ своей ошибки, но, желая быть точнымъ, прибавилъ и имя владыки, бывшаго въ 1310 году: вѣдь опредѣленіе, при какомъ епископѣ или архіепископѣ была построена та или другая церковь въ Новгородѣ, входило, какъ мы видѣли выше, въ задачу его лѣтописанія.—Впрочемъ, Новгородская Третья лѣтопись также ошибочно называетъ Щила *мнихомъ* и подъ 1410 годомъ, тогда-какъ *повѣсть* свидѣтельствуетъ, что Щиль умеръ міряниномъ, но при наибольшемъ хронологическомъ соотвѣтствїи такое разногласіе не представляетъ особой важности. На основанїи всего сказаннаго мы полагаемъ, что построеніе Покровскаго Щилова монастыря должно отнести къ 1410 году, когда была построена церковь на мѣстѣ древней того же имени и построенной сто лѣтъ тому назадъ.—Ср., между прочимъ, *Калайдовича*: Дополн. къ Опыту о посадн. 303—305.

31) Памятн. Старинн. Русск. Литерат. I, 21—25.

32) Кенигсбергск. Лѣтоп. 288.

33) Въ такъ называемой *Новоіерусалимской лѣтописи* подъ 1535 годомъ читаемъ: „...Того же лѣта Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всеа Русїи... повелѣ дѣлати *денги серебряныя* новыя на свое имя безъ всякаго примѣса: изъ гривенки изъ скаловыя 300 денегъ новгородскихъ, а въ московское дѣло 3 рубли Московская равно, а по указу отца его, Великаго князя Василя Ивановича всеа Русїи, изъ тоя же гривенки дѣлали полътретьяста денегъ новгородскихъ и десять, а въ московское число полътретья рубля съ гривною. А при Великомъ князѣ Василю Ивановичѣ бысть знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ, а Князь Великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя копые въ руцѣ—и отголѣ прозвашася денги копейныя...“ (П. С. Р. Л. VI, 296—297). Причиною этого преобразованія лѣтописецъ считаетъ обрѣзываніе и подмѣсъ старыхъ денегъ; впредь, на основанїи указа, поддѣльвателямъ угрожаетъ казнь, по всей вѣроятности—торговая. Ср. *Царств. Кн.* 46, П. С. Р. Л. VIII, 289, *Никон. л.* VII, 7—8, *Отрывокъ Новгород. лѣтописи* въ издан. 1879 г. 126, *Черткова*: Описан. древн. русск. мон. въ *Трудахъ и Лѣтоп. Московск. Общ. Исторїи и Древн.* (1837 г.) VII, 26—29.—Карамзинъ полагалъ, что при Великомъ Князѣ Дмитріи Донскомъ, въ исходѣ XIV-го вѣка, рубли считаются уже мелкою серебряною монетою, какъ совокупность послѣдней, т.-е. *реальные рубли* исчезаютъ изъ оборота (V, 121, примѣчан. 135, стр. 74—76). Но

позднѣйшія нумизматическія открытія опровергають это опредѣленіе времени исчезновенія *реального рубля*: найдены рубли-слитки не только времени государственія Василия Темнаго, но и принадлежащіе современнику Іоанна III, Тверскому Великому Князю Михаилу Борисовичу (1461 — 1485). (См. *Бяльева*: Очеркъ исторіи древн. монетн. сист. на Руси—въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. Ист. и Древн. 1846 г., кн. 3, стр. 23).

О введеніи медальныхъ рублевиковъ мы находимъ извѣстіе у *Котошихина*, который, описавъ наше денежное дѣло, какъ производство мелкихъ серебряныхъ денегъ, говоритъ: „Да въ прошлыхъ годѣхъ, какъ учинилося у московскаго царя съ Полскимъ Яномъ Казимиромъ королемъ недружба и война, а потомъ и съ королевскимъ величествомъ Свѣйскимъ: и за продолженіемъ Полскіе войны и для пополненія казны, и для посиженія ратнымъ людямъ на жалованье дѣланы денги, рублевики серебряные величиною противъ Любского, четверти рублевые (sic) вѣсомъ 5 алтынъ 2 денги и т. д.“ (*О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайла.*, изд. 1859 г., стр. 80—82). *Баронъ Шодуаръ* называетъ эти рублевики „*les premiers Roubles*“ (*Aperçu*, I, 127). Ср. *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ въ древн. Р., 428—429.

34) Сводн. списокъ Калачева, ст. XVI и CXXXVIII, стр. 87, 135.

35) Русско-Лив. Акты, *Anhang* № 1, ст. 24, 28, стр. 434, 436.

36) *Ibid.* № XVI.—Ср. Рум. Собр. I, № 143 (1504 г.).

37) Особенно-точно и подробно это различіе—у *Гваньина*. Вотъ его описаніе: „*Moneta in toto Moschorum Ducis imperio est quadruplex: Moschovitica, Nouogardensis, Twerensis et Pleskouiensis. Moschouiticus nummus non rotundus est, sed oblongus et ovali quodammodo formae similis, idiomate eorum Dzenga dicitur. Duplici avtem modo cuduntur, primus in una parte hominis nudi equo insidentis et draconem hasta ferientis imaginem habet, in altera vero parte nomen Magni Ducis exprimitur, secundus ex utraque parte literis nomen Magni Ducis et titulum exprimentibus insignitur. Horum autem sexaginta unum Ducatum, sive aureum Ungaricalem, valet. Nouogrodensis nummus in una parte principis in solio sedentis imaginem hominisque exadverso sese inclinantis habet, ex altera parte scriptura insignitur vocaturque Nowogrodka et Moschouiticum nummum valore in duplo superat. Twerensis nummus utrinque scripturam habet, valore Moschouiticum refert. Pskouiensis in una parte caput bovis coronatum, in altera vero scripturam habet*“ (*Sarm. Europ. descript.* 79 и сл.). Короче и нѣсколько иначе объ этомъ—у *Герберштейна*: „*Monetam argenteam quadruplicem habet: Moscouiticam, Novuogardensem, Twerensem et Pleskovuiensem*

Moscoviticus nummus non rotunda, sed oblonga et ovali quodammodo forma, Denga dictus, diuersas habet imagines, — antiqua in una rosae, posterior hominis equo insidentis imaginem, in altera autem parte utraque scripturam habet. Illorum porro centum unum Hungaricalem aureum... faciunt. Twerensis utrinque scripturam habet et valore Moscovitico aequiparatur. Novuogardensis in una parte Principis in solio sedentis, hominisque ex aduerso sese inclinantis imaginem, in altera scripturam habet, atque Moscoviticum ualore in duplo superat... Plescouensis caput bouis coronatum, in altera uero scripturam habet.“ (*Rer. M. C.* 57).

38) У Пемпея въ его „*Historien und Bericht von dem Grossfürstentumb Muschkow*“. „... Ihre Müntzen werden gemeiniglich in diesen vier Städten geschlagen, als Мпsskow, Twer, grosse Newgard und Pleskow und seyn die vornehmsten Bürger und Kauffleute in obgemeldeten Städten privilegiret, dass sie mögen Müntze schlagen, wie der Grossfürst selbst, doch unter dess Gross Fürsten Gepreg und Namen...“ (*Rer. R. S. ext.* 309), Въ упоминаніи тѣхъ же четырехъ городовъ, о монетахъ, которыхъ говоритъ и Герберштейнъ, нельзя не видѣть свидѣтельства того, что эти города въ самомъ дѣлѣ долго сохраняли свою монету. Это древнее право, уничтоженное, наконецъ, какъ таковое, но оставшееся какъ привилегія, въ XVII вѣкѣ, а по всей вѣроятности — и раньше, въ XVI вѣкѣ, — обратило Тверь, Новгородъ, Псковъ въ главные мѣста чеканки общерусской монеты, закрѣпило за ними хоть это значеніе, — слабый отголосокъ прежней политической самостоятельности.

39) Жалованн. грам. Вел. Кн. Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ князей Тверскому Отрочу монастырю — въ А. А. Э. I, № 34. Въ нашихъ минцкабинетахъ находится много монетъ съ штемпелями различныхъ княжествъ и въ томъ числѣ нѣсколько съ обозначеніемъ Тверскаго княжества; напр., въ собраніи *кн. Доморукова* есть серебряная монета вѣсомъ въ 3½ доли, имѣющая на лицевой сторонѣ изображеніе летящей вправо птички, а на оборотной — надпись: „*Тверская*“ (Описан. неиздан. русск. мон. въ *Записк. Им. Археол. Общ.* III, 37, № 13); у *Черткова* находятся серебр. монеты конца XIV и начала XV вѣка съ надписью: „*денга тверская*“ и мѣдныя съ надписью: „*пуло тверское*“ (*Труды и Лѣтописи Моск. Общ. Ист. и Древн.* VII, 36, 41—43). Кромѣ того, въ указанныхъ собраніяхъ встрѣчаются монеты съ надписями: „*денга псковская*“, „*денга можайская*“, „*печатъ суждальска*“, „*печатъ городенска*“ и пр. См. *Труды и Лѣтоп. ук.* т. 23,

44—45, 208—209, *Описан. кн. Доморукова* 39—40, № 20. Ср. *Сонцова*: Деньги и пулы древней Руси, табл.: I, № 4, 5, 8, XI, № 109.

40) *Ламе*: Изслѣдов. объ угол. правѣ Р. Правды въ *Архивъ истор. и практ. свѣдѣн., относящ. до Россіи*, изд. Калачевымъ, I, *Монограф.*, 40, 2, 49.

41) А. Ю. № 71, XXIX.

42) Какъ, напр., *ibid.* XXIV: „Се купи игуменъ Василій землю.... А даль на той земли Василей Мѣхю 60 бѣлъ да 3 бѣлъ, да два пуза жита сѣмянного пополонка, а купилъ себѣ одерень и своимъ дѣтемъ“.

43) Напр., въ той духовной, которая приведена выше, въ примѣчан. 25-мъ: „...А будетъ Игнатъевымъ дѣтемъ до земли, а кунъ у нихъ будутъ свои: и ни дають кунъ святому Николи, а земля имъ...“, а также см. примѣчан. 16-е и др. прим.

44) Ср. *Лакіера*: „Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до временъ Петра В“. въ *Записк. Импер. Археолог. Общ.* V, 254, 259. Этотъ изслѣдователь, между прочимъ, оспариваетъ извѣстіе иностранныхъ писателей XVI вѣка, что будто въ это время русскіе золотыхъ дѣлъ мастера чеканили монету для частныхъ лицъ, которые приносили имъ серебро и за это получали соотвѣтствующее по вѣсу количество монетъ, т.-е. что въ XVI вѣкѣ монетное дѣло у насъ было простымъ ремесломъ, произведенія котораго были предметомъ мѣны. Это извѣстіе находится у *Герберштейна* и у согласнаго съ нимъ *Гваньина*. У *Герберштейна*: „... Omnes fere aurifabri Moscoviae nummos cudunt, et quicumque affert massas argenteas puras nummosque cupit, tum nummos et argentum appenduntur atque aequa lance librant. Exiguum est et constitutum precium, quod ultra aequale pondus soluendum est aurifabris, parvo alioqui laborem suum uendentibus“. У *Гваньина*: „...omnes fere aurifabri in Moschouia, Nouogradia, Tweria et Pskouia nummos cudunt et quicumque affert massas argenteas puras, nummos abaurifabro transmutare volens,—tum nummi et argentum appenduntur atque aequa lance librantur, mercedem autem laboris exiguum aurifabri reportant“. (Ук. соч. и мѣста).

45) См. *Карамзина* I, примѣчан. 477. Ср. *Казанскаго*: Изслѣд. о древнерусск. мон. сист. въ *Зап. Арх. Общ.* III, 118.

46) Сводн. спис. Калачева, ст. CXXXVI, стр. 134, ст. LI стр. 97.

47) Ср. *Каченовскаго*: О кожан. деньгахъ, 30—31.

48) *Половцы* и *Печенги* считаются за одинъ народъ, причемъ первое названіе признають русскимъ; такъ *Стрыйковский* говорить: „... przewali ich Rusacy Połowcami, iż w polach mieszkali, albo iż polowaniem, to jest myślistwem i łowem zwierza żyli, albo Połowcami, jacyby łupesca-

mi, iż z swdzego połonu i łupow żyli...” (*Kronika Polska*, I, 168—169). Это мнѣніе, впрочемъ, высказано еще ранѣе Стрыйковскаго—другимъ польскимъ писателемъ, *Матиномъ Бѣльскимъ*, у котораго оно заимствовано первымъ; Бѣльскій въ своей *Хроникѣ* говоритъ: „... od Rusi są weswani Połowcy od plonu, bo Ruś plon połon zowie, abo też od łowow, bo się łowieniem zwierza bawili...” (*Zbiór Pisarzy Polsk*, XI, 207). Ср. *Татищева*: Ист. I, 357; *Ариѣбашева*: Повѣств. о Р. II, 24, примѣчан. 128.—О *Печенгахъ*. Императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ: „...Quare Russi diligenter pacem cum Partzinacitiis servant: nam ab iis boues, equos et oues mercantur... nam neque boues, neque oues aut equi in Russia sunt“ (См. у *Шлецера*: Allgemeine Nord. Gesch. 531, § 34.)

49) *Скотъ* въ нашемъ смыслѣ, т. е. *животный*, въ древности назывался иногда *скотомъ животнымъ*, какъ бы въ отличіе отъ *скота—денегъ*. Въ *Шестодневѣ*, въ *Словѣ третьемъ* читаемъ: „... шрли или врали или ноута, или кони и прокыи *скотъ животный* въ сеи живѣ жизни умреть и на погибель идеть...” (*Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древностей* 1879 г. III, кн. I.).

50) Русско-Лив. Акты, № 1.

51) *Тр.* 43 и 44. Эти двѣ статьи имѣютъ одно общее надписаніе, причемъ въ *Синодальномъ* спискѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, это надписаніе таково: „а *ѡже кто скота възмщеть*“ а въ *Карамз.*—„о *запрѣннй кунъ*“. Ср. Сводн. сп. Калачева ст. CXXXVI.

52) *Вислицк. статутъ* 1347 г., ст. 107: „...Мартинъ жаловаль на Микулу: коли ораль свое поле, торды опустилъ мошьню, а въ ней *3 скоты*; Микула, сѣючи то поле, изнашелъ тую мошьню *съ тыми грошми*...” (Акты Зап. Россіи I, № 2, стр. 15).

53) Русск. Достопамят., I, 69—70.

54) О *скотѣ, кунахъ, скотиницѣ* см. *Куника*: О русско-виз. мон., 6—7, 84—85, 151, въ примѣчан. 178.

55) Ср. *Казанскаго* ук. соч. 118 и слѣд.—о шведскомъ словѣ *skatt*. *Бар. Шодуаръ* полагаетъ, что деньги назывались *кунами* въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гдѣ главное богатство жителей составляли мѣха, тамъ же, гдѣ значеніе главнаго богатства имѣлъ рогатый скотъ, деньги назывались этимъ послѣднимъ именемъ (*Aperçu*, I, 45). Судя по источникамъ, едва-ли можно согласиться съ этимъ именемъ нашего знаменитаго нумизмата.

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

1) См. *Круга*: Zur M. R. 189—190; *Кёне*: Описан. европ. мон., 8—10; *Куника*: О русско-визант. мон., 7—13; *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ въ древн. Р. 544; *Бяляева*: Очеркъ исторіи древн. мон. сист. на Руси, 10—11 и др. Въ только-что вышедшемъ изслѣдованіи „*О кунныхъ цѣнностяхъ*“ Прозоровскій повторяетъ и развиваетъ сказанное имъ о гривнѣ въ прежнихъ его плодотворныхъ трудахъ (*Сборн. Археол. Института*, IV, 34, 36).

2) См. *Круга* указанн. сочин. 166.

3) *Idem*, 103 и др. Ср. *Казанскаго*: Изслѣдов. о древн. русск. монетн. сист. 113.

4) Памятн. старинн. Русск. Литерат. I, 263, 267—268, гдѣ см. и указанныя мѣста изъ Житія. Ср. А. Х. *Востокова*: Описан. Рум. Музея, 205—207, № CLIV.

5) П. С. Р. Л. III, 41. Ср. *Бар. Шодуара*: Aręęu I, 88, *Казанскаго* ук. сочин. 147.

6) Русск. Достопамят. I, 82—85, *Бар. Розенкамтфа*: Обзорѣн. Кормчей Кн., 124—125.

7) Русско-Лив. Акты № 1, 2. Въ томъ же смыслѣ употребляется здѣсь и выраженіе: *ветхія куны*, напр.: „.... Оже пошибаетъ мужеску жепу любо дчѣрь, то князю ѿ. гривень ветхѣми кунѣми.“ Въ указанномъ въ 1-мъ примѣчаніи новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи Прозоровскій посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ въ разъясненіи *новыхъ* и *старыхъ (ветхихъ) кунъ* разсматриваемыхъ нами памятниковъ. Вотъ слова этого почтеннаго ученаго, которыя мы считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ: „Въ первой половинѣ XII вѣка явились въ Новгородѣ „новыя кунѣ“; изъ устава новгородск. князя Святослава Ольговича 1137 г. о церковной десятинѣ видно, что новыя кунѣ выдавалъ Домажиричъ изъ Онега; впрочемъ, въ концѣ того вѣка еще ходили и „ветхія“, т. е. старыя кунѣ, упоминаемыя въ договорѣ новгородскаго же князя Ярослава Владиміровича съ Ригю (около 1187 г.). Съ тѣхъ поръ въ новгородской волости пошли новыя гривны, на которыя Новгородская лѣтопись указываетъ подъ 1225 годомъ (здѣсь авторъ приводитъ извѣстіе объ осадѣ Торжка Юріемъ). Эта новая гривна прекратилась уже въ XV вѣкѣ, послѣ всѣхъ другихъ кунныхъ единицъ, какъ видно изъ одного акта (1437—1462 г.), гдѣ чернѣй боръ великому князю назначенъ по старинѣ: съ сохи по гривнѣ по новой“ (*Об. Арх. Инст.* IV, 34).

8) Ланге, Егунъвъ.

9) *Ариѣбашевъ*, бывшій подѣ влияніемъ карамзинской теоріи *кожаныхъ денегъ*, по поводу лѣтописнаго извѣстія о кіевскомъ бунтѣ 1068 года склоняется къ взгляду *Каченовскаго* на *куны* и *бѣль*. См. *Повѣств. о Россіи* II, 26—27, примѣчан. 151, стр. 370. Покойный *И. Д. Бѣляевъ* въ своей статѣ „*Бѣли-ли на Руси монету до XIV стол.?*“ о томъ же извѣстіи говоритъ: „Въ настоящемъ лѣтописномъ извѣстіи есть даже намекъ, что *монеты сіи* были серебряныя и золотыя: разграбиша безчисленное множество злата и сребра—кунами и бѣлю, т. е. въ кунахъ и бѣли“ (*Зап. Имп. Арх. Общ.* V, 324).

10) *Соловьевъ*: Ист. Р. III, 53.

11) Напримѣръ, относительно слова *множество*, которому подчиняють «кунами и бѣлю», можно привести цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ подчиняетъ этому слову *родительный*, а не *творительный* падежъ. Вотъ нѣкоторые: Лавр. 12: „бѣ множество ихъ (Уличей и Тиверцовъ)“; *ibid.* 123: „бываше множество *отъ* мяса, *отъ* скота и *отъ* звѣрины“; *ibid.* 166: „Видимъ бо игрища утолочена и *людей* много множество“; *ibid.* 215: „идеже множество *иръховъ*, ту видѣнья всякаго показанія“ и мн. др. — Напротивъ, примѣровъ подчиненія слову *множество* творительнаго падежа, какъ кажется, въ лѣтописи вовсе нѣтъ.

12) *Каченовскій*: О *кожан. деньгахъ*, 37, 42—46, 54—55 и др. — *Бѣлое, чистое серебро* есть *asper, asprus*, ѡспрос, изъ чего варварская латынь сдѣлала *asperiolus*=бѣлка, векша (*ibid.*). — *Куники* (О русско-визант. мон. 84—85, въ примѣчан. 82) также толкуетъ *бѣль* соотвѣтственно средневѣковымъ нумизматическимъ выраженіямъ; *albus, le blanc, Wittenpfennig, Weissgroschen*, ѡспросъ, ѡспров.

13) *Ланге*: Указанн. сочин. 36, примѣчан 4.

14) См. напр., *замѣтку Соловьева о черномъ борѣ* въ 1-й полов. 2-й кн. *Арх. Историко-Юрид. Свѣд.* Въ смыслѣ чернаго бора также употреблялось слово „*черная куна*“; такъ, въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ встрѣчается выраженіе: „...знати тебѣ своя *черна куна*...“ (А. Э. I, № 57). Этимъ выраженіемъ Новгородцы называютъ доходъ князей,—подать, на которую князья имѣли право.—Въ договорной грамотѣ съ Казиміромъ IV Польскимъ (1470 или 1471 г.) это податное значеніе *черной куны* выражено весьма опредѣленно: „... А *черна куна* имати (ти) по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на *Молвотияхъ* взяти ти два рубля, а *тиуну* рубль за *Петровщину*, а на *Кунахъ* взяти ти рубль, а на *Стержи* тридцать *куницъ* да 60 *бѣль*, а съ *Моревы* 40 *куницъ* да 80 *бѣль*, а *Петровщины* рубль, а въ *осени* полрубля, а въ *Жанвѣ* 20 *куницъ* да 80 *бѣль*, а *Петровщины*

рублѣ“ (ibid. № 87, стр. 63). Изъ этого перечня, между прочимъ, видно, что, вопреки домыслу Ланге, и *бѣлы* входили въ составъ *черной кунѣ*. Впрочемъ, Ланге дѣлаетъ какъ бы уступку дѣйствительности: онъ полагаетъ, что до введенія рублевой системы кунѣ шли въ податъ *безъ всякаго изъятія*, а бѣлы — *небезусловно*. Но что значить это *небезусловно*?—Очевидно, оно можетъ значить или то, что кунѣ брались въ дань всегда натурою, а за бѣлы могла приниматься ихъ цѣна, или же—что въ податъ брались бѣлы только извѣстныхъ цѣнъ, а бѣлы другихъ цѣнъ освобождались отъ взиманія, тогда-какъ кунѣ брались всякія, какихъ бы цѣнъ ни были. Но во всякомъ случаѣ мы все-таки придемъ къ тому, что бѣлы были также *податнымъ мѣломъ*, ибо *объленіе* значить *освобожденіе отъ податей*; если же вникнуть въ смыслъ оговорокъ Ланге: „*безъ всякаго изъятія*“, „*небезусловно*“, то придемъ не къ *объленію*, а къ чему-то другому, не имѣющему ничего общаго съ *объленіемъ*.

Скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ въ разъясненіе своего взгляда на *черноту* и *объленность* въ смыслѣ платежа податей или освобожденія отъ нихъ — стало-быть, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этими понятіями пользуется Ланге.

Въ древней Руси было извѣстно дѣленіе земель на *городскія* и *уѣздныя*.—Городскія земли были *тяглыя* (*черныя*) и *нетяглыя* (*бѣлыя*). Различіе этихъ двухъ видовъ городскихъ земель состояло ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что первыя несли податную тягость, а вторыя были освобождены отъ нея. (См. *Бяляева*: Лекціи по Ист. Русск. Законодат. 162, 182, 315, *Заоскина*: О правѣ владѣнія городск. дворами въ Моск. госуд., 5).—Уѣздныя земли всѣ податныя. Различіе величины сохъ только облегчало для однихъ и отягчало для другихъ общую податную тягость. Вмѣстѣ съ этимъ, въ актахъ того времени чернымъ землямъ, представлявшимъ, такъ сказать *норму податной черноты*, въ уѣздѣ сопоставляются и противоплагаются не *бѣлыя* или *нетяглыя* земли, а *монастырскія, вотчинныя и помѣстныя, дворцовыя*, т. е. наименованія земель по принадлежности и по юридическому титулу, и это различіе соответствовало различнымъ степенямъ черной тяготы той или другой изъ этихъ земель и ничѣмъ даже не намекало на *объленіе*: здѣсь его не было.

Изъ этой общей податной тяготы и черноты выдѣляются земли тарханщиковъ, грамотниковъ: здѣсь—*объленіе*. Въ каждомъ данномъ случаѣ область *объленія* бывала то шире, то уже, *объленіе* бывало то ограничено во времени, то безсрочно. Приведемъ тому примѣры. По жалованной грамотѣ 1418 года (или около этого времени) *люди Ва-*

силъевского Гороховецкаго монастыря были освобождены отъ всѣхъ податей, пошлинъ и повинностей безсрочно: это—полное обѣленіе, но оно распространено только на изстаринныхъ монастырскихъ людей, вновь пришедше люди, по той же грамотѣ, освобождаются отъ всѣхъ платежей и повинностей только на 10 лѣтъ, а княжескіе старожилы—только на два года (А. И. I, № 25): это обѣленіе, ограниченное во времени, но, тѣмъ не менѣе, сущность его остается, очевидно, та же. Равномѣрно, не измѣняется сущность понятія обѣленія и въ томъ случаѣ, если данныя лица освобождаются не отъ всѣхъ, а лишь отъ нѣкоторыхъ податей, пошлинъ или повинностей: здѣсь измѣняется только *пространство свободы*, но не сама *свобода*. Такъ, напр., Рязанскій князь Іоаннъ Θεодоровичъ освобождаетъ село, принадлежащее Солотчинскому монастырю, отъ дани и яма на 3 или на 2 года (ibid № 36). Ясно, что это обѣленное село въ теченіе извѣстнаго времени не должно платить ни единой части дани или яма. Повторяемъ, разница обѣленія можетъ быть въ пространствѣ данной свободы или въ предѣлахъ времени, но сущность все-таки останется та же: пока пожалованіе существуетъ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ существуетъ, оно есть полная и безусловная свобода, полное изъятіе изъ общей, черной страды. (Объ *обѣленіи* ср. критическую статью *Бяляева* въ *Русск. Бесѣдѣ* 1856 г. I, 109 и сл., разборъ извѣстнаго изслѣдованія *Б. Н. Чичерина* объ историческомъ развитіи русской сельской общины).

Отсюда: если мѣха векошь считались въ этомъ смыслѣ *бѣлыми* и, притомъ, если это понятіе *обѣленія* настолько сроднилось съ ними, что дало имъ даже свое имя, то само собою разумѣется, что эти мѣха ни въ какомъ случаѣ не могли идти въ дань. Что-нибудь одно: или мѣха векошь не шли въ дань и потому назывались *бѣлыми*, *бѣлами*, *бѣлками*, или наоборотъ, ими бралась дань, и названіе *бѣлъ* дано имъ вслѣдствіе иныхъ причинъ.

15) Покойный *С. М. Соловьевъ*, принимая въ извѣстіи подъ 1068 годомъ *бѣлъ* за мѣхъ, *куны* считаетъ деньгами; между прочимъ, основаніемъ того, что *бѣлъ* въ данномъ случаѣ должно считать мѣхомъ, онъ выставляетъ то обстоятельство, что въ *Ипатьевской лѣтописи* въ этомъ извѣстіи слово „*бѣлю*“ замѣнено словомъ „*скорою*“ (III, 53—54).—Мы, съ своей стороны, не видимъ основанія довѣряться такъ безусловно чтенію Ипатьевской лѣтописи и поправлять имъ чтеніе Лаврентьевской, такъ-какъ Лаврентьевская лѣтопись несомнѣнно гораздо вѣрнѣе передаетъ древнѣйшій подлинникъ. Извѣстно послѣсловіе мниха Лаврентія: изъ него узнаемъ, какъ тщательно писецъ копировалъ подлинникъ, а при такомъ отношеніи къ послѣднему рѣшительно не-

возможно прочитатъ *блѣю* вм. *скорою*; равнымъ образомъ, изъ того же послѣсловія убѣждаемся, что писецъ строго придерживался буквѣ подлинника, не мудрствуя. Отсюда: въ подлинникѣ Начальной Лѣтописи Несторовой стояло: *блѣю*, что и сохранено мнихомъ Лаврентиемъ; *скорою* же есть просто позднѣйшая и неудачная глосса, принадлежащая писцу Ипатьевской лѣтописи. *Блѣ* въ смыслѣ серебра, какъ кажется, скоро вышла изъ употребленія, осталась только, какъ *блѣка*—мѣхъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ *горностай* по цвѣту.

16) *О кожан. деньгахъ*, 28—29.

17) См. *Владимірскаго-Буданова*: Христоматія по Ист. Р. II. I, 138, 139, ст. 28, 30, О связи *кунъ* и *серебра*, *кунолюбія*, *сребролюбія* см, также *Куника* указ. соч. 6, 84—85, *Казанскаго idem*, 129 — 131, *Блѣева* въ *Зап. Им. Арх. Общ.* V, 327 — 328, *Сонцова*: Деньги и пулы древн. Руси, прибавл. 2-е, 59.

18) П. С. Р. Л. II, 223 *Индитѣя, эндитія*, погреч. Евдоті, облаченіе, св. Престола.

19) На этотъ счетъ приведемъ извѣстныя слова одного путешественника половины XV вѣка, *Иосафата Барбаро*: „... *тетари* на Мингрельскомъ языкѣ значить деньги... слово это собственно означаетъ только. *блѣый цвѣтъ* и первоначально присвоено было *серебряной монетѣ*, которая, какъ извѣстно, *блѣлаго цвѣта*. Греки также имѣютъ монету, называемую *аспромъ*, т.-е. *блѣлою*; Турки *акція*, тоже *блѣый*: Джатаи *теңь*, *блѣый*. Итальянцы имѣли прежде *біанки*, а у Испанцевъ они сохранились и по сію пору. Изъ сего явствуетъ“ прибавляетъ въ заключеніе Барбаро „что у различныхъ народовъ нерѣдко даютъ какой либо вещи одно и то же названіе, только каждый на своемъ языкѣ“ (*Библиот. иностр. писател. о Россіи* I, 47 — 48), это свидѣтельство приведено также у *Казанскаго*: Изслѣд. о древн. русск. мон. сист., 153—154. По нашему мнѣнію, указаніемъ на то, что къ *серебру* присоединялось у насъ опредѣленіе *блѣло*, можетъ также служить слѣдующее извѣстіе *Ипатьевской лѣтописи* подъ 1257 годомъ: „Данило посла Коснятина, рекомаго Положишила да побереть на нихъ (на Ятвѣгахъ) дань; ѣхавъ же Коснятинъ поима на нихъ дань, *черныя куны* и *блѣ серебро*...“ (П. С. Р. Л. II, 194), при чемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ этой лѣтописи прямо сказано: *блѣ серебро* (*ibidem*). Но здѣсь опять приходится столкнуться съ авторитетомъ нашего незабвеннаго историка, который объ этомъ извѣстіи судить такъ: „Ясно, что здѣсь слова: *блѣ* и *серебро* должны быть принимаемы совершенно отдѣльно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять, что *блѣ* означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, не понявши дѣла,

въ соотвѣтствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло серебро, какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ“ (И. Р. III, 54). Самая форма рѣчи: „черныя куны и бѣло серебро“ указываетъ на смыслъ, по которому врядъ-ли можно отдѣлять *бѣло* отъ *серебра*, т.-е. принимать такое чтеніе: *черныя куны и бѣло, серебро*; какъ кажется, еслибы лѣтописецъ хотѣлъ придать такой смыслъ своимъ словамъ, то онъ передвинулъ бы соединительный союзъ, поставивъ его между *бѣло* и *серебро*, или повторилъ бы его, какъ это дѣлается имъ въ другихъ мѣстахъ; наприм., подъ 1252 годомъ: Миндовъ „убѣди и (Магистра Ливонскаго) дарми многими, сирѣчь умоли его: послать бо бѣ злата много и серебра, и сосудъ серебряныи и златыи, и красный, и конѣ многи...“ (П. С. Р. Л. II, 187—188), или *ibid*: „... и пожгутъ вся виѣшняя, храмы и ограды, и гумна...“ и т. д. Что же касается до того, что лѣтописцу не было надобности объяснять бѣло серебромъ, то мы здѣсь и не видимъ объясненія: *бѣло* просто опредѣленіе къ слову *серебро*, какъ въ словахъ: *синѣ море, красно солнышко*, и под. имъ, гдѣ въ складѣ народной рѣчи опредѣленіе ставится въ усѣченной формѣ. Ср. *Казанскаго*. 128—129, *Бяляева*: въ *Зап. Имп. Арх. Общ.* V, 325, 326—327. *Сонцова*, 60.

20) Таковъ смыслъ этаго слова въ устахъ гордаго Олега Святославича (1096 г.): „нѣсть мене лѣпо судити епископу ли игумену, ли смердомъ“ (Лавр. 222); здѣсь Олегъ, *воспримийи смыслъ буй и словеса величава*, обозвалъ смердами мужей княжихъ и людей градскихъ. Тотъ же смыслъ въ названіи смердами враговъ (П. С. Р. Л. II, 162) и др. примѣры.

21) Это явленіе послѣдующее, производное, а не первообразное, какимъ его старается выставить Ланге. Первоначально куна *черна* по цвѣту, металлическая куна почернена примѣсью и тѣмъ унижена; лишь въ послѣдствіи куна является *черною*, какъ общая всѣмъ *чернымъ людямъ* подать, какъ *черный боръ*.

22) *Псковск. Лѣтоп.*, изд. *Погодинымъ*, 56; П. С. Р. Л. V (*Псковск. Втор.*), 24. Далѣе будетъ видно, что *пенязями* назывались *куны*.

23) П. С. Р. Л. IV, 203.

24) *Ibidem* III, 110; ср. *Древн. Лѣтоп.* II, 454, *Никон.*, относя это событіе также къ 1424 году, сообщаетъ его такъ: „.... вѣче сотвориша Псковичи и сковаша деньги серебряныя и начана ими торговати, а мортки оставиша“ (V, 81).

25) *О кожамъ деньгахъ*, 55—58. Ср. *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ, 340, 510 и др.; *его же*: „О кунныхъ цѣнностяхъ“, 39—40, о чемъ будетъ сказано ниже; *Шодуара*: *Арегси*, I, 39.

26) Полагаемъ, что починъ этой замѣны принадлежитъ Новгороду.

гдѣ, какъ было видно выше, замѣна ортуговъ, *серебряными деньгами* произошла еще въ 1420 году: быть можетъ, въ этомъ причина того, что составитель Псковской Первой лѣтописи отнесъ эту перемѣну и во Псковѣ, *младшею братъ* Великаго Новгорода, тоже къ 1420 году.

27) Положеніе наше о *кунахъ*, какъ о серебрѣ нечистомъ, можетъ быть какъ кажется, подтверждено еще слѣдующимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ: въ 1446 году Новгородцы, стакнувшись съ *денежниками*, рѣшили передѣлать *старые рубли* на *деньги*: „... Того жъ лѣта *охулиша* Новгородцы *старые рубли*, и бысть денежникамъ *прибытокъ*, а *рубли передѣлаша на деньги*, а у денежниковъ посулы поимаша“ (*Новгород. лѣтоп.* въ Собрн. Кириллова Бѣлозерск. монастыря. Синод. Библ. подъ № 154, л. рѣк. об.). Старые *рубли* суть, безъ сомнѣнія, ничто иное, какъ прежнія гривны (См. напр., *Соловьева*, IV, 258), которыя, слѣдственно, обращались и послѣ введенія *денегъ изъ чистаго серебра*. Ихъ *передѣлали на деньги*, и такая передѣлка была настолько выгодна денежникамъ, что они прибѣгли даже къ подкупу—очевидно; тѣхъ, кто пользовался вліяніемъ на Новгородскомъ вѣчѣ. Но въ чемъ же здѣсь, собственно, могла заключаться выгода, *прибытокъ* денежниковъ? Новгородцы, подкупленные ими, *охулиша* старые рубли, вслѣдствіе чего и *передѣлаша* ихъ на *деньги*: значитъ, здѣсь рѣчь шла не о худомъ сравнительно качествѣ металла старыхъ рублей, ибо оно не могло бы улучшиться отъ передѣлки на деньги, а о неудобствѣ старыхъ рублей въ обращеніи: вотъ что подкупленные вѣчники поставили на видъ, какъ поводъ къ такой передѣлкѣ, умалчивая о качествѣ металла. Это умолчаніе было, очевидно, намѣренное. Теперь ясно, въ чемъ состоялъ *прибытокъ* денежниковъ, для пріобрѣтенія котораго они не остановились и передъ подкупомъ вѣчевыхъ воротилъ: слитки нечистаго серебра перековали въ *деньги*, давъ имъ ту же цѣну, какъ и новымъ *деньгамъ изъ чистаго серебра*, что сдѣлано будто бы для большаго удобства этой новой монеты. Ясно, что денежники нажились на каждой подобной деньгѣ, номинальная цѣна которой была выше внутренней стоимости. Качество металла въ этомъ вѣчевомъ постановленіи было опущено безъ вниманія, которое обращено только на большее удобство формы. Въ Новгородской Четвертой лѣтописи говорится, что и *новые рубли* также подвергнуты были упомянутой передѣлки *на деньги* (П. С. Р. Л. IV, 126); отсюда понятно, что качество серебра здѣсь было не причемъ, ибо *новые рубли* при той перемѣнѣ въ денежной системѣ, о которой говорено выше, естественно не могли не быть выше *старыхъ*: они, очевидно, были также изъ чистаго серебра, какъ и *деньги* 1420—1424 г. Такимъ

образомъ, если вникнуть въ смыслъ извѣстія подъ 1446 годомъ то нельзя не увидать, что *прибытокъ* денежниковъ въ данномъ случаѣ имѣеть связь не съ чѣмъ другимъ, какъ съ дурнымъ качествомъ серебра въ *старыхъ рубляхъ* сравнительно съ новою монетою. Ср. *Лакіера*: „Исторія поддѣлки монетъ въ Россіи до Петра В.“ въ *Зап. Им. Арх. Общ.* V, 258 — 259, *Прозоровскаго*: „О кунныхъ цѣнностяхъ“, 49.

28) Русско-Лив. Акты, № XLIX.

29) *Скѳра* шкура, какъ *куна* собственно кунья шкура, мѣхъ. Слово *корзна* къ лѣтописному свидѣтельству подъ 1115 годомъ тоже счи- тають *скѳорою* (*Казанскій*: ук. соч., 119).

30) Русско-Лив. Акты, Anhang, 433. Ср. *Казанскаго*, *ibid.* 133 — 134 и др.

31) Впрочемъ, если принять въ соображеніе свидѣтельство Псковскихъ лѣтописей, то первый Псковъ ввелъ у себя ортуги, а именно въ 1409 году: „... Того жъ лѣта отложиша во Псковѣ кунами торговати и *начаша торговати пенязи*“ (П. С. Р. Л. IV, 200, V, 21), а пенязи и есть ортуги (ср. извѣстіе подъ 1424 г., *ibid.* V, 24). Отсюда, между прочимъ, также видно, что выраженіе Мстиславова договора: „*кунами, или пенязи*“ есть ни что иное, какъ уравненіе русскихъ *денегъ* съ иноземными.

32) Это съ особенною ясностью доказано въ только что вышедшемъ трудѣ *Д. И. Прозоровскаго*: „О кунныхъ цѣнностяхъ“. Между прочимъ, доказательствомъ того, что куны были металлическія и что *память* объ этой *металлической натурѣ кунъ сохранилась довольно долго въ періодъ серебряныхъ денегъ*, — доказательствомъ этого почтенный авторъ считаетъ упоминаніе въ нашихъ старинныхъ актахъ *куннаго съ денегъ*: это — пошлина съ денегъ, предназначенныхъ на покупку товара для торгова. *Кунное съ денегъ* встрѣчается въ памятникахъ до первой четверти XVII вѣка включительно, затѣмъ вм. этого названія пошлина съ денегъ стала называться *рублевымъ*. Въ заключеніе г. Прозоровскій говоритъ: „Итакъ, нѣкогда куны были такимъ же орудіемъ въ торговлѣ, какъ и деньги въ послѣдствіи. Поэтому всѣ единицы кунныя должныствовали быть металлическими“ (*Сборн. Археолог. Инст.* IV, 44, примѣчан. 1-е). Конечъ-концовъ изслѣдованія г. Прозоровскаго выражается въ слѣдующихъ словахъ: „... уничтоженіе кунъ представляло ни что иное, какъ сокращеніе системы начетовъ, дошедшихъ до крайности, и возвращеніе къ системѣ древнихъ пропорцій, установившихъ соразмѣрность между *условною, ходячею и чистою цѣнностями*“ (*ibid.* 49). Мы особенно отмѣчаемъ эти мѣста изъ

статьи талантливаго и неутомимаго изслѣдователя древнерусскихъ денегъ, такъ-какъ изъ нихъ видно, сколь близко его выводы сходятся съ главными, основными положеніями нашего опыта, вслѣдствіе чего эти послѣднія получаютъ наибольшую цѣну въ нашихъ глазахъ.

33) Ср. *Бяляева*: „Били-ли на Руси монету и т. д?“, 325.

34) Рум. Собран. II, № 4—5, II, С. Р. Л. II, 215.

35) Рум. Собран. II, № 6.

36) Лѣтописецъ Переясл. Суздальск. 111.

37) Въ томъ же лѣтописномъ сводѣ, весьма древнемъ и важномъ для историка, въ извѣстіи о *владимірскомъ пожарѣ* 13 апрѣля 1185 года слово „*коуны*“ употреблено, какъ кажется, по ошибкѣ писца. Описывая пожаръ *Златоверхой церкви*, лѣтописецъ говоритъ: „...Господоу попоущѣню грѣхъ ради нашихъ и оумъ отъ чловѣкъ отъемію: вымыкаша бо на дворъ до всего, а не терема *коуны* и книги, и паволоки, оукси церковныя, иже вѣшаху на праздники, и до сосудъ, имже не бѣ числа: все огнь взя безъ оутеча...“ (Лѣтоп. Переясл. Суздальск. 94). *Коуны*, поставленные рядомъ съ церковными богослужебными книгами, не имѣютъ ли какого либо инаго значенія? Вообще во всемъ этомъ извѣстіи говорится не о *казни церковной*, а о *ризницѣ*, гдѣ хранились богослужебныя книги, паволоки, или *укси*, развѣшиваемыя, по древнему обыкновенію, въ храмѣ на праздники, священные сосуды и иные предметы, относящіеся къ Богослуженію и украшенію храма. Не вѣрнѣе ли чтеніе *Кёнитсбергскаго* и *Академическаго* сводовъ: *иконы*? Кажется, такое чтеніе наиболѣе согласно съ общимъ смысломъ мѣста.

Обычай украшать церкви паволоками существовать и на Западѣ. Какъ кажется, слѣдующее извѣстіе *Эмоина* (*Aimoinus*) объясняетъ, какимъ образомъ развѣшивались въ храмахъ эти *укси церковныя*, король Дагоберъ, по словамъ названнаго историка, „*vestibus auro textis et palliis holosericis totum interiozem circumdedit Templi divi Dionysii ambitum*“. Епископъ *Лиутпрандъ Кремонскій* просилъ у Византійскаго императора дозволенія купить нѣсколько заповѣдныхъ паволокъ (*pallia*) также для украшенія храма. См. обо всемъ этомъ у *Крука*: Zur M. R. 93—94, Anm. h.

38) *Лавр.* по издан. 1872 г., стр. 276.

39) П. С. Р. Л. II, 6.

40) Zur Münzk. Russlands, 83—112.

41) Ibid. 112—113.

42) См. объясненіе этого слова въ *Лавр.* издан. 1872 г. стр. 37. Ср. *Объясн. Слов. при Указателѣ для обозрѣнія Патріаршей Библиот.* Архим. Саввы. стр. 10, *Ефродъ*.

43) Слово *babylonica*, по свидѣтельству древнихъ, означало ткань изъ золотыхъ нитей и шолка. Отечество такихъ тканей Вавилонъ, или *Балдахъ*, какъ называли этотъ городъ на Западѣ. Искаженное славяно-русское названіе такихъ вавилонскихъ тканей *паволоки*. Изъ паволоки часто дѣлались навѣсы надъ тронами (*балдахины*) и парадные шатры (*павильоны*). Впрочемъ, *Дюканжъ* производитъ *павильонъ* (*papilio*) отъ крыла летящей птицы: „*Papiliones dicuntur tentoria ad similitudinem papilionis avis volantis*“ (*Круга*: указанн. сочин., 106 — 108). Арабы называли паволоки *греческими золотыми тканями* (*rumi dibadsch*); такъ, Ибнъ Фосланъ, описывая погребеніе знатнаго Русса, между прочимъ, говоритъ, что ложе которое въ день сожженія трупа устранивалось въ ладѣ, покрывалось греческими золотыми тканями; изъ тѣхъ же тканей дѣлались возглавія для умершаго, какъ и его верхнее платье (*Frühn*. 13—15). Паволоки были разныхъ цѣнъ: цѣна обыкновенной паволоки, по вычисленію Круга (88—89), не превышала 10 солидовъ (золотниковъ), но были паволоки грамадной цѣны (*ibid.*). Разница цѣнъ, безъ сомнѣнія, объясняется въ данномъ случаѣ стоимостью матеріала, какъ, быть можетъ, и достоинствомъ работы. Быть можетъ, паволоки меньшихъ цѣнъ бывали и не изъ золотыхъ, а изъ серебряныхъ нитей съ примѣсью шелка: это и есть наши *блѣчатая паволоки*, отличавшіяся отъ золотыхъ тканей, а можетъ быть также и то, что впоследствии, въ XIII вѣкѣ, серебряную парчу стали называть *блѣчатою паволокою*, и тѣмъ отличали ее отъ *настоящей* паволоки, *золотой*. Другими словами: быть можетъ, серебряныя паволоки были извѣстны и въ глубокой древности или же въ древности выдѣлывались только золотыя паволоки (парчи), серебряныя же—позднѣйшее измышленіе; по сходству съ первыми эти парчи также назывались паволоками, а для отличія—по цвѣту *блѣчатыми*,—слово, сохраненное намъ Волынской летописью.

44) *Карамзинъ*: *орницы*—опушки кафтановъ, отъ визант. *orna*, *limbus* (II, примѣч. 215, стр. 426). *Бар. Шодуаръ* опредѣляетъ орницы, какъ опушки *мѣховыя*: „... орнице, *orniche*, qui signifie la garniture en fourrure d'un habit“ (*Aperçu*, I, 43 — 44). Ср. *Соловьева* III, примѣчан. 122.

45) *Каченовскій*: О кожан. деньгахъ, 36—37, *Куникъ*, 84—85, примѣч. 82, *Бар. Шодуаръ* объясняетъ толкованіе *блѣи серебряниками* тѣмъ, что въ то время, когда жилъ писецъ, на Волыни уже употреблялись *блѣи*—серебряныя монеты (*Aperçu*, 43).

46) Ср. *Ланге*, 38.

47) Въ Житіи св. Алексѣя Человѣка Божія разсказъ о погребеніи Святаго весьма напоминаетъ повѣствованіе нашихъ лѣтописей о вторичномъ перенесеніи Мощей св. Бориса и Глѣба: стеченіе массы народа принудило императоровъ Гонорія и Аркадія разбрасывать золото и серебро, чтобы отвлечь вниманіе толпы отъ шествія: „... Людие же гнѣтахоуть сѧ по одрѣ ѿго, и не можаста ^ѿѣра и архіепѣи ѿ народа нести. Тогда повелѣста славнаѧ ^ѿѣриѧ золото и сребро сыпати много, да людие обратѧтсѧ на нѧ...“ (*Срезневскаго*: Свѣдѣн. и Зам. о малоизв. и неизвѣстн. пам. въ прил. къ XI тому Запис. Акад. Наукъ 10). Житіе было извѣстно въ XII вѣкѣ, и немудрено, что Мономахъ въ своихъ дѣйствіяхъ при перенесеніи Мощей подражалъ римскимъ императорамъ. Почему онъ не бросалъ подобно имъ золота и серебра или почему объ этомъ умалчиваютъ *ветшаны книги* мниха Лаврентія, трудно сказать что либо опредѣленное. Скажемъ одно: если принять приписку Ипатьевской лѣтописи и пополнить ею текстъ Лаврентьевской, то исчезнетъ необходимость видѣть въ *бѣли* приложение (или опредѣленіе) къ *орнице*, и *бѣль* должна будетъ получить значеніе *бѣлаго серебра* въ противоположность *серебренникамъ, кунамъ*. Въ самомъ дѣлѣ, примемъ упомянутую прибавку и пополнимъ ею лаврентьевскій текстъ. Получимъ: „... повелѣ Володимѣрь метати паволоки, фофудью и орничѣ, бѣль, ово же сребреники (*куны*) людемъ сильно налѣгшимъ и т. д.“. *Серебряники* суть серебряные деньги, куны; въ другомъ смыслѣ слово это, какъ кажется, не употребляется. Такимъ образомъ, это извѣстіе въ представленномъ сейчасъ видѣ придется перевести на современный языкъ такъ: „повелѣлъ Владиміръ бросать сильно тѣснящемуся народу *паволоки, паволочныя одежды и опушки, чистое серебро, а также и серебряныя деньги*“. Смыслъ полный; такая редакція не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ. Но, снова повторяемъ—нѣтъ основанія высказаться такъ положительно о прибавкѣ Ипатьевского свода, а потому, изъ боязни ошибки, мы считаемъ болѣе безопажнымъ принять чтеніе *лаврентьевской* редакціи безъ всякихъ поправокъ.

48) На связь названія „*горностай*“ съ словомъ „*горный*“ указываетъ Кругъ (Zur. М. R. 113). Поляне—жители *горной* страны: „... Полянамъ же жившимъ особѣ *по горамъ симъ*... и наидоша я Козарѣ *спядящая на горахъ сихъ въ мѣстѣхъ*“ (Лавр. 6, 16); Древляне, по домыслу лѣтописца, прозвались этимъ именемъ, „зане сѣдоша *в мѣстѣхъ*“ (ibid. 5): здѣсь было царство *мѣса*, тогда-какъ въ землѣ Полянъ лѣсовъ было сравнительно мало. Надо замѣтить, что мѣстоположеніе по Днѣпру, Деснѣ, Семи, Сулѣ, Окѣ и Сожѣ открытѣе, нежели въ Древлянской землѣ, занимавшей уголь при впаденіи Горыни въ Припять и, стало-быть,

вошедшей въ составъ нынѣшней Бѣлоруссіи (губ. Минская и частью Гродненская) (Ср. *Бяляева*: Разказы изъ Р. Ист. I, 4). Быть можетъ, эта разниа между *полемъ* и *мѣсомъ* имѣла вліяніе на обиліе горностаевъ въ одномъ мѣстѣ и соболей въ другомъ. Къ тому же надо припомнить, что *горою* въ старину назывался *берегъ* (См., напр., *Круга*: Forschungen in der älteren Gesch. Russlands, II, 362 ff.), а мѣстожителство Сѣверянъ и Вятичей, какъ и Полянъ, опредѣляется *рѣками*, тогда-какъ о Древлянахъ сказано только: „сѣдоша въ лѣсѣхъ“, Итакъ, можетъ быть, *поле* и *гора* опредѣляли мѣсто, гдѣ водились горностаи. Принимая словопроизводство Круга и вышеуказанныя соображенія о мѣстожителствѣ Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей и Древлянъ, высказываемъ слѣдующую догадку:

I) мѣстожителство Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей опредѣляется по берегамъ рѣкъ, т.-е. по *горамъ*; кромѣ того, на лицо и Кіевскіе горы;

II) мѣстожителство Древлянъ прямо опредѣлено в *мѣсахъ* (а).

III) Соболи (*черныя кунны*) водились главнымъ образомъ, а, можетъ быть, и исключительно въ Древлянскихъ *мѣсахъ*, а на *горахъ*, т.-е. по берегамъ упомянутыхъ выше рѣкъ, у Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей, водилась бѣлая векша, составлявшая главное или и единственное богатство этихъ племенъ въ половинѣ IX вѣка;

IV) по мѣстожителству на *горахъ* бѣлая векша и получаетъ названіе горностаи (б).

Повторяемъ, это—неболѣе, какъ предположеніе, имѣющее въ своей основѣ только мнѣніе Круга, выводъ изъ догадки Круга о горностаѣ.

Здѣсь кстати приводимъ взглядъ *Бар. Шодуара* на упомянутую догадку Круга. *Бар. Шедуаръ* говоритъ: „L'opinion de M-r Krug est que par écureuil blanc on doit entendre ici l'hermine; qui est blanche, par opposition au petit gris qui est gris, ou à l'écureuil commun, qui est roux; cette opinion ne peut, je crois, être sujette à controverse“ (Aperçu, I, 40).

49) *Кругъ*: Zug M. R. 113.

50) Доп. А. И. I, № 4, III.

51) А. Э. I, № 357.

52) См., напр., *Заоскина*: Уставн. грам. XIV—XVI в. в., II, 18—25.

53) А. Э. I, № 13: „... А учинится бой въ пиру... а вышедъ изъ пиру возмуть прощеніе, и пѣ намѣсникомъ дадутъ по *куницѣ шерстью*“.

54) См. выше. примѣчан. 14-е.

55) Въ 1595 году съ послами къ императору германскому, Михайломъ Ивановичемъ Вельяминовымъ и дьякомъ Афанасьемъ Власовымъ, было

отправлено всякой мягкой рухляди на 44,720 рублей, 8 ден.; въ томъ числѣ *куницъ* 519 сороковъ цѣною въ 5190 рублей. Назначеніе этой мягкой рухляди прямо опредѣлено въ *рописи* слѣд. словами: *въ запасъ и на приказной расходъ и на раздачу*. (Древн. Росс. Вивліое. XV, 127). Значить, мягкая рухлядь шла не только на подарки нужнымъ людямъ, но и расходовалась на потребности посольства (*приказной расходъ*), какъ деньги, почему въ указаніи предметовъ расходования въ *рописи* и различена *роздача* отъ *приказнаго расхода*. Равнымъ образомъ, въ 1489 году Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ отправляетъ въ Германію послами Юрія Траханіота и Ивана Халяпу; этимъ посламъ, между прочимъ, поручено было нанять въ русскую службу рудознатцевъ и иныхъ мастеровъ, а на *издержки* по ихъ отправкѣ въ Россію дано 2 сорока соболей и 3000 бѣлокъ: „... а дано на *тѣ мастеры* Юрію, *чѣмъ ихъ до Великаго Князя провадити*, 2 сорока соболей да 3000 бѣлки...“ Въ наказѣ Траханіоту, далѣе, предусматривается тотъ случай, если наемъ мастеровъ почему-либо не удастся: „... а не пойдутъ тѣ соболи и бѣлки на мастеры, ино то продати на золотые на Венедитскіе или на Угорскіе, да золотые привезти къ Великому Князю“ (*Карамзинъ*, VI, 212—213, примѣч., 341, 342, на стран. 78—79). Отсюда ясно, что рухлядь употреблялась и какъ товаръ, и какъ деньги, и даже иногда предписывалось продавать, ее, какъ товаръ, въ томъ случаѣ, если въ ней не окажется надобности, какъ въ деньгахъ. Ср. *Бар. Шодуара*: *Арегси*, I, 7—8.

56) „... И въ дошедшихъ до насъ грамотахъ, если гдѣ упоминается о шкурахъ, употреблявшихся вмѣсто денегъ, то ихъ *вездѣ отличаютъ отъ монетъ одинаковаго съ ними названія и ведутъ имъ особый счетъ сороками*“ (*Вьялевъ*: *Очеркъ ист. древней мон. сист. на Руси* въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 3, стр. 14). Ср. *Ланге*, 42 и сл.

57) *Каченовскій*: О кож. деньг., 6—7, примѣчан.

58) См., напр., *Бар. Розенкампфа*: *Обозрѣн. Кормч. Кн. изд. 2-е*, 125—127, *Высокопр. Макарія*: *Ист. Русск. Церкви*, II, 225.

59) Русско-Лив. Акты, № XVI. А. Ю. № 71, стр. 110—119 (новгородскія купчія XIV—XV в): „... А далѣ на той земли Игумень Василей Мѣхю 60 *блгъ* да 3 *блгъ*“ (XXIV) или: „... а опричь того *семьдесятъ блмки* на хлѣбѣ...“ (XXVII).

60) Нельзя забывать, что *куна*, какъ *куній мѣхъ*, называется обыкновенно не *куною*, а *куницею*.

61) Именн. 11 марта 1700 года, въ П. С. З. № 1776, указываетъ на то, что въ народѣ ходятъ разсѣченные серебряныя денежки и копѣйки, а въ Калугѣ и иныхъ городахъ торгуютъ кожаными и иными

жеребьями, отчего, между прочими, происходит пошлинный недоборъ; взамѣнъ такихъ знаковъ, обращавшихся въ народѣ, но недозволенныхъ правительствомъ, указъ вводитъ мѣдную монету, а за употребленіе прежнихъ неофициальныхъ денежныхъ знаковъ угрожаетъ наказаніемъ.

62) Такъ, въ кормахъ, опредѣленныхъ въ Пермской Уставной грамотѣ 1553 года, бѣлки замѣняются деньгами по расчету за 100 бѣлокъ по рублю (*Заоскина: Уст. грам. II, 20 и слѣд.*).

63) См. выше, примѣчан. 55-е.

64) См. примѣчан. 14-е къ *Введенію*.

65) *Стрыйковский*, говоря подъ 1305 годомъ о кончинѣ короля Польскаго и Чешскаго, Вацлава, прибавляетъ: „Ten Wacław będąc na Królestwo Polskie z Czeskiego koronowany roku 1300 naprzód pierwszą monetę srebrną grosze Czeskie, które dziś po pułtora grosza Polshich idą, do Polski jako nowinę na nowo Królestwo przyniosł, a potem od niego drudzy Królowie Polscy dopiero poczęli monetę grosze, półgroszki y kwartniki pod swoym koronnym polskim znakiem kować. Gdy przedtym stuczkami siekanego złota y szzebra, takze skorkami kunimi, wiewiorczymi, albo bielczanymi, lisimi i inszego zwierza towarami według rozmaitych frymarków tak Polacy, jako Rusacy, Litwa i Mazurowie zwykli byli kupie swoje odprawować, aż się wten czas Polacyod Czechów, a Litwa od Polaków y monety pieniezney używać, y gospodarstwo domowe porządniey stanović nauczyli“ (*Kronika, I, 344 въ Zbiór Dziejopisów Polsk. II 330—331*). Впрочемъ, у *Бѣльскаго* не упомянуто о кускахъ серебра и золота; онъ говоритъ: „Tenże Król Wacław Czeskie grosze napierwey do Polski przyniosł: a przedtym skorek nawięcey popielicznych abo wiewiorczych miasto pieniędzy brano“ (*Zbiór Pisarzyów Polsk., XIII, 11 и Zbiór Dziejop. P. I, 173*).

66) См. примѣчан. 33 и 34-е къ *Введенію*.

67) *Каченовскій*, 52 и сл.

68) *Карамзинъ*, V, примѣчан. 245, *Ланге*, 45.

69) Доп. къ А. И. I, № 3. Впрочемъ, въ подлинности этого памятника есть сомнѣніе: см. *Казанскаго*, 142—143,—памятникъ этотъ считается если не подложнымъ, то сильно испорченнымъ (поновленнымъ) позднѣйшимъ писцемъ, вмѣстѣ съ этимъ, конечно и *мордки* подвергаются весьма сильному сомнѣнію. Мы отказываемся рѣшать этотъ вопросъ о подлинности Всеволодова Устава, пока не найдемъ для этого ясныхъ и несомнѣнныхъ основаній.

70) *Ланге*, 49: „... кожаные лоскутки или куны вовсе не были кредитными билетами (курсивъ въ подлинн.), а составляли подлинную

настоящую монету, слѣдовательно, о государственномъ кредитѣ не можетъ быть и рѣчи“.

71) Ср. *Соловьева*: Ист. Р. IV изд. 3-е, 258.

72) Zur Münzkunde R. 192. Первые рудники въ Россіи открыты въ концѣ XV вѣка (*Карамзинъ* VI, 226), но, быть можетъ, это первые; открытыя, такъ сказать, на памяти исторіи. *Марко-Поло*, свидѣтельство котораго, какъ извѣстно, относится къ половинѣ XIII вѣка, утверждаетъ, что на Руси много *серебряныхъ рудниковъ*; такъ описывая богатство *Рухеновъ*, онъ говоритъ: „... Il y a aussi chez eux (Rucheniens) une grande quantité de pelleteries precieuses, Armelines, Herculinien, Varrins, Zambelines et Renards et ils ont beaucoup de mines d'argent“ (Livr. III, chap. L, 162 у *Бержесона*: *Voyages*). Писатели о Россіи (иностранцы) XVI вѣка разногласяютъ по этому поводу; такъ *Альбертъ Кампензе*, котораго письмо къ папѣ *Клименту VII* относится къ 1523 или 1524 году, свидѣлствуетъ согласно съ древнимъ показаніемъ *Марко-Поло*: онъ прямо говоритъ, что въ рудникахъ на Руси нѣтъ недостатка (*Библиот. иностр. писат. о Россіи*, 32—33); напротивъ, современникъ того же Папы *Климента VII*, *Павелъ Говій*, прямо заявляетъ: „У нихъ (у Московитовъ) нѣтъ ни золота ни серебра, ни серебряныхъ рудниковъ“ (ibid. 40). Это разногласіе любопытно, между прочимъ, потому, что показываетъ, насколько можно довѣрять иностранцамъ въ ихъ повѣствованіяхъ о Россіи, съ какою осмотрительностью слѣдуетъ брать ихъ въ свидѣтели за или противъ того или другаго факта Русской Исторіи.

73) „Qui mediterranea incolunt loco pecuniae permutatione utuntur aut de lamina argentea aliquid abscissum dant“ (Zur M. R. 193, Anm. m).

Нѣкоторые понимаютъ Страбоново *aliquid abscissum*, какъ указаніе на брактеаты, и такимъ образомъ предполагаютъ зачатки монетнаго дѣла въ то отдаленное время, о которомъ пишетъ Страбонъ. Такъ понимаетъ это нумизматъ прошлаго столѣтія, *Тилеманнъ Фризе*, который въ своемъ *Münzspiegel* доказываетъ на основаніи упомянутыхъ словъ Страбона, что Испанцы уже въ III вѣкѣ знали брактеаты: „... Strabo“ говоритъ онъ „schreibt von etlichen Spaniern dasz die mit Tauschen oder dünnen Bracteïs von Silber geschlagen gehandthieret“ (*Voigt*: Beschreibung der bisher bekannten Böhmisch. Münzen, I, 32—33).

74) *Aperçu sur les monnaies russes*, I, 6—7: „... Par suite de l'extension et de la vigueur, qu'acquit plus tard le commerce, l'embarras attaché à l'échange d'un numéraire si volumineux et si perissable se fit vivement sentir et donna l'idée de tailler de petits morceaux de ces

peaux, ou de petits morceaux de cuir, sur lesquels on apposa de marques. Il est à présumer que dans le principe, et peut-être même toujours les villes et les bourgs avaient leurs propres monnaies de cuir; *que ces monnaies n'étaient en usage que pour le comerce de detail, et que pour les grands achats on employait les fourrures entières et l'argent au poids*“.

Что касается до употребленія нашими предками мѣховъ въ качествѣ денегъ, то Эверсъ (Предвар. критич. изслѣдов., 21—22, примѣч. 4-е) полагаетъ, что Славяне это переняли у сосѣднихъ Финновъ, а въ прежнемъ ихъ мѣстожительствѣ, на Дунаѣ, они употребляли металлическія деньги.

75) Здѣсь разумѣемъ кожаную монету Воронежскаго арсенала, на которой выбито имя царя Іоанна Васильевича IV; въ подлинности этой монеты существуетъ сомнѣніе (у *Бар. Шодуара*, *ibid*).

76) Напримѣръ: онъ приводитъ въ этомъ смыслѣ буллу папы Григорія XI (1230 г.); эта булла предписываетъ герцогу Конраду Мазовецкому давать Церкви десятину хлѣбомъ вмѣсто *кунъ* и *бѣлъ*; цѣль этого папскаго повелѣнія состоитъ въ *предупрежденіи возможности ошибки священнослужителей* (*Архив. I, 28—29*). Не вѣрнѣе-ли понимать здѣсь *кунъ* и *бѣлы* въ нашемъ смыслѣ? Въ качествѣ серебра священнослужители скорѣе могли ошибиться, d'être trompés, чѣмъ въ качествѣ мѣховъ, которое имъ, какъ мѣстнымъ жителямъ, было несомнѣнно знакомо; для предупрежденія возможности такой ошибки въ качествѣ металла папа и предписалъ выдавать десятину натурой.

77) Объ ошибочности заключеній отъ *названій* см., между прочимъ, *Казанскаго*: Изслѣд. о древн. русск. мон. сист. 98, 153 и сл.

78) Кромѣ свидѣтельствъ, приведенныхъ на этотъ счетъ у *Крука*: *Zur Münzkunde R.*, въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства Арабскихъ писателей, начиная съ конца IX вѣка: *Ибнъ-Кхордадъ-бега*, *Ибнъ-Фослана* и др. См. *Frahn*'а: *Ibn-Foszlan* (о торговлѣ Руссовъ съ Булгарами, Хозарами, Греками) 70—71, 147, 247 и др., *Срезневскаго*: „Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ Южною Азіею“, гдѣ разсматриваются свидѣтельства упомянутого *Ибнъ-Кхордадъ-бега* (ум. 912 г.) и неизвѣстнаго сочинителя „*Книги странъ*“—о торговлѣ Руссовъ (*Вѣстн. Русск. Географич. Общ. X. Отд. изслѣдов. и матеріал., стр. 65 и слѣд.*).

79) Замѣтимъ, что тожество *обушиной мордки* и *домей* основано ни на чемъ другомъ, какъ на предположеніи, что первая такъ должна называться по внѣшнему виду: *домая* (длинная, съ ушами) мордка. О *домеяхъ* и *мордкахъ* ср. *Казанскаго*, 141—142, 150—152. По мнѣнію

Прозоровскаго, обшущина мордка есть ничто иное, какъ *ортугъ*, въ которомъ считалось 2 *заушны*, или 8 низкопробныхъ пфенниговъ; что касается до слова: *заушня*, то досточтимый ученый говоритъ, что какъ наша *заушня*, такъ и шведская *ора*, значить *ухо* (*О кунн. цлнн.*, 39—40).

80). И. Г. Р. I, прим. 524. Объ этой монетѣ съ именемъ Кудмы, см. также *Бар. Шодуара*: Арегси, I, 48—49. Что это за доскутокъ выдѣланной кожи и къ какому времени онъ относится, неизвѣстно, но проповѣдники *кожаныхъ денегъ*, обыкновенно считаютъ его подтвержденіемъ своихъ выводовъ.

81) *Синодалн. Кормчая* XIII вѣка, № 132, л. 630—631. Ср. *Русск. Достопаи.* I, 83.

82) *Новг. Перв. мтоп.* подъ 1136 г.: „... Въ то же дѣто приде Новугороду князь Святославъ Ольговицъ изъ Цернигова, отъ брата Всеволодка, мѣсяца іюля въ 19, прежде 14 каланда августа, въ недѣлю; на сборъ святыя Еуѳиміѣ, въ 3 часъ дне, а лунѣ небеснѣи въ 19 день“ (*И. С. Р. Л.* III, 7).

83. Уставъ начинается такъ: „Оуставъ, бывъшии прежде насъ въ Роуси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ: имати Пискоупомъ десятиною отъ данни и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ князь дворъ всего. А здѣ, в Новѣгородѣ, что несть десятина отъ данни, обрѣтохъ оу-
ряжено прежде мене бывшими Князи; толико отъ виръ и продажъ десятины зырѣлъ олко дѣни въ роуци Княжи, въ клѣтъ его“ (*Русск. Достои.* I, 82—83. Ср. *Розенкамифа*: Обзор. К. К. 124). Изъ самаго написанія и послѣдующаго за нимъ текста ясно, что десятина *отъ данни* отличается отъ десятины *отъ виръ и продажъ*. Ср. *Ростиславовъ Уставъ* 1150 г. Доп. А. И. I, № 4. Сообразно этому отличію князь Святославъ Ольговицъ въ началѣ текста и говоритъ *прежде* о десятинѣ съ данни, а *потомъ* о десятинѣ съ виръ и продажъ: „А здѣсь, въ Новогородъ“, говоритъ князь, „я нашелъ, что десятина отъ даней утверждена прежде меня бывшими князьями (а равно) усмотрѣлъ, что десятина отъ виръ и продажъ (платилась) за все тѣ дни, въ которые (виры и продажи поступали) въ руки князя, въ казну его“. Такъ мы понимаемъ и передаемъ эти слова Святославова Устава: *дѣни* мы читаемъ *дней*, а не *даней*, (Ср. *Владимѣрскаго-Буданова*: Христомат. I, 219), ибо во 1-хъ) не видимъ причинъ принимать *дѣни* за *данни*, а во 2-хъ) если принять такое чтеніе, то выйдетъ, что десятина *отъ виръ и продажъ* платилась по количеству поступающей данни, но *дань* и *пени* суть понятія различныя и, при томъ, различаемыя въ самомъ Уставѣ.

84) По изданію *Берджерона*, это свидѣтельство Рубруквиса, находящееся въ XXXIX-й главѣ его *Путешествія*, читается такъ: „La monnaie commune de *Cathay* est faite de papier de coton, grande comme la main et sur laquelle ils impriment certaines lignes et marques faites comme la seau du *Cham*. Ils écrivent avec un pinceau fait comme celui des peintres et dans une figure ils font plusieurs lettres et caracteres, comprenant un mot chacun. Ceux du pais de *Thébeth* écrivent comme nous de la gauche à la droite et usent de caracteres à peu près semblables aux nôtre. Ceux de *Tanguth* écrivent de la droite à la gauche, comme les Arabes et à montant en haut multiplient leurs lignes. Les *Iugures* écrivent de haut en bas. Pour les Russiens la monnoie, qui a cours entr'eux, est de petite pièces de cuir («de peaux de bêtes tavelocs»), «marquetées de couleurs» (*Voyages*, 91). *Катай*, или *Каракатай* есть Великая Монголія съ резиденціею Менгучана. См. *ibid.* (въ гл. XIX), стр. 35—36 и карту, прилож. къ *Путешествію*.

85) «*De la Monnaie et de la Richesse du grand Cham*. La Monnoie du grand Cham», говоритъ *Марко-Поло* въ XXI главѣ II-й книги: «n'est ni d'or, ni d'argent, ni d'aucun autre metal, mais ils prennent d'une certaine écorce du milieu d'un arbre nommé *Moris* *), qu'ils durcissent, après quoi ils la coupent en plusieurs pièces rondes sur lesquelles ils impriment les armes du Prince. Les plus petites de ces pièces peuvent valoir des sous *Tournois* et les plus grandes un demi gros de *Venise*: il y en a encore de plus grands de la valeur de deux *Venitiens*, de cinq et même de dix: il en a aussi, qui valent un *Byzance* d'or, deux et même jusqu'à cinq. L'empereur fait bâtre cette monnoie dans la ville de *Cambalu*, d'où elle se repand dans tout l'Empire, et est defendu, sous peine de la vie, d'en faire ou d'en exposer d'autre dans le commerce par tous les Royaumes et Terres de son obeissance et même de refuser celle là. Il n'est pas permis non plus à personne venant d'un autre Roiaume, qui n'est pas sujet au grand *Cham* d'apporter d'autre monnoie dans l'Empire du grand *Cham*. D'où il arrive, que les marchands, qui viennent souvent de pais, élognés à la ville de *Cambalu*, aportent de l'or, de l'argent, des perles et des pierres precieuses, qu'ils troquent contre de ce monnoie imperiales mais parce, qu'elle n'a point cours en leurs Pais, quand ils veulent s'en retourner, ils

*) „Cela se fait de cette maniere: ils prennent les écorces du milieu de quatre écorces d'un arbre, dont ils font comme une espee de papier“ Ср. съ monnaie de coton Рубруквиса.

en achètent des marchandises, qu'ils emportent en leurs pais. Le Roi commande quelquefois à ceux, qui restent à *Cambalu*, qu'ils aient à porter leur or, leur argent et leur pierres précieuses sans retardement entre les mains de ces Officiers et en recevoir la juste valeur en la monnaie susdite. De là il arrive, que les marchands et les habitans n'y perdent rien; et que par ce moien le Roi tire tout l'or et l'argent et se fait de grands Thresors..... Ce qui fait, qu'il n'y a point de Roi au monde plus riche, que le grand *Cham*, car il amasse des thresors immenses d'or et d'argent et il ne depense rien“ (*Voyages*, 79—80). Въ этомъ родѣ дѣйствовали Московскіе Государи, которые, по свидѣтельству *Гвангина*, повелѣвали вести торгъ мѣновой и употреблять вмѣсто денегъ мѣха—съ цѣлью задержанія золота и серебра внутри страны (см. прим. 14-е ко *Введенію*). По всей вѣроятности, примѣромъ въ этомъ отношеніи служилъ образъ дѣйствій монгольскихъ хановъ. О неметаллической монетѣ Татаръ встрѣчаемъ извѣстія и у писателей XIV вѣка, помѣщенныхъ въ томъ же изданіи Бержерона. Такъ, въ *Исторіи Востока (Histoire Orientale) Гаймона Армянина* (1300 г.), въ первой главѣ, читаемъ: „Pour la monnaie, qui a cours dans la pais, elle est de papier en quarrée et selon le different coin du Roi valant plus ou moins.... Ils ne font (т.-е. Монголы) de l'or et des autres métaux que des vases et autres ornemens“ (у *Бержерона*, р. 6); *Іоаннъ Мандевиловскій*, путешествовавшій въ Азію и Африку въ 1332 г. говоритъ о кожаной монетѣ у Татаръ, которая замѣняетъ имъ золотую и серебряную, такъ-что благородные металлы въ Монголіи не употреблялись въ качествѣ денегъ (*ibid.* р. 19).

86) О кожан. деньги 70—73. Ср. *Бар. Шодуара*, 44—47.

87) *Каченовскій* *ibid.* 66.

88) См. *Казанскаго*, 116—117.

89) См. *Черткова*: предисл. къ *Описанію древнерусск. монетъ*, въ *Трудахъ и Лѣтоп. Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1837 г. ч. VII, стр. 50. О древнемъ псковскомъ рублѣ съ изображеніемъ четвероногаго животнаго и передъ нимъ другаго четвероногаго поменьше и съ пушистымъ хвостомъ (бѣлки?) см. у *Муравьева*: *Истор. изслѣд. о древност. Новгорода*, 21, табл. I.

90) „In qua quidem moneta alba erant inscriptae duae herminae“ См. *Срезневскаго*: „Слѣды давн. знам. Русск. съ южн. Азіею“, 66—67, примѣчан. 37-е.

91) Въ числѣ венгерскихъ монетъ, описанныхъ *І. Лелевелемъ*, встрѣчаются двѣ серебряныя монеты съ изображеніемъ пушнаго звѣря на обор. Лелевель считаетъ эти монеты *славяно-венгерскими*: „le type de

la Slavonie hongroise“ (*Numism. du Moyen-Age*, III, 63). Эти двѣ монеты весьма древни,—старше половины XIV вѣка, и такія изображенія на иныхъ венгерскихъ монетахъ не встрѣчаются (ср. *id. Atlas, Planche XXIII*, № 16, 23). Лелевель считаетъ пушнаго звѣря упомянутыхъ венгерскихъ серебряниковъ лисицею, но, полагаемъ, съ такимъ же правомъ можно считать его и куницею.

92) Для примѣра см. двѣ серебр. мон. Рязанскаго княжества изъ собранія кн. *С. В. Доморукова*: на лицевой сторонѣ обѣихъ монетъ—изображеніе какого-то звѣрка; на обор. одной (вѣсомъ $4\frac{1}{2}$ доли)—легенда: **кн—/ъ вел /кни /книъ**, а на обор. другой (вѣсомъ $3\frac{1}{2}$ доли)—неразобранная монограмма (См. *Описан. неизд. русск. мон.* въ Зап. Имп. Археол. Общ. III, 38—39, №№ 16 и 17). *Кн. Доморуковъ* говоритъ, что подобныя звѣрки суть обыкновенныя изображенія на рязанскихъ монетахъ послѣ присоединенія этого княжества къ Московскому т.-е. послѣ 1517 года. (См. *Карамз.* VII, 132—134 и др.). Иные многочисленные примѣры подобныхъ изображеній на монетахъ московскихъ и удѣльныхъ см. въ упомянут. *Описан.*, № 21, 24, 30, у *Черткова*, 12, 17, 36, 39, 41—43, 49—50. Ср. *Карамз.* V, примѣч. 135.

93) *Чертковъ*, 21.

94) Кромѣ писателей, указанныхъ прежде, назовемъ здѣсь еще *Арчибальда*, который въ своей статьѣ „*О древнихъ русскихъ деньгахъ*“ говоритъ: „Самое названіе сказанныхъ монетъ (т.-е. кунъ, рѣзанъ и т. д.) удостовѣряетъ въ томъ, что онѣ были кожи звѣриныя; напр., *Куны*—куницы, *Вькоши*—вѣкши, бѣлки, *Рязани*—отрѣзки, лоскутья, *Ногаты*—ножки, лапки, *Мордки*—рыльцы“ (*Зап. и. Труды Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1824; II, 116). То же говоритъ и знаменитый *Лелевель*: „*Les chroniques russiennes..... ont parlé de la pelleterie, qui servait d'argent etc.*“ (*Numism* III, 65—66).

95) Предположеніе, высказанное сейчасъ нами, было въ первый разъ высказано *Успенскимъ* въ его „*Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ*“ II, 665 и одобрено знаменитымъ *Каченовскимъ*: О кожан. деньгахъ, 11—12.

Жильбертъ де Ланноа, посѣтившій Россію въ первой половинѣ XV вѣка, говоритъ, что въ Новгородѣ ходили при немъ за мелкія монеты головы бѣлокъ и куницъ: „...est leur menue monnoye de testes de gris et martres“ (См. у *В. О. Ключевскаго*: Сказан. иностр. о Московск. государствѣ, 259). Въ виду всего того, что сказано выше о кунныхъ цѣнностяхъ и что подтверждается новѣйшими изысканіями такого изслѣдователя по вопросу о древнерусскихъ деньгахъ, какъ *Прозоровскій*, нельзя ли эти *testes de gris et de martres* считать также серебря-

ными монетками съ такими изображеніями на лицевыхъ сторонахъ?— Припомнимъ также, что при Ланноа уже должны были обращаться въ Новгородѣ завѣдомо-металлическія деньги, любцы, ортуги и др.

96) См. у *Куника*: О русско-виз. мон., 24—25.

97) См. *Каченовскаго*, 72, 81. Быть можетъ, это тверское пуло въ ганзейскихъ скрахъ и разумѣется подь словомъ *homedo*, но впрочемъ, объ этомъ ср. *Костомарова*: Сѣвернорусск. Народоправства II, 241.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТІЕЙ ГЛАВѢ.

1) *Forschungen in der alteren Geschichte Russland's*, II, 274—275,

2) *Изсѣдован., Запѣчан. и Лекціи о Русск. Ист.* III, 283; ср. того, же автора: *Норманскій періодъ Р. И.* 172.

3) См., напр., *Указат. для обозрѣнія Московск. Патріарш. Б-ки*, сост. *Архим. Саввою*, стр. 160.

4) Другіе изсѣдователи русскихъ древностей, наоборотъ, считаютъ нахожденіе слова „*ривна*“ въ Священномъ Писаніи безусловнымъ доказательствомъ не только *славянства*, но и *старо-славянства* этого слова (Казанскій). Въ самомъ дѣлѣ: Священное Писаніе въ числѣ 60 книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта переведено на славянскій языкъ еще св. Меѳодіемъ во время его вторичнаго пребыванія въ Моравіи, гдѣ онъ въ 885 году и преставился, какъ то видно по *Сербскому Прологу Митрополита Константина Мокисскаго* (конца IX вѣка) (См. статью *И. И. Срезневскаго*: *Минологія Константина Митрополита Мокийскаго въ его „Свѣдѣн. и Зап. о малоизв. и неизв. пам. „Записки Импер. Акад. Наукъ*, VI, кн. I, 102—111). Что же касается до сомнѣнія, есть-ли слово „*ривна*“ въ древнѣйшихъ спискахъ Библии, то на такое сомнѣніе мы отвѣчаемъ въ текстѣ. Хотя древнѣйшіе списки славянской Библии и не дошли до насъ, но мы съ полной увѣренностью полагаемъ, что это слово находилось въ нихъ, находилось оно даже въ первомъ спискѣ св. Меѳодія. Переписчики врядъ ли рѣшались что-либо измѣнять въ находившихся у нихъ въ рукахъ спискахъ Священнаго Писанія, служившихъ имъ подлинниками; ошибки могли быть, но умышеннаго искаженія или вставокъ писцы не дѣлали, трудясь надъ списываніемъ Слова Божія.

5) См. *А. Куника*: О русско-визант. мон., 8. 12 (примѣчан.); *Срезневскаго*: Примѣчанія на книгу *Гедеонова*: „*Варяги и Русь*“; *Эрнста Эдуарда Куника* въ предисл. къ издан. *Круповыхъ Forsch.*, CCXXV и слѣд.; *Казанскаго*: Изсл. о древн. русск. мон. сист. 107 и слѣд.

6) Есть еще одно мнѣніе о производствѣ слова „*гривна*“, примыкающее къ упомянутому въ текстѣ мнѣнію норманнистовъ. Это мнѣніе, насколько намъ извѣстно, не привившееся въ нашей исторической литературѣ, принадлежитъ *Н. Н. Муравьеву*, который въ своихъ „*Историческихъ изслѣдованіяхъ о древностяхъ Новгорода*“ старался, какъ о томъ упомянуто въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящаго *Опыта*, доказать на основаніи однихъ общихъ соображеній, что Новгородъ въ древнее время и до позднѣйшихъ временъ,—во все продолженіе многовѣковой исторіи своего самостоятельнаго существованія, находился на степени развитія весьма-низкой по торговлѣ, которая шла *кое какъ*, по богатству и т. д. Исходя отъ признанія дикости Новгородцевъ IX и X столѣтій, Муравьевъ полагаетъ, что первоначально одною изъ употребительнѣйшихъ въ Новгородѣ мѣръ была *горсть*: горсть серебра, горсть мѣховъ (кунъ) и т. д., что названіе для этой мѣры взято изъ Германіи, гдѣ и *доннынъ* употребляется выраженіе *greiffige Waare*. *Griff* значитъ *горсть*, *въ горсть могущее вмѣститься*: *Griff von Silber*—гривна серебра, *Griff von Pfelz*—*Waaren* (sic)—гривна кунъ. Вкладъ, найденный въ Новгородѣ въ 1821 году, по мнѣнію Муравьева, подтверждаетъ это сближеніе нѣмецкаго „*Griff*“ и нашего „*гривна*“, *ибо гривна есть ничто иное, какъ слитокъ серебра, могущій вмѣститься въ горсть* (*Ист. изсл.*, 34). Вотъ мнѣніе Муравьева и начала, на которыхъ оно основано. Противъ этого мнѣнія можно также привести нѣкоторые *общія соображенія*, хоть-бы, наприм., соображеніе о совершенной безцѣльности замѣны туземнаго слова „*горсть*“ иноземнымъ „*Griff*“, тѣмъ болѣе что слово „*горсть*“ въ значеніи мѣры и до сихъ поръ употребляется въ народномъ языкѣ (Ср. *ibid* 3, примѣчан.). Но, помимо этого, должно замѣтить, что между „*Griff*“ и „*гривна*“ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, кромѣ чисто-случайнаго созвучія.

Объясняя, какимъ образомъ изъ нѣмецкаго „*Griff*“ могло образоваться наше „*гривна*“, Муравьевъ въ такихъ чертахъ изображаетъ первичную торговлю между ганзейскими купцами и Новгородцами, Смольнянами: „... встрѣчаячи кочующихъ звѣролововъ, имъ (ганзейскимъ купцамъ), вѣроятно, прежде знакомыхъ, предлагали имъ въ горстяхъ слитки серебра, говоря: *грифъ*, не умѣючи лучше объясняться за обоюднымъ незнаціемъ взаимныхъ языковъ, нарѣчій, впечатлѣвали простотѣ сихъ звѣролововъ слово „*гривна*“. Звѣроловы сіи равномерно хватали въ горсть свое излишество, звѣриныя шкуры, и такъ предлагали: *грифъ на*. Нѣмецъ къ своему грифъ, (sic) также приложилъ *на*, и вотъ съ обѣихъ сторонъ *грифъ на*, наконецъ *гривна*. Первой не от-

давалъ своего предложенія за одно взаимное предложеніе звѣролова, и сей удвоаятъ, утроаятъ, учетверяютъ свое предложеніе. Вотъ и вышли четыре гривны кунъ за одну гривну серебра“ (*указ. сочин.* 18). Не думаемъ, чтобъ можно было относиться хоть сколько-нибудь серьезно къ подобной *шри догадокъ*, какъ самъ Муравьевъ называетъ свои домыслы въ другомъ мѣстѣ своихъ „*Измѣдованій*“ (стр. 13). Съ одной стороны, изображеніе Новгородцевъ, Смольнянъ на степени развитія дикихъ звѣролововъ въ то время, въ которое уже начались ихъ сношенія съ Ганзейскимъ союзомъ, произвольно и противорѣчить свидѣтельствамъ лѣтописей и договоровъ Новгорода съ Нѣмцами (не говорю о Мстиславовомъ договорѣ); съ другой стороны, это „*шрифъ на*“ при сопоставленіи съ древнимъ *грькыл* является, если можно такъ выразиться, полнѣйшимъ филологическимъ абсурдомъ, при помощи котораго можно, пожалуй, множество русскихъ словъ вывести изъ какого угодно иностраннаго языка... О другихъ натяжкахъ и *шраніяхъ* мы и не говоримъ.

7) Быт. XXXVIII, 17—19.

8) Тамъ же, XLI, 41—44.

9) Дан. V, 7—8, 16—17, 29—30.

10) I Маккав., X, 59.

11) Лавр. 131.

12) Притч. I, 8—10.

13) Іезек., XVI, 3, 9—14.

14) Тамъ же, 10.

15) I Маккав., XIV, 41—45.

16) Тамъ же, 42, 43.

17) Тамъ же, XI, 57—59.

18) *Шестодневъ* издан. Московск. Общ. Ист. и Древн., л. 41.

19) *ibidem* рѣс—рѣз. Это мѣсто приведено и у *Казанскаго*, 108—109.

20) Изслѣд. о древней русск. мон. сист., 109—112.

21) Ср. *Θ. И. Буслаева*: Истор. Граммат. Русск. яз. I (*Этимологія*), 147, 148.

22) См. *Кеттена*: Списокъ русск. памятник., служащимъ къ составленію Исторіи художествъ и отечественн. Палео графін, 3—11; *Куника*: О русско-визант. мон., 8—9; *Раковскаго*: *Prawda Ruska*, I, 170; *Казанскаго*: указанн. сочин., 108 и др.

23) См. *Макарова*: „Историко-филологич. замѣтки къ Словарю Линде“ въ *Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Древн.* 1846 г., № 3, Смѣсь, 40—41.

24) О *цѣти*, носимой на шеѣ, упоминается въ русскомъ списокѣ XII вѣка *Пандектъ Никона Черногорца*; здѣсь находимъ слѣдующее употребленіе: „Сии книги гна оубо заповѣди и сихъ тълкованіи имоуше, такоже съвъкоупляюще и послѣдующе ѿ оцѣскѣхъ оученіи. едина главизна отъ другоѣ приемлющи виноу. ꙗкоже се нѣкъѣ златъ *цети* съ драгымъ камениемъ и съ женчюгъмъ. съплетены *выю христьянскоу оукрашаютъ*..“ (Срезневскаго: „Пандекты Никона Черногорца въ русск. списокѣ XII вѣка“ въ *Зап. Имп. Акад. Наукъ*, XX 152).

25) *Словарь о Святыхъ*, издан. 2-е, стр. 21.

26) См. И. Е. Забѣлина: „О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка“ въ *Запискахъ Имп. Археол. Общ.*, V, 102.

27) См. „Чешскія глоссы въ *Mater Verbor*“ разб. *Патеры* и дополн. замѣчан. Срезневскаго въ *приложен.* къ XXXI-му тому *Записокъ Имп. Акад. Наукъ* № 4, стр. 50.

28) См. *Погодина*: Норм. пер. Р. И. 113—114, 214—215.

29) *Сирах*. VI, 25—26, 30—31.

30) Списокъ русск. пам., 6—7.

31) *Забѣлинъ*: О металл. произв. 102.

32) *Кеппенъ*: id. № 3, стр. 4 и 7.

33) *Куникъ*: id. 9.

34) См. примѣчан. 31-е.

35) I Коринѣ. XI, 10.

36) Русско-Ливонск. Акты, № I.

37) Напр., *чело кичное* въ *Духовн. грам. кн. Димитрія Иоанновича, внука Иоанна III*. Рум. Собран. I, № 147, стр. 406.

38) Числ. XXXI, 50—52.

39) Ис. III, 17—19.

40) Ср. *Забѣлина*: id., 48; *Казанскаго*: id., 109.

41) П. С. Р. Лѣтоп. II, 223.

42) Ibidem, III, 149; *Новгор. лѣтописи* по издан. 1879 г. 145.

43) Рум. Собран. I, № 121, стр. 301.

44) То же о гривенныхъ цѣпяхъ и ошейникахъ говорить и *Муравьевъ* въ указанномъ выше сочин., стр. 9—10. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ писатель, на основаніи общихъ соображеній, полагаетъ, что ошейники *объ одномъ или о двухъ звеньяхъ* древнѣе длинныхъ цѣпей, а привѣски считаетъ принадлежностью послѣднихъ: эти привѣски, по его мнѣнію, замѣняли *грузила на перси*, безъ чего длинная цѣпь не могла бы удержаться на шеѣ.

Мы представили въ текстѣ основанія своему мнѣнію о *грисни*, какъ о *цѣти*; что же касается длины этой послѣдней, то это вопросъ

второстепенный. Замѣтимъ кстати, что довольно трудно понять, почему *устяхъ литія драгоценныхъ металловъ* могъ имѣть вліяніе, какъ полагаетъ Муравьевъ, на длину цѣпи, которая изъ короткой (объ одномъ или о двухъ звеньяхъ) должна была съ этимъ *устяхомъ* обратиться въ длинную: съ развитіемъ литейнаго дѣла могла и должна была улучшиться форма звеньевъ гривенной цѣпи, но цѣпи длинныя, хотя и грубой работы, могли быть и во времена первобытныя, когда литейное искусство было еще въ пеленкахъ. Но какъ бы то ни было, по мнѣнію Муравьева, короткія цѣпи, или, лучше, ошейники, были древнѣе. Въ доказательство этого Муравьевъ приводитъ также лѣтописный рассказъ объ убіеніи св. Бориса: убійцы должны были отрубить голову Георгію Угрину, чтобъ снять съ его шеи гривну; отсюда Муравьевъ дѣлаетъ заключеніе, что гривна Георгія была изъ одного или двухъ звеньевъ. Допустимъ это, но имѣемъ-ли мы право считать именно эту гривну за древнѣйшую, когда ко времени Владиміра св. принадлежать уже и *цѣпи съ круиломъ*, что признаетъ и Муравьевъ, говоря о *Владиміровомъ златѣ*? Да, наконецъ, потому-ли убійцы св. Бориса не могли снять гривны съ шеи Георгія, что эта гривна была узка? Что гривны употреблялись вмѣсто подвѣсокъ, доказываютъ тѣмъ, что въ гривнахъ новгородскаго клада 1821 находятся сквозныя дыры, при чемъ, сходство съ *лунницами*, какъ мнѣ кажется, проявляется въ нѣсколько вогнутой формѣ нѣкоторыхъ гривенъ этого клада (См. ук. сочин. *Муравьева*, стр. 10, 18, 20—21; табл. А. и Б.).

45) Рум. Собран. I, № 21, 22, стр. 32, 34.

46) *Забѣлинь*: О металл. произв. 102.

47) *Изслѣд. о древней русск. мон. сист.*, 107.

48) Ср. *ibid.* 110—111.

49) *Кеппенъ*: Списокъ русск. пам. 3—4. Печати новгородскихъ посадниковъ суть тѣ же гривны, носимыя посадниками, какъ знакъ достоинства правителя Новгородской республики. См. *Прот. Іоанна Григоровича*: „Опытъ о посадн. новгор.“, стр. 47 и примѣч. 100. Также мы смотримъ и на древнія печати русскихъ пословъ и гостей, упоминаемыя въ договорѣ Игоря съ Греками (*Лавр.* 47).

50) *Казанскій*, *ibid.* 109, *Забѣлинь*, *ibid.* 48, 101 и слѣд.

51) *Куникъ*, *ibid.* 10—11.

52) *Казанскій*, *ibid.* 111—112.

53) *Рукописный сборникъ* изъ библіотеки о. *Архимандрита Амфилохія* стр. 221. Мы дѣлаемъ указанія и ссылки на этотъ интересный *Сборникъ*, обязательно сообщенный намъ достоуважаемымъ отцомъ Архимандритомъ, ибо не имѣемъ подъ руками иныхъ экземпляровъ

Патерика Печерскаго. Патерикъ, включенный въ этотъ *Сборникъ* и начинающійся въ немъ со стр. 215-й, вполне подобенъ рукописному Синодальному XVI вѣка, хранящ. въ Патріарш. Б-гѣ подъ № 216.

54) Ср. *Кеттена*, *ibid.* 5.

55) *Ключемъ*, *уклочиною* называется столбикъ (клюка) сбоку судна, съ петлею для гребнаго весла; тѣмъ же именемъ называются углубленія сбоку-же судна, между которыми движется руль. Название части распространилось на цѣлое: все судно стало называться *ключемъ*. О такихъ судахъ встрѣчаемъ извѣстіе у Юлія Цесаря, видѣвшаго судна такого устройства у Бриттовъ, и у Константина Багрянороднаго, прямо приписывающаго эти суда Руссамъ (*Крунъ*: *Zur Münzkunde* R. 64—69).

56) Въ одной грамотѣ 1421 года, данной епископомъ Перемышльскимъ Иліею и утверждающей сдѣлку купли-продажи между подсудными ему людьми, сказано: „... продалъ Околь дворище Кондратови за 40 и 8 гривенъ мѣбы Полскою..“ (Акты Зап. Россіи, I, № 29), а въ жалованной грамотѣ 1424 года, данной княземъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ Черниговскимъ какому-то Юрію Козенятѣ, читаемъ: „... и даемъ служѣ нашему, Юркови Козеняти, на своемъ селѣ на Хватовцехъ 50 копъ Русской мѣбы Краковской монеты..“ (*ibid.* № 32).

57) Какъ кажется, *копа* въ смыслѣ денегъ упоминается еще въ Вислицкомъ Статутѣ 1347 г. а именно въ ст. 68-й, озаглавленной такъ: „*который позванъ противъ своего привилля*“. Въ этой статьѣ постановлено: „... а укажетъ на судѣ свое привилле... и стратитъ *копу*, а тотъ поводъ речеть, ижъ не вѣдалъ у него того привилля, имѣеть ему вернуть *тую копу*“ (Акты Зап. Россіи, I, № 2, стр. 11—12). Въ XV вѣкѣ слово „*копа*“, „*купа*“ употребляется перѣдко въ смыслѣ денегъ; напр., въ одной передаточной грамотѣ на имѣніе (грамота начала XV вѣка) сказано: „... суть продали... пану Колѣ Далюевскому остаточную свою половину дѣдѣнины Трисяньць за 3 и за 20 копъ и оправили ему тую половицю Трисяньць у 50 копъ..“ (*ibid.* № 11). Или въ одномъ заемномъ письмѣ 1421 года: „... узялъ есмь у пана Ивашка *сто купъ* у Гулевича..“ (*ibid.* № 14). *Копами* считается также хлѣбъ, но въ такомъ случаѣ опредѣляется родъ хлѣба; напр., въ уставной грамотѣ Лаврашеву монастырю 1401 года читаемъ: „... въ новину давати ми вѣчно къ Лаврашеву монастырю изъ моея отчины *три копы ржи шестерныя*“ (*ibid.* № 7). Какъ кажется, „*копа*“ въ смыслѣ денегъ соотвѣтствуетъ нашей гривнѣ; это видно, наприм., изъ одной купчей 1400 года, въ которой продавецъ заявляетъ, что онъ продалъ имѣніе „за 30 копъ Рускихъ безо дву купу и за купъ“ (*ibid.* № 6). Сказанное о *гривнахъ мѣбы Полскою* и о *мѣбѣ Русской*, а равно слово

„кунь“, несомѣнно, наша куна—указываютъ на это соотвѣтствіе; кромѣ того, названія: *копа грошей*, *рубль грошей*, *полконы грошей* (ibid. № 20, 22, V) весьма напоминаютъ наши „*привну кунъ*“, „*привну рублей*“ (А. Ю. № 71, I), наконецъ, „*полупривну*“. Потому то, быть можетъ, слова „*привна*“ и „*копа*“ и могли употребляться безразлично и послѣднее, позднѣйшее, могло замѣнить первое, древнѣйшее.

58) *Корабленики* суть англійскіе *нобели*, впервые появившійся въ Англіи около половины XIV вѣка, при Эдуардѣ III. Это были золотыя монеты, принятыя при Генрихѣ VI (1426 г.) и во Франціи; на нихъ было выбито изображеніе короля, стоящаго въ кораблѣ; сбоку—роза, вокругъ которой надпись: „*Jesus autem transiens per medium illorum ibat*“; въ послѣдствіи розу перестали изображать. Такіе *нобели* изъ чистаго золота, хотя легковѣсные и цѣною не выше 2 дукатовъ, носили названіе *nobles rosati*, *nobiles à la rose*, а по изображенію корабля назывались *кораблениками*. Они были въ употребленіи также въ Даніи, Пруссіи, Лифляндіи (*Zur Münzkunde R.* 162—163). *Прозоровскій* доказываетъ, что у насъ въ XVI вѣкѣ цѣна *кораблениковъ* вздорожала на 6 алтынь не въ слѣдствіе улучшенія ихъ качества, а въ слѣдствіе ухудшенія нашей монеты (*Монета и тѣсѣ*, 476).

59). П. С. Р. Л. III, 142—143. *Крунь* (*Zur. M. R.* 161) принимаетъ здѣсь слово „*привна*“ („*привенка*“) тоже въ смыслѣ вѣса.

60) Русско-Лив. Акты, Anhang, I, 434.

61) Ibidem, 434—436.

62) *Житіе* по издан. Моск. Общ. Ист. и Древн. стр. ѳ.

63) Ibidem, ѳк. об.

64) Ср. *Казанскаго*: указ. сочин., 123.

65) *Рукоп. Сборн. Архим. Амфилохія*, 232.

66) *Срезневскаго*: Свѣдѣн. и зам. о малонзв. и неизв. пам., № XXXV.

67) Русско-Ливонск. Акты, Anhang, I, 434—436.

68) *Патерикъ Печерск.* Синод. № 216, л. 45 об.

69) П. С. Р. Л. II, 219.

70) *Кунникъ*: О русско-визант. мон., 10.

71) *Крунь*. *Zur. M. R.* 134—138; *Петрушевскій*: Общая Метрологія, I, 438, примѣчан. 348. Здѣсь кстати приводимъ толкованіе „*привны*“ изъ извѣстнаго *Церковнаго Словаря* Протопресвитера и Академника П. Алексѣева: „*привна*, въ Писаніи именуется *Мнасъ*, вмѣсто вѣса фунтоваго, какъ видно, I Макк. 14, 24. А индѣ берется за *ожерелье* золотое и серебряное, въ почестъ достойнымъ даемое. *Даніил.* 5. 16. Индѣ же значить *пленницу*, то есть цѣночку въ знакъ отличія заслуженнымъ людямъ даемую. *Бес. Злат.*“ (*Ц. Слов.*, издан. 4-е, I, 227).

72) См. его статью: „*Были-ли на Руси монеты до XIV стол.?*“ въ *Зап. Им. Археол. Общ.* V, 323—324.

73) „*О Русской Правдѣ въ отношеніи къ благоустройству*“ во *Временн. Моск. Общ. Ист. и Дрвн.* 1854 г., XX, 39 и слѣд.

74) *И. Г. Р.* I, 247, 493, примѣчан. 298.

75) *Зап. Им. Археол. Общ.* XII, 542 и сл.

76) *Zur Münzkunde R.* 48—51.

77) *id.* 133—135.

78) *id.* 172, 190—191.

79) Эти два разные мнѣнія о нашей древней гривнѣ, освященные двумя авторитетами—Круга и Карамзина, въ началѣ нынѣшняго столѣтія не позволяли изслѣдователямъ высказываться прямо ни за то, ни за другое; но крайней мѣрѣ, такое колебаніе видно въ словахъ знаменитаго *Эверса*, который принимаетъ какъ мнѣніе Карамзина, такъ и мнѣніе Круга даже безъ попытки примирить ихъ между собою („*Das älteste Recht der Russen.*“ *Dorpat.* 1826, S. 146, Anm. 15, 271, Anm. 2). Только благодаря трудамъ позднѣйшихъ изслѣдователей, уважаемые имена которыхъ упомянуты нами выше, теперь можно высказаться опредѣленно относительно этого вопроса.

80) „*le mot grec litra signifioit une livre et une monnoie de peu de valeur*“.

81) Названія *нумизматическія* суть условно приданныя нумизматами серебрянымъ слиткамъ для отличія тяжелыхъ отъ легкихъ; *рублемъ* условились называть болѣе легкіе, а *гривною* болѣе тяжелые слитки.

82) Ср. *Заблужкаго*: О цѣнностяхъ въ древн. Р., 23.

83) См. его „*Изслѣдован. Замѣчан. и Лекціи о Р. И.*“, VII, 322—371.

84) См. *Максимовича*: Указатель Росс. Законовъ, I, 328—329.

85) *П. С. Р.* Л. II, 223.

86) *Сборн. Мухан.* № 330.

87) Ср. также *Погодина*: Изслѣдован., Замѣч. и Лекціи, VII, 362—366, гдѣ онъ въ подтвержденіе той же мысли указываетъ на нѣкоторыя статьи Русской Правды, въ коихъ то, что называется *гривной кунъ*, тутъ-же называется и просто *гривною*; напр., *Тр.* 16, *Кар.* 124.

88) *Казанскій* думаетъ этимъ переводомъ гривны серебра на смоленскіе пенязи доказать, что въ XIII вѣкѣ кунная гривна была уже счетная, а не вѣсовая; при этомъ онъ полагаетъ, что этотъ переводъ: „а за *гривну* по 4 *гривны куна* или *пенязи*“ сдѣлано для Смоленянъ, „чтобы они знали, въ какомъ отношеніи къ ходячей ихъ монетѣ, *кунамъ*, находилась гривна серебра, сколько счетовъ (счетомъ?) *кунъ* заключалось въ *гривнѣ* серебра“ (*Изсл. о древн. русск. мон. сист.* 134).

Съ этимъ, послѣднимъ мнѣніемъ ученаго изслѣдователя нашей древней монетной системы согласиться нельзя по тремъ причинамъ: во 1-хъ) подобному разъясненію достоинства ходячей монеты для мѣстныхъ жителей совсѣмъ не мѣсто въ международномъ договорѣ: это должно быть извѣстно мѣстнымъ жителямъ изъ законовъ или иныхъ источниковъ внутреннихъ; во 2-хъ, проектъ договора, въ которомъ находится это объясненіе, составленъ въ Смоленскѣ для Нѣмцевъ: для послѣднихъ, очевидно, и сдѣлано это объясненіе; для нихъ же къ русскому слову „*кунъ*“ присоединено нѣмецкое „*пенязи*“ (*pfennig*); наконецъ, въ 3-хъ, если это объясненіе сдѣлано, какъ полагаетъ Казанскій, для Смольнянъ, то спрашивается: для чего же оно повторяется въ чужеземной, Рижской редакціи проекта?

89) Издатели *Русско-Ливонскихъ Актовъ* не считаютъ, однако, этой статьи принадлежащею къ договору; касаясь Сборника Московскаго Общества Исторіи и Древностей, они говорятъ: „... findet sich im Eingange der Urkunde zwischen den Zeilen: „времени будущи“ und „къ кому си“ ein Zusatz eingeschoben, der in die Urkunde selbst nicht gehört.“ (*Русско-Лив. Акты*, Anhang № I, 416). Но, во всякомъ случаѣ, этотъ *Zusatz* относится несомнѣнно къ XIII вѣку; если даже онъ въ договорѣ и не имѣетъ оффиціальнаго значенія, то мы все-таки должны отнестись къ нему, какъ къ замѣткѣ составителя Сборника, лица, жившаго въ XIII вѣкѣ, легко можетъ быть современника Мстиславову договору; эта замѣтка, очевидно, можетъ служить основаніемъ для объясненія тогдашняго отношенія серебра чистаго къ кунному.

90) См. Русск. Достопамят., II, стр. V предисловія и сл.

91) Ibid. примѣчан. 2-е, на стр. 274—275. Ср. *Прозоровскаго*: „О кунн. цѣнн.“, 48.

92) *Казанскій* не согласенъ съ тѣмъ, что недостающіе 10 золотниковъ есть вѣсъ лигатуры. „...Мы не можемъ“, говорить этотъ почтенный изслѣдователь: „утвердительно сказать, дѣйствительно ли отъ полуфунта здѣсь отдѣляется 10 золотниковъ и нужно ли видѣть въ этихъ 10 золотникахъ лигатуру“, (*указ. сочин.*, 133). На это отвѣчаю: въ этихъ исключаемыхъ 10 золотникахъ нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ лигатуры; изъ указанія на *точное серебро* видно, что было серебро *неточное*, а это—въ связи съ сказаннымъ въ предшествующей главѣ о различіи *бѣлы* и *кунъ* должно навести именно на мысль о лигатурѣ, которая и была причиною *черноты*, *почернѣнія* серебра; наконецъ, какъ же иначе понять то, что *точное серебро* получается только по исключеніи 10 золотниковъ: „...по тому же точному серебру,—безъ 10 золотникъ“? Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о сплавѣ, изъ

вѣса котораго должно было исключить 10 золотниковъ для полученія чистаго серебра, т.-е. для того, чтобы узнать пробу этого сплава. Что касается, далѣе, до сомнѣнія Казанскаго насчетъ полуфунта, то это сомнѣніе уничтожается 76-ю пробой нашихъ древнихъ гривенъ.

Прозоровскій въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи о монетахъ и вѣсѣ, возражая приведенному мнѣнію Казанскаго, говоритъ, что все равно, считать ли 10 золотниковъ Мстиславова договора лигатурой или нѣтъ, во всякомъ случаѣ ясно, что въ рассматриваемой статьѣ рѣчь идетъ о неполномъ вѣсѣ и что *точное серебро* есть серебро *чистое, дѣйствительное* (*Монета и вѣсъ*, 529—532). Рѣшительнѣе объ этомъ названный ученый высказывается въ своемъ новѣйшемъ изслѣдованіи: „О кунныхъ чынностяхъ“. Здѣсь 10 золотниковъ Мстиславова договора прямо считаются количествомъ примѣси, но, при этомъ, *Прозоровскій* полагаетъ, что новгородскія и смоленскія кунныя гривны были 70-й пробы. (*Об. Арх. Инст.*, IV, 36, 38).

Но обращаемся опять къ *Казанскому*. Этотъ писатель, далѣе, проводитъ параллель между нѣкоторыми постановленіями Мстиславова договора и однопредметными постановленіями Правды Русской и на основаніи этого сравненія, между прочимъ, доказываетъ, что 4 смоленскія гривны кунъ равнялись гривнѣ серебра. Противъ этого, разумѣется, мы не возражаемъ, но дѣло въ томъ, что параллель между нѣкоторыми изъ приводимыхъ Казанскимъ постановленіями не можетъ быть понята безъ помощи того опредѣленія пробы, которое мы узнаемъ изъ статьи: „*Также и по бесъсудной грам(отѣ)*...“, а это является немаловажнымъ подтвержденіемъ какъ самаго содержанія этой статьи, такъ, равно,—и современности устанавливаемого ею отношенія съ Мстиславовымъ договоромъ.—Разсмотримъ самую параллель.

Въ постановленіяхъ, сравниваемыхъ здѣсь, замѣтны какъ бы два *счета*: по первому это отношеніе 4: 1 проводится правильно, по другому—оно исчезаетъ. Въ примѣръ перваго счета должно указать на параллель статей обоихъ памятниковъ объ убійствѣ: 10 гривенъ серебра по Мстиславову договору равняются 40 гривнамъ (кунъ) Русской Правды, т.-е. обыкновенной вирѣ; вторая статья, указывающая на то же отношеніе 4: 1,—это постановленіе о членовредительствахъ: здѣсь *полвиры* (20 гривенъ кунъ) Правды соотвѣтствуетъ 5 гривнамъ серебра по Мстиславову договору; третью параллель, удерживающую то же отношеніе, представляютъ статьи о выбитіи зуба, ибо 12 гривенъ кунъ продажи по Русской Правдѣ соотвѣтствуетъ 3 гривнамъ серебра. Но затѣмъ начинается другой счетъ, изъ котораго никакъ нельзя вывести отношенія 4: 1; на примѣръ, въ статьѣ Правды объ уби-

еиі холопа опредѣлено 5 гривенъ, а въ договорѣ 1 гривна, т. е. отношеніе 5: 1, а не *гривна съ четвертью*. Что подобный счетъ, съ означеніемъ *четвертей* употребляется въ договорѣ, доказывается другою его статьею, по которой за ударъ по лицу, за ударъ батогомъ и дранье за волосы полагается въ пеню *бес четверти* гривна серебра, что опять соотвѣтствуетъ пенѣ Правды въ 3 гривны (4: 1). При этомъ, однако, надобно имѣть въ виду, что Правда отличаетъ ударъ *жердью* отъ удара *батогомъ* и, подводя первый подъ проступки, оплачиваемые 3-мя гривнами, второй считаетъ подлежащимъ 12-ти гривенной пенѣ. Впрочемъ, такія тонкія подраздѣленія въ Мстиславовомъ договорѣ уничтожаются, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, и текстъ упомянутого постановленія, приведенный у Казанскаго, принадлежитъ проекту, а не окончательной редакціи, въ которой вмѣсто всего этого постановляется: „*По оухоу оударите ꙗ четверти серебра*“ (Русско-Ливонск. Акты Anhang № I, 424). Но за то въ Мстиславовомъ договорѣ предусматривается ударъ *деревомъ*, и подъ это понятіе въ окончательной редакціи, по всей вѣроятности, подводится и ударъ *батогомъ*. Этотъ проступокъ (*ударъ деревомъ*) соединенъ съ постановленіемъ о *кровоавой* и *синей* ранахъ, за которыя въ Правдѣ, какъ извѣстно, налагается также трехгривенная продажа. Здѣсь мы снова сталкиваемся съ инымъ счетомъ, изъ котораго нельзя вывести отношенія 4: 1 и который, при этомъ, остается рѣшительно загадкою при сравненіи его со счетомъ статьи „*По оухоу оударите..*“ Въ этой послѣдней статьѣ 3 гривнамъ Правды въ договорѣ соотвѣтствуетъ, какъ видно было выше, гривна серебра безъ четверти, или $\frac{3}{4}$ гривны серебра; въ постановленіяхъ же о *кровоавыхъ* и *синихъ* ранахъ 3 гривны пени Правды соотвѣтствуютъ не $\frac{3}{4}$, а $1\frac{1}{2}$ гривенъ серебра по договору. То же отношеніе 3 гривенъ кунъ и $\frac{1}{2}$ гр. сер. является и въ другой параллели Казанскаго, именно въ статьѣ о ранахъ мечемъ безъ членовредительства. Сказаннымъ собственно и завершается параллель Казанскаго, ибо я не считаю возможнымъ признавать параллельными статью Мстиславова договора о *соромѣ* и статью о *бесчестіи*: „*А за бесчестную гривну..*“, какъ по разнопредметности этихъ статей, такъ и потому, что, какъ видно будетъ далѣе, не могу признать правильнымъ чтеніе Казанскаго статьи „*А за бесчестную..*“; что же касается параллели статьи договора о *побояхъ холопу* со статьею Правды о *мученіи смерда*, то по существенному различію лицъ потерпѣвшихъ въ обоихъ случаяхъ—даже странно говорить о такой параллели.

Выше сказано, что для объясненія этого втораго счета и для примиренія возникающаго отсюда противорѣчія слѣдуетъ обратиться къ

опредѣленію пробы серебра по статьѣ: „*Также и по бесъсудной грам(отѣ)*...“. Въ самомъ дѣлѣ: въ постановленіяхъ обоихъ памятниковъ, напр., объ убійствѣ холопа соотвѣтствіе 5 гривенъ кунъ Правды гривенъ серебра Мстиславова договора объясняется тѣмъ, что 5 гривенъ смоленскихъ кунъ, за вычетомъ изъ каждой 5 золотниковъ лигатуры, т.-е. при 76-й пробѣ, дѣйствительно дадутъ около 1 гривны серебра (95 золотн.), а не $1\frac{1}{4}$ гр. сер., какъ было бы безъ такого вычета, т.-е. если не принять въ расчетъ пробы. Само собою разумѣется, что разница въ 1 золотникъ происходитъ отъ *приблизительности* пробы, а, можетъ быть, эта разница не предусмѣтрѣна въ договорѣ для избѣжанія мелкихъ расчетовъ; во всякомъ случаѣ, она настолько ничтожна, что можетъ быть опущена безъ чувствительнаго ущерба истинѣ; другое дѣло—разница, которая является между обѣими цифрами въ томъ случаѣ, если не принимать указанной 76-й пробы: эта разница была бы равна цѣлой четверти гривны серебра, т. е. 24 золотникамъ.

Теперь постараемся объяснить противорѣчіе въ тѣхъ статьяхъ этой параллели, въ которыхъ 3 гривенная продажа Правды замѣняется въ договорѣ то $\frac{3}{4}$ серебра (*безъ четверти гривна*), то $1\frac{1}{2}$ гривной серебра же. Прежде всего нельзя не замѣтить, что выраженіе договора „*полторы гривны серебра*“ невозможно понимать въ смыслѣ *полтора фунта* серебра, какъ бы слѣдовало согласно съ тѣмъ, что сказано раньше о выраженіяхъ: *гривна серебра* и просто *гривна*, или *гривна кунъ*. Невозможность такого пониманія этого выраженія въ *данномъ случаѣ* очевидна: $1\frac{1}{2}$ фунта серебра содержитъ въ себѣ 144 золотника, тогда какъ три смоленскія гривны кунъ по ихъ нормальному вѣсу содержатъ въ себѣ только 72 золотника, считая и лигатуру; если же принять 3 гривны кунъ новгородскія, равныя, по своему нормальному вѣсу, хотя тоже вмѣстѣ съ лигатурой,—именно 144 золотникамъ, то будетъ совершенно непонятно, почему могъ быть принятъ въ договорѣ такой разный счетъ и, притомъ, счетъ увеличивающій такъ значительно пени за проступки маловажные, тогда какъ за убійство и за членовредительство пени рассчитаны по обыкновенной смоленской 24 золотниковой гривнѣ кунъ (40—10, 20—5).

Итакъ „*полторы гривны серебра*“ договора не есть *полтора фунта серебра*; но если такъ, то остается предположить одно,—что, несмотря на сбивающее съ толку опредѣленіе „*серебра*“, это есть ничто иное, какъ *полторы гривны кунъ*. Такая догадка, думаемъ, можетъ быть оправдана слѣдующими соображеніями: статья „*Такъ же и по бесъсудной грам(отѣ)*...“, какъ было видно выше, устанавливаетъ норму пробы, а именно пробу 76-ю; это проба нашего куннаго серебра въ XIII вѣкѣ,

но далѣ мы увидимъ, что въ это время гривна кунъ, очернившаяся до 76-й пробы, во внутреннемъ оборотѣ значительно уменьшилась и по вѣсу; ставъ счетною единицею, она далеко отступила отъ своего первоначальнаго, нормальнаго вѣса, оставаясь все-таки той же 76-й пробы. Если эта кунная гривна, т.-е. очерненная до 76-й пробы, и могла быть принята для платежей иностранцамъ то не иначе, какъ по своему первоначальному, нормальному вѣсу, а не по счету, какъ она ходила внутри страны, но такъ—какъ въ это время самый терминъ, „*гривна кунъ*“ сталъ обозначать именно эту счетную, легковѣсную единицу, то въ Мстиславовомъ договорѣ нормальная *гривна кунъ* для отличія и названа *гривною серебра* просто по качеству металла, изъ котораго сдѣлана (*серебряная гривна*); вслѣдствіе этого и произошла въ языкѣ договоровъ неопредѣленность и путаница: гривна серебра какъ и *нормальная, старая гривна кунъ*, называется однимъ и тѣмъ же именемъ. Припомнимъ, что еще въ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами конца XII вѣка пени опредѣляются или гривнами серебра, или же *гривнами (кунъ) старыми,—ветхими (Русско-Ливонск. Акты, № I)*. Отсюда видно какъ то, что паденіе нашихъ древнихъ денегъ началось гораздо ранѣе XIII вѣка, что будетъ разъяснено въ своемъ мѣстѣ, такъ и то, что Нѣмцы принимали наши гривны кунъ, но не иначе, какъ по ихъ первоначальному нормальному вѣсу: 40 гривенная вира Правды Русской въ этомъ договорѣ равняется 20 гривнамъ серебра, т.-е. признается въ гривнѣ серебра 2 новгородскія гривны кунъ.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что пени по Мстиславовой грамотѣ опредѣляются или по вѣсу чистаго серебра, или же по *старому кунному* серебру; первымъ способомъ брались суммы крупныя (40, 20, 12 гривенъ кунъ Правды Русской), кунное же серебро принимается въ платежи мелкіе, какъ 3 гривны кунъ смоленскія, равныя 1½ новгородкамъ, въ смыслѣ пени за маловажные проступки. Словомъ, въ Мстиславовомъ договорѣ въ данномъ случаѣ видимъ то же, что засвидѣтельствовано и другими договорами съ Нѣмцами и что выше видно было на договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами конца XII столѣтія. Но, при этомъ, нѣкоторые проступки, оплачиваемые по Русской Правдѣ тою же 3-хъ гривенною пеней, частью сокращены въ числѣ, частью же возвышены въ количествѣ пени. Проступки, за которыя въ Мстиславовомъ договорѣ опредѣлена пеня въ *гривну серебра безъ четверти*, или въ три четверти серебра, значительно сокращены въ числѣ, и окончательная редакція постановляетъ только пеню за *ударъ по лицу*, при чемъ этотъ проступокъ считается настолько тяжкою оби-

дою, что пени за него, оставаясь тою же, что и въ Правдѣ, т.-е. 3хъ гривенной, высчитывается, какъ и пеня за убійство или членовредительство, по вѣсу чистаго серебра, или лучше,—по соотвѣтствію вѣса чистаго вѣсу (*старого*) куннаго серебра, не принимая въ расчетъ лигатуры: вмѣсто 3 гривень смоленскихъ кунъ, за эту обиду взимается пеня въ $\frac{3}{4}$ фунта (гривны) чистаго серебра. Этимъ и объясняется разница въ выраженіяхъ Мстиславовой грамоты, обозначающихъ 3 *гривны* кунъ Русской Правды: если трехгривенная пеня берется *чистымъ* серебромъ, то $24 \cdot 3 = 72$ составитъ $\frac{3}{4}$ фунта серебра; если же въ пеню опредѣлено брать соотвѣтствующую цифру не *чистаго*, а *куннаго* серебра, то это обозначается тѣмъ куннымъ вѣсомъ, который наиболѣе знакомъ нѣмцамъ, т.-е. новгородскимъ: вмѣсто 3 гривень кунъ (смоленскихъ) опредѣляется $1\frac{1}{2}$ гривны кунъ новгородскихъ, ибо $24 \cdot 3 = 72 = 48 + 24 = 72$.

93) *Максимовичъ*: Указат. Р. З. I, 328.

94) Впрочемъ, статья „о безчестіи“ представляетъ еще то неудобство, что довольно трудно сказать, къ какому времени она принадлежитъ.

95) Русск. Достопамят. II, 200.

96) Зап. Археол. Общ. III, 137.

97) См. *Калачева*: Изсл. о Р. Пр. 97, ст. L, 148.

98) Прибавленіе частицы *не* въ спискахъ *Трошскомъ* и *Погодинскомъ* въ словахъ: „...аже баба *не* была въ золотѣ“ по формѣ не представляетъ никакой синтаксической неправильности относительно слѣдующаго предложенія: „а по матери ему *не* взяти золота“, ибо въ нашей „старинной и народной рѣчи“ союзъ *а* имѣетъ не одно *противительное* (или лучше, *раздѣлительное*), но и *соединительное* значеніе (см. *Буслаева*: Историч. Граммат. Русск. яз. II, § 277, стр. 348), но, какъ кажется, тотъ смыслъ, который въ данномъ случаѣ придается предложенію съ союзомъ *а*, не допускаетъ такой прибавки въ предшествующемъ предложеніи, — здѣсь, кажется, по смыслу — именно противоположеніе: *мать низкаго рода*, и это имѣетъ рѣшающее значеніе для вопроса о вознагражденіи обезчещеннаго.

99) *Изсл., Зам. и лекціи*. VII, 359, примѣчан.

100) Это слово встрѣчается только въ трехъ спискахъ XVII вѣка очевидно поновленныхъ относительно языка: въ спискахъ *кн. Оболенскаго*, *Толстовскаго IV-мъ* и *Царскаго III-мъ*.

101) А. Э. I, № 13.

102) *Уложен.*, X, ст. 25—99.

103) *Ibid* ст. 105.

104) *Ц. Судебн.*, ст. 26: А. И. I, № 153, стр. 255 и слѣд.

105) Не вхожу въ подробности по этому поводу, чтобъ не отвѣчаться отъ предмета настоящаго разсужденія. Впрочемъ, читателю достаточно сравнить хоть бѣгло два указанные мною памятника, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

106) Дополн. къ А. И. I, № 3.—О *полтинѣ* (отъ *располотъ*, разрубить на-двое) см., напр., *Максимовича*: Указат. Р. Зак. I, „*Гривна*“.

107) См. *Соловьева*: Ист. Р., IV, 258, примѣч. 456; *Бяляева*: „Очеркъ исторіи древн. мон. сист. на Руси“ 19; *Погодина*: Изсл., Зам. и Лекціи VII, 357—358.

108) См. *Бяляева*: „Догодка объ отношеніи гривны XII в. къ рублю XVI-го“ во *Временн. Общ. Ист. и Древн.* XXIII.

109) П. С. Р. Лѣтоп. II, 28.

110) См. *Буслаева*: Истор. Граммат. Русск. яз. I, 176, II, 355.

111) Ср. *Акад.* 2 и *Тр.* 23, *Акад.* 31 и *Тр.* 71.

112) Вышеуказанная связь между „то“ (тѣ) и „что“ выражалась въ безразличномъ употребленіи этихъ обоихъ рѣченій; нельзя того-же сказать „тѣже“ и „оже“: если вмѣсто „оже“ можно было употребить „тѣже“ то первое изъ этихъ рѣченій врядъ-ли могло употребляться въ смыслѣ „также“.

113) П. С. Р. Лѣтоп. VII, 38.

114) Ср. *Буслаева*: указ. сочин. II, 348.

115) *Прозоровскій* полагаетъ, что статья „о безчестѣ“ появилась не позднѣе XIII-го вѣка (*Сбор. Археол. Инст.* IV, 34).

116) См. *Бар. Розекампфа*: Обзорѣн. К. К., 2 изд., 115; ср. также *Калачева*: Изслѣд. о Р. Правдѣ, 147—148.

117) Харатейный *Синодальный* списокъ принадлежитъ къ первой половинѣ XIV вѣка, а *Академическій* (Акад. 2)—къ концу XV или началу XVI вѣка.

118) И. Г. Р. III, издан. 4-е, примѣч. 273.

119) *Изстѣд.*, *Зам. и Лекціи о Р. И.*, VII, 328—329.

120) П. С. Р. Л. III, 46; *Прод. Древн. Росс. Вивліов.* II, 495.

121) П. С. Р. Л. III, 47; *Прод. Древн. Росс. Вивліов.*, II 499.

122) Ibid: „...Се же горе бысть не въ нашей земли въ одинои, нъ во всей области Русьстии, кромѣ Кыева одиного“. То же и въ другихъ новгородскихъ лѣтописяхъ, какъ то видно будетъ далѣе.

123) За исключеніемъ Новгородской Четвертой лѣтописи, гдѣ это извѣстіе, кромѣ втораго обозначенія цѣны, дословно сходствуетъ съ извѣстіемъ Новгородской Первой.

124) П. С. Р. Л. III, 128—129.

125) Здѣсь кстати указываю на послѣдовательность возникновенія скудельницъ въ Новгородѣ, по лѣтописямъ: это можетъ навести на мысль о постепенномъ развитіи голода и смертности и бросить свѣтъ на отношеніе этихъ разныхъ цѣнъ за кадь ржи, по Первой и Второй лѣтописямъ, между собою. Какъ кажется, смертность отъ голода началась прежде на Софійской сторонѣ, что, быть можетъ, объясняется разницей цѣнъ хлѣба *на торгу* и *въ дворяхъ* (20 и 25 гривенъ за кадь). Сообразно этому, первая скудельница, устроенная Архіепископомъ Спиридономъ, была на Софійской сторонѣ, въ менѣе заселенномъ Загородскомъ концѣ,—на Прусской улицѣ. Съ развитіемъ голода понадобилась другая скудельница, устроенная на той же сторонѣ, въ Неревскомъ концѣ, на Легощей улицѣ, прилегавшей къ Загородскому концу; какъ въ скудельницѣ на Прусской улицѣ, такъ и на Легощей, еще можно было сосчитать погребенныхъ, хотя послѣдняя (вторая) скудельница была уже обширнѣе первой: въ ней погребено не 3030, а 3500 человѣкъ. Далѣе бѣдствіе все усиливается; мертвыхъ уже не сосчитать: къ этому времени, по всей вѣроятности, относится возникновеніе двухъ остальныхъ (упомянутыхъ въ Первой лѣтописи) скудельницъ. Одна изъ нихъ устроена на Софійской же сторонѣ, въ Загородскомъ концѣ,—на Чудинцевой улицѣ, между Прусской и Легощей; другая же была устроена на Торговой сторонѣ, у Рождества Христова *на помѣ*. Эта церковь, или лучше—монастырь, была въ одномъ изъ заповѣвъ Плотницкаго конца, называвшемся *Никитинскимъ*, или *Никитскимъ*; такъ, въ Новгородской Второй лѣтописи подъ 1572 годомъ: „...*горило въ Никитиномъ заповѣ, у Рождества Христова, два двора пустыхъ*“ (П. С. Р. Л. III, 172). Это заповѣ граничило съ валомъ, къ которому прикасался конецъ Никитиной улицы, образуя съ этимъ валомъ уголъ: можетъ быть, этотъ уголъ и носитъ названіе *колына*.

Изъ всего сказаннаго, какъ кажется, можно заключить, что цѣна въ 40 гривенъ за кадь ржи относится ко времени голода болѣе сильнаго, чѣмъ въ первомъ описаніи Новгородской Первой лѣтописи—ко времени возникновенія еще одной скудельницы (на Легощи улицѣ), но болѣе слабаго, чѣмъ въ послѣдствіи, когда скудельницы умножились и когда погибшимъ отъ голода ужъ счетъ потеряли.

Положеніе различныхъ мѣстностей въ древнемъ Новгородѣ см., между прочимъ, на планѣ, приложенномъ къ сочин. *Муравьева: „Истор. изсмдованія о древностяхъ Новгорода.“*

126) *Супрасльск. Рукон.*, изданн. Московск. Общ. Ист. и Древн., 30.

127) Ср. слова издателей Новгородской Второй лѣтописи—въ предисловіи—П. С. Р. Л. III, 117 и по издан. Новг. лѣтописей 1879 г., стр. VI.

128) Ibid. 219.

129) Я разумѣю *Суздальскую лѣтопись* по списку Московской Духовной Академіи, изданному Ареографической Коммиссіей въ видѣ приложенія къ Лаврентьевскому списку. Въ этомъ спискѣ *Суздальской лѣтописи* перенесеніе мощей Святителя Леонтія описано почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и въ Новгородской Четвертой лѣтописи. Приведу обѣ записи для сравненія:

Н. Четв. л. Мѣсяца февраля 25,
на память святаго
отца нашего Та-
расья, принесень
бысть Леонтій епи-
скопъ изъ церкви
святаго Іоанна въ
церковь святыя Бо-
городица.

Акад. Сузд. Мѣсяца февраля 25,
на память святаго
отца Тарасия, при-
несени быша мощи
великаго святителя
чюдотворца еписко-
па Леонтія изъ цер-
кви святаго Іоанна,
а въ церкви збор-
ную святыя Богоро-
дица Ростову. (*Лавр.*,
изд. 1872 г., стр.
485).

Вѣроятно, изъ того же источника это извѣстіе въ сокращеніи по-
пало въ *Сборникъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря* (*Патріарш. Библиот.*, Отдѣл. славянск. рукоп., № 154), а изъ этого Сборника въ томъ же сокращенномъ видѣ перешло въ *Новгородскую Супрасльскую лѣтопись*; *Супрасльск. Рукоп.*, 30: „Тогда же принесень быс(тъ) въ стоую Бюю епископъ Леонтій“.

Что касается до времени составленія упомянутыхъ здѣсь сводовъ, то старшій списокъ Новг. Четвертой лѣт. (*Строевскій*), какъ извѣстно изъ предшествующаго, современникъ *Академическому* списку Новг. Первой лѣт. (*Акад. 2*), т.-е. относится къ исходу XV или къ началу XVI столѣтія, а остальные два, т.-е. *Академическій Суздальскій* и сводъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, относятся къ XV вѣку. Какъ кажется, *Академическій Суздальскій* сводъ имѣлъ до нѣкоторой степени вліяніе и на сокращенныя извѣстія о голодѣ 1230 года въ *Супрасльской рукописи* (ср. этой *Рукописи* стр. 30 и 133), хотя—съ одной стороны, *Супрасльская рукопись*, повторяя въ Новгородской лѣтописи Бѣлозерскій сводъ, указываетъ, такимъ образомъ, и на иной

сточникъ своего извѣстія; напр., въ разсказѣ о смертности въ Смоленскѣ общее число первыхъ двухъ скудельницъ (16000), обозначенное во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ, распределяется здѣсь, какъ въ Бѣлозерскомъ сводѣ („...въ 1—6000, а во 2—10000...“), а съ другой—эта *Рукопись* въ распредѣленіи извѣстій далеко отходитъ отъ послѣдовательности Суздальскаго свода. Къ этому послѣднему относительно размѣщенія извѣстій въ записи болѣе всѣхъ близка Новг. Четвертая лѣтоп., но и то несовсѣмъ; наприм., извѣстіе о кончинѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича, находящееся въ концѣ записи Суздальскаго свода, въ Новг. Четвертой лѣтописи помѣщается въ срединѣ,—передъ извѣстіемъ, о землетрясеніи и солнечномъ затмѣніи. Равнымъ образомъ, нѣкоторые извѣстія въ Новгородской Четвертой лѣтописи почерпнуты изъ другихъ источниковъ; таково упомянутое извѣстіе о землетрясеніи и солнечномъ затмѣніи съ точнымъ показаніемъ времени того и другаго: *Мая 3 и 14*, тогда—какъ въ Суздальскомъ сводѣ означено только: „*Трясется земля и солнце померче*“. Въ этомъ извѣстіи Новг. Четвертая лѣтоп. сходится наиболѣе съ *Кіевскою-Супрасльскою*:

Н. Четв. л. Мѣсяца мая въ 3
день трясется земля,
а солнце померче въ
14.

Кіевск. Супр. мѣсяца мая г три-
сется земля, а да
слнце померче (С.
Р., 133).

Въ *Супрасльскую* (а можетъ быть и прямо въ Новгор. Четвертую) эта редакція извѣстія перешла изъ древнихъ изводовъ, каковъ, напр. *Лаврентьевскій* (издан. 1872 ср. стр. 432), съ которымъ видно сходство въ томъ же извѣстіи *Новгородской Супрасльской лѣтописи* (С. Р. 30). Въ Бѣлозерскомъ сводѣ: „*трясашеся земля*“. Въ текстѣ я указалъ на разницу въ цѣнѣ овса по Новгор. лѣтописямъ, Первой и Третьей (13 и 5 гривенъ); здѣсь замѣчу что эта послѣдняя цѣна (5 гривн.) сходна съ цѣною Бѣлозерскаго свода и Новгородской Супрасльской лѣтописи.

130) П. С. Р. Л. IV, 29.

131) Кады ржи, по Новгор. Второй лѣтоп., стоила 40 гривенъ кунъ, а $\frac{1}{4}$ кады, по Новгор. Первой лѣтописи, стоила 1 гривну серебра; слѣдственно, 40 гривенъ кунъ = 4 гривн. серебра, или 1 гривна кунъ = $\frac{1}{10}$ гривны серебра (*Записки Имт. Археолог. Общ.*, III; 143—145).

132) П. С. Р. Л. IV, 199; V, 20.

133) См. *Прозоровскаго*: „Монета и вѣсь..“, 474, 499. Ср. П. С. Р. Л. VI, 296—297.

134) То же повторено досточтимымъ знатокомъ русскихъ древностей и въ его послѣднемъ трудѣ: „*О кунныхъ цѣнностяхъ*“ (*Сборн. Археолог. Инст.* IV, 37).

135) Русск. Достоп. I, 112.

136) Выраженіе „*обое дьяконство*“ означаетъ *причетника* и собственно *діакона*; это видно изъ того, что *Правило* говоритъ вообще только о трехъ степеняхъ церковно-и-священнослужительства: „...Первѣе дасть *ѣмоу* (епископъ ставленнику) *еухію*, еже *ѣсть* молитва анагностская об остризании причетническо-краткѣй *фелонь*, ти потомъ да *конархати* въ сборѣи церкви и чтеть, дондеже *вѣзоумѣть* все, да *предасть* и епископъ старѣйшему церковному на оучение. По *мнозѣхъ* же *днехъ* боудеть *дьяконъ* не мне *полоу* *А. лѣтъ*, по^ѣ же не мне *А. лѣтъ*“.

137. Вслѣдствіе того, что упомянутое правило Стоглаваго Собора начинается словами *посланія* св. Фотія, въ заглавіи написано: „*О томъ же поставленіи и о проторехъ отъ посланія Фотія Митрополита Кіевскаго и всея Русіи во Псковѣ*“; такая неточность, свойственная нашимъ древнимъ памятникамъ, ввела Прозоровскаго въ заблужденіе, заставивъ его правило Собора приписать св. Фотію, между тѣмъ все дальнѣйшее содержаніе главы существенно разнится отъ *посланія*.

138) „Сего ради правило еже о поставленіи священническомъ—пошлину давати обычно повелительнымъ своимъ писаніемъ присноблаженнаго царя Исакія Комнина, якоже ко инымъ вещемъ сия пишеть: ображаетъ царство мое поставленіе священническое и о правительныхъ древнихъ образъ дѣйство творити: ничто же лишнее о оставленіи да не емлемо будетъ развѣ *ѿ* златницъ: едину бо златницу, егда поставятъ кого въ четцы, а *ѣ*, егда на дьяконство, *ѣ* же, егда на поповство“. Далѣе идетъ указаніе на подтвержденіе этого закона патріархами Константинопольскими, Михаиломъ и Николаемъ, чѣмъ собственно и заключаются слова св. Фотія, а затѣмъ идетъ правило Стоглаваго Собора: „Мы же соборне повелѣхомъ отъ дьяконства и отъ поповства двѣ златницы на соборъ *взимати*, сирѣчь рубль московской, да *благословенная* гривна, а въ одиѣ дьяконы поставити,—златница дати, сирѣчь полтина московская, да *благословенная* гривна, а *готоваго* дьякона въ попы совершити,—полтина же да *благословенная* гривна.“ (*Стогл.*, по изд. 1862 г., тл. нѣ, стр. 378—380). Въ *посланіи* св. Фотія послѣ изложенія закона Комнина идетъ увѣщаніе о стригольникахъ, чего нѣтъ въ 89-й гл. Стоглава (Ср. А. И., № 21, стр. 44—45).

139) П. С. Р. Л. VI, 296—297.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЪ.

1) См. еще *Лавр.* 72, *Новгор. Литоп.* по изд. 1879 г., 6.

2) П. С. Р. Л. III, 19—20.

3) Ср. *Бѣляева*: „*Били-ли на Руси монету до XIV стол.?*“, 326.

4) Русск. Ист. Сборн. III, 119.

5) „*Слово оъ ополченіи Юрья Святославиича*“, 62—63.

6) Вотъ весь этотъ расчетъ: „у Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погость, а въ тѣхъ погостѣхъ платитъ кто жъ свою дань и передмѣръ истужниці, по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостѣхъ а нѣкоторый погибнуть, то ти и десятины убудеть, а въ тѣхъ погостѣхъ во всѣхъ сходится дани 800 гривенъ, а передмѣра 100 гривенъ, а на истужницѣхъ 100 гривенъ, то ти изъ того взяти епископу къ Святѣй Богородици 100 гривенъ; а во Врочницѣхъ... гривенъ, то ти изъ того взяти епископу 20 гривенъ; а въ Торончи дани 400 гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ, а въ Жижци дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ, а въ Каспли 100 гривенъ, а съ того епископу взяти 10 гривенъ, а въ Хотшинѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ, а въ Жабачевѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ, а въ Вотоовичи дани 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ, а въ Шуйскѣи дани 80 гривенъ, а изъ того епископу 8 гривенъ, а въ Дешняныхъ 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны, а въ Ветьскѣи дани 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны, а на Былевѣ дани 20 гривенъ, а и епископу изъ того 2 гривны, а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны, а въ Витринѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны, а въ Жидичѣхъ 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, въ Басѣи 15 гривенъ, а и епископу изъ того полторы гривны, въ Мирятинѣхъ дани 10 гривенъ, а епископу изъ того гривна, въ Добрытинѣ дани 30 гривенъ, а епископу изъ того 3 гривны, въ Доброчковѣ дани 20 гривенъ, а изъ того епископу 2 гривны, въ Бобровницѣхъ дани 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, на Дѣдогостичѣхъ 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ Зарубѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны, а въ Женни дани 200 гривенъ у Велицѣи, изъ того Святѣй Богородици и епископу 20 гривенъ, въ Панини дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны..., въ Солодовницѣхъ 20 гривенъ, изъ того Святѣй Богородицы и епископу 2 гривны, на Путнинѣ и т. д. (см. въ текстѣ)..., на Прупои 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна..., у Кречюта дани 10 гривенъ,

а Святѣй Богородици и епископу гривна..., во Исконѣ дани 40 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу 4 гривны..., въ Лодейницѣхъ 10 гривенъ дани, а изъ того гривна Святѣй Богородици“. Въ мѣстахъ, обозначенныхъ у насъ точками, устанавливается десятина съ различныхъ пошлинъ, а потому о ней говорится: „*что ся соидеть*“, „*что ся снидеть*“, „*что будетъ въ ней*“, а цифра не опредѣляется.

7) Дополн. А. И. I, № 4.

8) Ср. *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ, 527—529, *Казанскаго*: Исслѣд. о древней руск. мон. сист., 103.

9) „*Jbn — Foszlan*“, 82.

10) *Voigt*, II, 37—39 Anm. 92.

11) *Lelewel*: Numism., III, 69.

12) Пск. лѣтоп., изд. Погодинымъ, 187; П. С. Р. Л. IV, 302.

13) *Царств. Кн.*, 46 и ин.

14) „*Се ксть въпрашанимъ кюриково. кже въпраша кина коугородъско. нивонта и инъхъ. гѣ блви*“. Таково киноварное надписаніе этой статьи въ Синодальной Кормчей, л. 539 и слѣд.

15) Смыслъ этого мѣста не позволяетъ говорить о пяти сорокоустяхъ на гривну, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, а за нимъ Погодинъ: „сорокоустье за гривну служить пятью (обѣднями)“. Пять обѣдней въ недѣлю—значить,—обѣдни ежедневныя, за исключеніемъ воскресенія, когда, быть можетъ, усопшихъ не поминали за Литургіей, и субботы, дня общаго поминовенія, а въ Литургіи сорокоустной велено помянуть не всѣхъ, а только того, за упокой кого заказано: „...но все за того единого и тѣмъ и служба, того вино, темьянъ и свѣщи“, т.-е. 5 обѣдней или одна, но онѣ служатся только за того, по комъ заказаны. Отсюда: полное сорокоустье въ то время стоило гривну кунъ. Ср. *Прозоровскаго*: Мон. и вѣсъ, 513 и *Казанскаго*: указ. соч., 146.

16) Что третьякъ цѣною выше лонщины, видно и изъ инвентаря (Кар. 54, 56).

17) Ср. *Погодина*: Исслѣд., Зам. и Лекціи, VII, 338.

18) См. *Сводн. спис. Калачева*, ст. XII, XIII, XLIV, CVIII, CXIV.

19) Напр.: „Аже крадеть гумно или жито въ лмѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ, а у него же поимло то оже будетъ лице, лице поиметь, а за мто возметъ по помуривнѣ“ (Тр. 39); „А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оурадено, то имати ему за возъ по 2 ногати“ (ibid. 78) и мн. др.

20) Тр. 41: „...то ти оуручи смердомъ, оже платить князю продажу“; ibid, 83: „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть, но оже будетъ безъ

вины оубиенъ, то за холопъ оуроко платити или за робу, а князю 12 гривень продажъ“.

21) Въ нѣкоторыхъ спискахъ *краткой Правды* конецъ этой статьи читается съ слѣдующимъ варіантомъ: „...по гривнѣ и по 30 рѣзанъ съ *каждаго* платити мужеву“ (*Сводн. сп. Калачева*, CVIII). По этому варіанту, дат. „*мужеву*“, очевидно, относится не къ повинному пенѣ, а къ потерпѣвшему отъ кражи.

22) Статья, заключающая въ себѣ „*оуроко Ярославъ*“ (Акад. 42), до сихъ поръ еще никѣмъ не объяснена надлежащимъ образомъ. Въ видѣ опыта мы представимъ объясненіе ея въ слѣдующемъ второмъ, выпускѣ своихъ „*Изсмѣдованій о Русской Правдѣ*“. Здѣсь коснемся только одного пункта этой статьи, который можетъ служить къ объясненію того, какъ *рѣзана относилась къ кунѣ*. Мы разумѣемъ опредѣленіе *дачь вирнику въ постѣ*: „...или си пригоди въ *ювннѣ* рѣбами (рыбами), то взати за рыбы 7 рѣзанъ: тѣ *всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю*“. Что касается до слова „*ювннѣ*“, то въ памятникахъ этимъ словомъ означаетъ *постъ* и даже именно *св. Четырехдесятница*; такъ, въ переводѣ (XV вѣка) *Житія Св. Андрея Христа ради юродиваго* греческое „*тесбарокості*“ передано словомъ „*ювннѣ*“: „... во *едино ювннѣ ювннѣ* ему *первую недѣлю*“ (*Сборн. Отдѣл. Русск. языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ*, XX, 167). Также см. („*ювннѣ*“ и „*ювннѣ*“) въ А. Э. I, № 52, 143 (стр. 115), 147 (стр. 119, дѣв. стор.), 178, 183, 262, 263, 269, 369 и пр. Въ жалов. грамотѣ 1548 года (*ibid* № 217) вм. *ювннѣ* или *ювннѣ*—„*постъ*“ („*ювннѣ постъ*“): „...*ювннѣ* недѣлю *Петрова поста*“.—Теперь обратимся къ разъясненію находящагося здѣсь расчета: за *рыбы 7 рѣзанъ, что составитъ всего 15 кунъ на недѣлю*. Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о важномъ значеніи поста въ среды и пятки каждой седмицы, насколько о томъ можно судить по свидѣтельствамъ памятниковъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что постъ въ среды и пятки, какъ установленный въ воспоминаніе Страстей Христовыхъ, считался, такъ-сказать, сугубо священнымъ въ нашей Древлеправославной Церкви. Есть одно глубоко-умилительное преданіе, записанное въ 303-мъ Словѣ *Синайскаго Патерики* и доказывающее великое значеніе поста въ эти дни седмицы. Мы говоримъ о *видннѣ Преподобнымъ Пахоміемъ двухъ Ангеловъ*, которые шествовали за гробомъ нѣкоего христіанина, свято хранившаго въ теченіе всей своей жизни постъ въ среды и пятки: „Главахъ о оци Пахомии, яко мрътвѣца тѣло изношахъ на пѣти, и близъ бывъ видѣ Пахомии двѣ англа послѣдующа мрътвѣцю за одрѣмъ идуща и помѣшль о немъ, моли бѣ ѿкрыти бывающе и гл҃аста англа к ѿглагоу: *единъ наю среды*

дѣлѣхъ, а дрѣтѣи пѣтѣба,—и понѣже съ до смѣрти не ѡстѣпи постѣся въ средѣ и пѣтокѣ: сего ради послѣдоваховѣ тѣлоу юго; тѣмъ оубо и въ про-
водаща почѣтоховѣ и, нѣжѣшагосѣ о гѣ (*Сборн. Отд. Русск. яз. и Славесн.*, 81). Въ одной изъ старинныхъ нашихъ *отреченныхъ* книгъ, въ такъ называемой „*Златой Чѣти*“, въ статьѣ „*О свѣтлой недѣлѣ*“ вос-
прещается постъ и колѣнопреклоненіе въ теченіе всего періода време-
ни отъ св. Пасхи до Пятидесятницы, но, не смотря на это, не только
допускается, но и какъ-бы одобряется подвигъ поста по средамъ и
пятницамъ: „...въ среду же и въ пѣтокѣ“ сказано въ „*Чѣти*“, „*аще
сохранити(си) отъ вина и рыбы на твоей воли естѣ*“ (*Пам. Старин.
Русск. Лит.* III, 153). Встарь благочестивые люди, хотѣ и міряне, по
средамъ и пятницамъ не только безусловно употребляли постную пищу
но даже нѣкоторые проводили эти дни вовсе безъ пищи; такъ, въ
Житіи благовернаго Князя Александра Невскаго сказано о Пелгусіи,
Ижерскомъ старѣйшинѣ, что онъ „живяше богоугодно,—въ среду и въ
пѣтокѣ пребывая въ алчбѣ“ (*Давр.* подъ 1263 г., стр. 455). Благочес-
тіе нашихъ предковъ простиралось до такого усиленія подвига поста,
которое не только не требуется Уставомъ св. Церкви, но даже прямо
возбраниается имъ; примѣромъ усиленія требованій Устава, впрочемъ,
не возбранимаго имъ можетъ служить богоугодная жизнь Пелгусія, а
равно—обычай поститься по понедѣльникамъ, о чемъ упоминается въ
Нифонтовомъ житіи (*Пам. Стар. Русск. Лит.* IV, 3). Но наша древ-
няя исторія представляетъ въ этомъ отношеніи и примѣръ прѣмага
нарушенія требованій Устава. Мы говоримъ о *Леонтіанской ереси*, по-
явившейся въ половинѣ XII столѣтія и проповѣдавшей постъ въ Го-
сподскіе праздники, если они случатся въ одинъ изъ постныхъ дней
седмицы (*Давр.* 334; ср. *Ипат.* 356). Это ученіе было, безъ сомнѣнія,
плодомъ благочестиваго желанія усилить подвигъ поста, и, не смотря
на то, что оно было прямымъ нарушеніемъ Устава, это ученіе—хотя
и въ измѣненномъ видѣ, находило себѣ защитниковъ въ лицѣ мно-
гихъ русскихъ святителей, каковы Ростовскій Епископъ Несторъ,
Митрополитъ Константинъ и Епископъ Антоній Черниговскій и др.
(См. *Высокопреосвящ. Макарія*: *Ист. Русск. Церкви*, III, 81—85. Ср.
Никон. II, 761, 201—202).—Взглядъ Вселенской Церкви на этотъ
вопросъ выражается въ извѣстномъ *посланіи* Патріарха Константино-
польскаго, Луки ХризOVERга, къ князю Андрею Юрьевичу Боголюб-
скому. Приведемъ изъ этого *посланія* слѣдующую выдержку: „...Поко-
райся убо, возлюбленный о Господѣ духовный сыне, боголюбивому
епископу твоему (Нестору), яко аще прилучитца господскіи праздникъ
Рождества Христова и богоявленія в среду и в пѣтокѣ, разрѣшасть

епископъ мирскихъ ясти мяса и вся, инокихъ же млеко, масло кравье и сыръ, и яйца. На рождество пречистыя Богородицы и на стрѣтние, и на уснение, и на преображение Господне в среду и в пятокъ разрѣшаетъ иноковъ же и миръ на масло древяное и на овощи, и на рыбу, и на вино. На благовѣщение же недѣли вербныя в кой убо день случитца разрѣшаетъ на масло и на овощи и на вино, на страстной же недели до великаго пятка на масло и на вино, в великій же пятокъ на вино точию. Два же праздника Предтечева и святыхъ Апостолъ Петра и Павла и возлюбленнаго Ивана Богослова и к симъ другихъ нарочитыхъ святыхъ, аще случитца в среду или в пятокъ, аще благословить и повелить епископъ ясти масло древяное и овощи, и рыбу, и вино,—сиде твори. На воздвижение же честнаго креста масло древяное и вино; дважнадесятихъ днехъ отъ рождества Христова до крещенія да недѣля о мытаріи и о фарисѣи да недѣля сыропустная, да недѣля свѣтлая, да недѣля по Троицине дни, отъ свѣтлой же недѣли даже и до пянтикостія в средѣхъ и в пятцѣхъ постъ, иже и до девятаго часа, не соблюдаемъ, *но аще и снѣдь сыра и масла кравяго, и мяса отметаема съидениемъ Апостольскаго правила*, по масло древяное и другая к симъ, и рыбы приемлемъ, зане в сихъ днехъ аще и память Господскаго распятія творяще. распятію престоющая тропари поемъ, но и воскресныя сими споемъ, якоже и во иныхъ днехъ умилительные тропари примѣшаемъ. Да еще праздникъ Господскій в среду и в пятокъ или коего нарочитаго святаго и до самаго пянтикостія, вопрошася главу свою, еже есть епископа твоего,—да аще что глаголетъ, сице твори, вѣруя, яко Господь Богъ глаголетъ усты епископа твоего“ (*Никон. II, 187—188*). Изъ этихъ постановленій Вселенскаго Патріарха видно, какъ свято чтились посты въ среды и пятки и какъ мало было въ этомъ отношеніи случаевъ разрѣшенія на мясо и на вся. Воздержаніе отъ скоромнаго Патріархъ ставитъ, при этомъ, какъ желательное и похвальное условіе, называя его *съидениемъ Апостольскаго правила*. Въ самомъ дѣлѣ, по 69-му Правилу св. Апостолъ, постъ въ среду и пятокъ разрѣшается, т.-е. въ эти дни дозволено употреблять скоромную пищу, только ради „*препятствія отъ немощи тѣлесныя*“ причемъ строгость этого предписанія во всей чистотѣ соблюдена въ Славянской Кормчей: если *Вамсамонъ*, толкуя 69 Апостольское Правило, исключаетъ изъ подъ его дѣйствія три седмицы: сплошную предъ мясопустомъ, или седмицу Мытаря и Фарисея, сырную и седмицу св. Пасхи (См. *Правила Св. Апостолъ, Св. Соборовъ* и т. д., М. 1876 г., I, 139—141); если, далѣе, Студійскій Уставъ разрѣшаетъ постъ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни слу-

чится Господскій праздникъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ: „... въ срѣд(ы) и пятки ни сыра, ни яица, ни рыбы же ясти мнѣтся, *аще не Господскъ праздникъ кде или инъ кжи настанетъ нарочитыхъ*“ (Уст. XII вѣка—въ Синод. Библиот., № 330, л. 207), то Славянская Кормчая прямо опредѣляетъ: „Великій постъ и среды и пятки *во все мѣсто* въ постѣ пребывать“ („Правила Св. Апостолъ...“ I, 141). Эта же строгость Апостольскаго Правила узаконяется и Стоглавомъ: „...также заповѣдаша (Св. Отцы)“ постановляетъ этотъ драгоценный памятникъ нашего церковнаго законодательства,—„всѣмъ православнымъ хрестіаномъ *чрезъ весь годъ* въ среду и пятокъ нетокмо поститися, но и тужатися во всякихъ подвижѣхъ и дѣлати своимъ руками, и заповѣдъ учиниша по священнымъ правиломъ: аще кій епископъ или презвитерь, или дьяконъ, или всякъ пречетникъ, или мирской чловекъ въ четьредесатницу и *чрезъ весь годъ* въ среду и пятокъ не постится, таковый да отлучится: и того бы ради православные хрестіане... въ среду бы и въ пятокъ нетокмо постилися и чисто жили, но и всякими дѣлы туждалися во славу Божию по своей силѣ: (Стогл., Гл. 41, Вопр. 21, стр. 184—185), а въ другомъ мѣстѣ съ Стоглавѣ прямо и дословно повторяется вышеуказанное 69-е Правило св. Апостолъ (ibid. Гл. 90, стр. 388).

Это значеніе поста въ среду и пятокъ выражено и въ „*оуроки Ярославль*“, такъ-какъ дачи вирнику на эти дни ясно различаются отъ дачъ на прочіе дни седмицы. Такъ опредѣлено въ седмицы мясоѣда. Само собою разумѣется, что постъ въ среду и пятокъ въ теченіе св. Четьредесатницы также долженъ былъ отличаться отъ поста во всѣ остальные дни ея. Мы не согласны съ мнѣніемъ покойнаго Казанскаго, что *7 рызанъ за рыбы* значить *по рызанъ на каждый день* несогласны какъ потому, что среда и пятокъ не могутъ быть уравниены въ дачахъ съ остальными днями, такъ и потому, что при такомъ толкованіи остался бы непонятнымъ итогъ, присоединенный къ опредѣленію дачъ въ говніе: „*тѣ вѣсѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю*“ (Ср. Казанскаго; „Изсл. о древн. русск. мон. сист“, 101—102). Ближе къ истинѣ толкованіе покойнаго же И. Д. Биллева, который совершенно справедливо полагаетъ, что *за рыбы давалось по 7 рызанъ въ день*, но, при этомъ, незабвенный профессоръ упустилъ изъ виду разницу поста въ среду и пятокъ отъ поста во всѣ остальные дни седмицы, почему у него и вышло равенство 15 кунъ сорока девяти *рызанамъ* („Очеркъ исторіи древн. мон. сист. на Руси“ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1846 г., № 3, стр. 16). Мы не можемъ не имѣть въ виду указанной разницы: если въ прочіе дни седмицы было раз-

рѣшеніе рыбы (для мірянъ), то въ среду и пятокъ такого разрѣшенія не было такъ же, какъ и въ мясоѣдѣ. Слѣдственно, дачи на эти дни вообще должны были оставаться тѣ же, что и въ среды и пятки мясоѣда, т. е. равняться по цѣнѣ не 7-ми рѣзанамъ, а *одной рѣзанѣ*: ...а въ среду рѣзаноу... въ пятницу такоже.

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышесказаннаго дѣлаемъ слѣдующій выводъ: четыре дня седмицы (великопостной), понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу, вирникъ, получалъ по 7 рѣзанъ вмѣсто рыбныхъ припасовъ, что составить въ общемъ итогъ 28 рѣзанъ; прибавивъ къ этой цифрѣ еще *два рѣзаны*, за среду и пятокъ, получимъ итогъ въ 30 рѣзанъ, урвненныхъ въ „*оуроки*“ 15 кунамъ. Слѣдственно, въ 1 кунѣ было 2 рѣзаны, а въ трихъ 25 кунѣ.

Что касается седьмага дня седмицы, воскресенья, то этотъ день не шелъ въ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что въ „*оуроки*“ прямо сказано: „*До недѣли же виро зберуть вирники*“. Извѣстно, что „*недѣля*“ есть *Воскресный день* (*недѣльный, нерабочій, праздникъ*). Въ „*оуроки Ярославъ*“ это слово, однако, упоминается въ двоякомъ смыслѣ,—въ нашемъ смыслѣ *седмицы* и въ древнемъ—*воскресенья*: само собою разумѣется, что если подводится итогъ всѣмъ дачамъ за нѣсколько дней и этотъ итогъ опредѣляется „*на недѣлю*“, то нельзя въ этомъ „*на недѣлю*“ не видѣть „*на седмицу*“, за *всю седмицу*, или лучше за всѣ ея рабочіе дни, но если срокъ пребыванія вирника въ данной общинѣ опредѣляется „*до недѣли*“, то очевидно, что этимъ выраженіемъ указывается тотъ день седмицы, до наступленія котораго вирникъ долженъ былъ окончить свои дѣла. Это понятно само собою. Опредѣленіе срока здѣсь имѣетъ цѣлью предотвращеніе излишнихъ поборовъ, отягощающихъ общину. Это опредѣленіе—непремѣнно *точное*, ибо въ противномъ случаѣ цѣль эта не могла бы быть достигнутою; къ тому же если выраженіе „*до недѣли*“ понимать, какъ „*до истеченія седмицы*“, то практическія послѣдствія такого закона были бы, очевидно, одни и тѣ же, какъ и при нашемъ пониманіи этихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ: „*до истеченія недѣли (седмицы)*“ значитъ „*до наступленія слѣдующаго Воскреснаго дня*“, ибо *недѣлю*, *воскресеньемъ* не кончается, а начинается седмица. (См. между прочимъ, *Протопресвитера Алексѣева*: Церк. Слов. III, 1816 г., стр. 27). Что же касается употребленія слова „*недѣля*“ въ тѣхъ двухъ значеніяхъ, въ которыхъ мы его встрѣчаемъ въ „*оуроки*“, то это употребленіе должно считать обычнымъ въ памятникѣхъ весьма отдаленной древности. Такъ, въ *Синайскомъ Патерики* (XII вѣка) это слово употреблено въ смыслѣ *Воскреснаго дня*: „...до недѣли, рече, пожди мене и изиду, якоже

Бѣ повелить. *якоже приде недѣля*, и съ не изиде..“ (*Сборн. Отдѣл. Русск. языка и Словесн.*, XX, 85), а въ *Лаврентьевской мѣтописи* „недѣля“ нерѣдко употребляется въ смыслѣ седмицы; напр. „бысть Благовѣщеніе святыя Богородица на пасхѣ во вторникъ празный недѣли“ (*Лавр.* подѣ 1231 г., 433) или: „по Великіи дни порожнее недѣли преставися Костянтинъ, сынъ великаго князя Ярославъ“ (*ibid.* подѣ 1255 г., 450).

Полагаемъ, что „до недѣли“ въ „оурокѣ“, какъ и въ приведенномъ выше мѣстѣ Синайскаго Патерика, значить: „до воскресенія“, при чемъ воскресенье, какъ день переѣзда вирника изъ одной общины въ другую и, при томъ, какъ день *недѣльный*, праздникъ, исключался изъ расписанія *седмичныхъ поконовъ*, начинавшихся вмѣстѣ съ началомъ *сбора виръ* съ понедѣльника.

23) стр. 32. Подобный же расчетъ и у *Казанскаго*, 102—103.

24) *Казанскій* (103) читаетъ въ этомъ мѣстѣ не 22, а 25 *кунъ*, полагая, что въ подлинникѣ вмѣсто *ѣк* стояло *ѣе* и что писецъ ошибся, смѣшавъ *е* съ *к*.

25) Если принять, что на продажи низшія наклады опредѣлялись по расчету, почему и достаточно было только означить накладъ съ высшей продажи; если, говорю, принять такое объясненіе, то спрашивается, почему же такъ не поступили и съ вирами, почему тамъ не опредѣлили поборовъ только съ болѣшей, двойной, или только съ обыкновенной *виры*?... Въ Правдѣ, какъ можно видѣть изъ статьи о *вирахъ*, по возможности-точно опредѣлены подобные поборы.

26) Покойный *Бяляевъ* считаетъ, что выраженіе „70 *кунъ*“ служить препятствіемъ къ признанію въ гривнѣ двадцати пяти *кунъ*, ибо еслибы это было такъ, то вмѣсто 70-ти *кунъ* было-бы означено 2 гривны 20 *кунъ* (*Учен. Мос. Общ. Ист. и Древн.* 1846 г. № 3, 16). Но почтенный знатокъ Русскихъ древностей, столь осторожный въ своихъ выводахъ и приговорахъ, въ данномъ случаѣ, какъ кажется, забылъ то, что, какъ указалъ еще Карамзинъ, и при рублевой системѣ считаютъ *сорокъ алтынъ* вмѣсто *рубля 20 коп.*„, но какіе же отсюда можно дѣлать выводы?

27) См. у *Срезневскаго*: Свѣдѣн. и Зам. о малонизв. и неизв. пам. № XLI, стр. 30.

28) Заглавіе повѣсти въ *Сборникъ о архимандрита Амфилохія* таково: „И се вѣд(ѣ)хъ тамо ми соуцоу в ѿцѣркѣ ѿ ѿрефѣ черноризци, иж татми оукраденое имѣніе в мѣтныю вѣниси и сего ради спсеса“. Кромѣ начальнаго *И* все остальное, равно-какъ и знаки надстрочныя и препинанія, писано киноварью (указ. *Сборн.* 259—260).

29) Русско-Лив. Акты, Anhang № I, стр. 27, 436.

30) *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1846 г., № 3, 18. Ср. *Продолж. Древн. Росс. Визіов.*, I, 22.

31). *Изслѣдов. о древнерусск. мон. сист.*, 139. *Издатели Правды* полагали, что въ векшѣ было 4 рѣзаны (см. *Максимовича*: Указ. Росс. Зак., I, 326).

32) *Сборн. Археолог. Инст.*, IV, 42—43.

33) *Воскрес. лѣт.* въ П. С. Р. Л. VIII, 91, *Псковск.* по изд. *Погодина*, 54—55 *Типографск. лѣт.* 248. *Типографскій лѣтописецъ* извѣстенъ также подъ названіемъ *Лѣтописца, который служитъ продолженіемъ Несторову Лѣтописцу* (1216—1534 г. г.), изд. 1784 года. Ср. съ словами издателей въ „*Предупрежденіи къ читателю*“.

34) *Псковск.*, по изд. *Погодина*, 55, *Псковск.* 2-я въ П. С. Р. Л. V, 23—24.

35) *Псковск.* по изд. *Погодина*, 56.

36) П. С. Р. Л. V, 26.

37) *Псковск.*, по изд. *Погодина*, 61.

38) П. С. Р. Л., IV, 208, *Псковск.* по изд. *Погодина* 68.

39) П. С. Р. Л. V, 28.

40) *ibid.* IV, 231, 250. Ср. *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ, 533 и слѣд.

41) П. С. Р. Л. IV, 271: „Тое же осени хлѣбъ былъ дорогъ, четверка по 9 денегъ, а овса четверка по 4 деньги, а жито по 6 копѣекъ, а зобница по 8 денегъ пшеницы, речке по полтинъ“. Что касается до чтенія „8 денегъ“, то, какъ кажется, слѣдуетъ принять поправку *Карамзина* (VI, 166): 50 денегъ: Буква н писдомъ легко быть принята за н, а между тѣмъ „полтина въ 8 денегъ“ не имѣетъ смысла. См. также *Прозоровскаго*: Монета и вѣсъ, 534.
